

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

AL-FARABI

JOURNAL OF SOCIO- HUMANITARIAN STUDIES

ҚР ҒЖБМ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
ШЖҚ РМК «ФИЛОСОФИЯ,
САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ
ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ»

Мерзімді баспасөз басылым-
дарын және (немесе) ақпарат
агенттіктерін есепке алу туралы
куәлік № 13403-Ж 22.02.2013 ж.

Журнал ҚР ҒЖМ Білім және
ғылым саласындағы бақылау
комитетінің философия және сая-
си ғылымдары бойынша негізгі
ғылыми нәтижелерін жариялай-
тын ғылыми басылымдар тізіміне
енгізілген. (Комитет бұйрығы
05.07.2013 ж. №1033; Комитет
бұйрығы 20.08.2013 ж. № 1201).

2003 ж. шығарыла бастады
Жазылу көрсеткіші – 74671

ӘЛ-ФАРАБИ

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ЖУРНАЛЫ

Том 24 № 2(94) 2026 ж.

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

ӘЛ-ФАРАБИ МҰРАСЫ: АУДАРМАЛАР МЕН ЗЕРТТЕУЛЕР – НАСЛЕДИЕ АЛЬ-ФАРАБИ: ПЕРЕВОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- Жумадилова А.Е., Мустафаева А.А., Хаван А.*
Религиозные взгляды Аль-Фараби в западной
исследовательской традиции: сравнительный анализ
интерпретаций.....3

ТАРИХ ТОЛҚЫНЫНДАҒЫ ТҮРКІ ӘЛЕМІ – ТЮРКСКИЙ МИР В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

- Молотова Г.М., Молотова Э.М.*
Общность культуры тюркских народов и
трансформационные процессы.....18
- Salymatova N.R., Anassova K.T.*
Transformation of Values in the Zar Zaman Worldview:
the Conflict Between Tradition and Modernity.....28
- Качеев Д.А., Токтаров Е.Б., Оспанов Т.Т., Видершпан А.В.*
К вопросу о трансформации общественного сознания
казахов.....41

- Бегалинова К.К., Ашилова М.С., Бегалинов А.С.*
Суфизм сердца в учении Ходжа Ахмета Ясави и его влияние
на формирование мировоззрения степей.....54

ҚАЗІРГІ ҚОҒАМ: БІРЕГЕЙЛІК. ЖАҢҒЫРУ. БОЛАШАҚ – СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕНТИЧНОСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ. БУДУЩЕЕ

- Кульжанова Г.Т., Кульжанова Ж.Т.*
Идентичность и самоидентификация как основа
человеческого капитала.....66
- Ташбулатова М.К., Саудабекова Э.К.*
Идентичность и ее семиозис.....80

© Философия, саясаттану және дінтану институты
050010, Алматы, Шевченко көшесі, 28, www.alfarabijournal.org

© Filosofia, saiasattanu және dıntanu instituty
050010, Almaty, Şevchenko köşesi, 28, www.alfarabijournal.org

АЛ-ФАРАБИ

ЖУРНАЛ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РГП на ПХВ «ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ»
КОМИТЕТА НАУКИ
МНВО РК

Свидетельство о постановке
на учет периодического
издания и (или)
информационного агентства
№13403-Ж от 22.02.2013 г.

Журнал включен в перечень
научных изданий, рекомендуемых
Комитетом по контролю в сфере
образования и науки МНВО РК для
публикации основных результатов
научной деятельности по философ-
ским и политическим наукам
(приказ Комитета от 05.07.2013 г.
№ 1033; приказ Комитета от
20.08.2013 г. № 1201).

Издается с 2003 г.

Подписной индекс – 74671

АЛ-ФАРАБИ

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ЖУРНАЛЫ

Том 24 № 2(94) 2026 г.

Jumaniyozova S.B.

Philosophical Aspects of Causal Relationships in the Universe...96

Kiyekenova B.B., Nurmukhametova K.Sh., Bolysova K.M.

Justice in the Context of Globalization and Digital
Transformation (a Philosophical Analysis).....107

Balmagambetova Zh.Z., Lifanova T.Yu., Kirabaev N.S.

Intonation and Meaning in the Philosophy of Language..120

Issak N.O., Tumashbay T.E., Kudaibergenova N.Zh.

Contemporary Philosophy: Internet Philosophy and
Techno-Philosophy in the Post-Soviet Space.....132

Biyazdykova K.A., Jekebayeva M.A.

Dynamic Changes in Cultural and Philosophical Values...152

БІЛІМ ФИЛОСОФИЯСЫ – ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Кауанова А.Б., Тарлаубай М., Абеуова Ш.К., Насырова М.

Электронное образование как феномен современной
философии образования.....169

МЕРЕЙТОЙЛАР – ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Курганской В.Д. – 70!.....183

Наши авторы.....184

Our authors.....186

Content.....188

© Философия, саясаттану және дінтану институты
050010, Алматы, Шевченко көшесі, 28 www.alfarabijournal.org

© Filosofia, saiasattanu және dıntanu instituty
050010, Almaty, Şevchenko köşesi, 28, www.alfarabijournal.org

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АЛЬ-ФАРАБИ В ЗАПАДНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

¹ А.Е. Жумадилова, ² А.А. Мустафаева, ³ А. Хаван*

^{1,2,3} Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

¹intercarrental.1991@gmail.com, ²rummana@mail.ru, ³aidyngulk@gmail.com

¹ A. Zhumadilova, ² A. Mustafayeva, ³ A. Khavan

^{1,2,3} Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

¹intercarrental.1991@gmail.com, ²rummana@mail.ru, ³aidyngulk@gmail.com

Ссылка: Жумадилова А.Е., Мустафаева А.А., Хаван А. Религиозные взгляды аль-Фараби в западной исследовательской традиции: сравнительный анализ интерпретаций // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – С. 3-17.

Аннотация. В статье рассматриваются религиозные взгляды Абу Наср аль-Фараби в интерпретации западной исследовательской традиции в контексте отсутствия единого подхода и противоречивости интерпретаций соотношения философии и религии в его учении. Основное внимание уделяется анализу различных подходов к пониманию данной проблемы, а также выявлению их методологических оснований.

Цель исследования заключается в систематизации и сравнительном анализе интерпретаций религиозных взглядов аль-Фараби в работах современных зарубежных исследователей. В статье рассматриваются подходы Лео Штрауса, Мухсина Махди, Джошуа Паренса, Чарльза Э. Баттерворта, Питера Адамсона, Ричарда Вальцера и Терез-Анн Друар, в которых религиозная проблематика анализируется в политико-философском, эпистемологическом и метафизическом контекстах. Особое внимание уделяется методологическому подходу Димитри Гутаса, который предлагает критическое переосмысление самой интерпретационной перспективы и подчёркивает необходимость рассмотрения философии аль-Фараби в контексте греко-арабской интеллектуальной традиции.

В результате исследования выявлено, что, несмотря на различие интерпретаций, большинство исследователей признают тесную взаимосвязь философии и религии в системе аль-Фараби. Вместе с тем в статье обосновывается, что сведение религии исключительно к производной форме философского знания не в полной мере отражает специфику его учения. Делается вывод о многоуровневом характере религиозной концепции аль-Фараби и отсутствии единого подхода к её интерпретации в современной историографии.

* Автор-корреспондент: А.Е. Жумадилова, intercarrental.1991@gmail.com

Ключевые слова: аль-Фараби; религиозные взгляды; исламская философия; философия и религия; западная историография; интерпретационные подходы.

Введение

Философское наследие Абу Наср аль-Фараби занимает особое место в истории средневековой мысли, выступая связующим звеном между античной философской традицией и исламской интеллектуальной культурой. Одним из ключевых аспектов его учения является проблема соотношения философии и религии, которая получает у аль-Фараби системное и концептуально разработанное выражение. В отличие от каламической традиции, философ стремится не противопоставить религию философии, а определить её место в структуре рационального знания.

Актуальность обращения к религиозным взглядам аль-Фараби обусловлена их значением для понимания формирования рационалистической парадигмы в исламской философии. В современных исследованиях подчёркивается, что аль-Фараби рассматривает религию как элемент общественного устройства, обеспечивающий передачу философских истин в доступной форме. Так, А.С. Танабаева и М.Б. Аликбаева [1] рассматривают соотношение религии и философии, подчёркивая роль религии в общественной жизни, тогда как Ж.А. Алтаев и Ж.А. Амиркулова [2] акцентируют внимание на согласовании рационального и религиозного знания. В работах Г. Стейрис (Georgios Steiris), Г.Ж. Нурышевой и Г.М. Конаевой [3] подчёркивается взаимозависимость религии и философии, где религия выступает как практическое выражение философских принципов. В интерпретации Д.Т. Кенжетоева религия и философия направлены к одной цели – достижению счастья, однако различаются по способам её достижения, при этом автор подчёркивает более значимую роль религии [4, с.126].

Вместе с тем степень изученности религиозных взглядов аль-Фараби в западной (прежде всего англоязычной) научной традиции характеризуется методологическим разнообразием. В работах Л. Штрауса (Leo Strauss) [5] религия интерпретируется как экзотерическая форма философского знания. М. Махди (Muhsin Mahdi) [6] и Дж. Паренс (Joshua Parens) [7] рассматривают религию как элемент организации добродетельного общества и форму выражения философской истины. В исследованиях Ч.Э. Баттерворта (Charles E. Butterworth) [8] и П. Адамсона (Peter Adamson) [9] религиозная проблематика анализируется через призму метафизики и эпистемологии. Р. Вальцер (Richard Walzer) [10] акцентирует внимание на текстологическом анализе и роли воображения, тогда как Т.-А. Друар (Thérèse-Anne Druart) [11] рассматривает учение аль-Фараби в метафизическом ключе. В отличие от указанных исследователей, Д. Гутас (Dimitri Gutas) [12] предлагает иной методологический подход, ориентированный на рассмотрение философии аль-Фараби в контексте греко-арабской интеллектуальной традиции.

Таким образом, в западной исследовательской традиции сформировалось несколько подходов к интерпретации религиозных взглядов аль-Фараби. Вместе

с тем отсутствует единый целостный подход: исследования носят фрагментарный характер и сосредоточены на отдельных аспектах, что обуславливает необходимость их комплексного анализа и сопоставления.

Целью настоящего исследования является анализ религиозных взглядов аль-Фараби в западной исследовательской традиции с выявлением основных интерпретационных подходов и их сопоставлением. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- определить место религии в философской системе аль-Фараби;
- проанализировать интерпретации религиозной проблематики в работах западных исследователей;
- выявить различия и сходства в их подходах;
- определить характер соотношения философии и религии в данных интерпретациях.

Методология

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий элементы сравнительного, историко-философского и интерпретационного анализа. Применение сравнительного метода позволило сопоставить различные интерпретации религиозных взглядов аль-Фараби в работах западных исследователей и выявить их сходства и различия.

Историко-философский метод использовался для рассмотрения учения аль-Фараби в контексте развития средневековой философии и его связи с античной и исламской интеллектуальной традицией. Это позволило определить место религии в структуре его философской системы и избежать её односторонней трактовки.

Интерпретационный (герменевтический) подход обеспечил анализ текстов современных исследователей с целью выявления их методологических установок и концептуальных оснований. В рамках данного подхода особое внимание уделялось способам осмысления соотношения философии и религии, а также различным моделям их интерпретации.

Дополнительно использовался метод проблемного анализа, позволивший выявить отсутствие единого подхода к интерпретации религиозных взглядов аль-Фараби в современной западной историографии и обосновать необходимость их комплексного рассмотрения.

Интерпретации религиозных взглядов Абу Наср аль-Фараби в западной исследовательской традиции

Для анализа религиозных взглядов Абу Наср аль-Фараби необходимо прежде всего определить место религии в структуре его философского учения. В работах аль-Фараби религия (*milla*) рассматривается не как самостоятельный источник истины, а как особая форма её выражения, связанная с воображением и направленная на восприятие широких слоёв общества. В отличие от философии,

основанной на демонстративном знании, религия опирается на символы и образы, обеспечивая трансляцию философских положений в доступной форме.

При этом, как подчёркивается в современных исследованиях, речь идёт не о противопоставлении философии и религии, а о различии способов репрезентации истины [1; 2; 3]. Философия выражает истину в форме понятий и доказательств, тогда как религия передаёт её через образы, убеждение и нормативные предписания. Такое различие связано с различием адресата: философское знание ориентировано на подготовленного субъекта, тогда как религиозное – на широкое сообщество.

Кроме того, религия выполняет важную социальную функцию, обеспечивая организацию общественной жизни и формирование ценностных ориентиров. Как отмечается в ряде исследований, она способствует закреплению философских принципов на уровне общественного сознания и практики.

Данное понимание религии в философии аль-Фараби получило различные интерпретации в западной исследовательской традиции, где акцент делается на соотношении философии и религии, статусе божественного знания, а также метафизических основаниях его учения.

Религия как форма философского знания в интерпретации Л. Штрауса

В интерпретации Л. Штрауса религиозные взгляды Абу Наср аль-Фараби рассматриваются через призму соотношения философского знания и религиозного учения. Штраус подчёркивает, что философия направлена на познание сущего, тогда как религия связана с нормативными представлениями и формированием убеждений [5, с. 99].

В данной перспективе религия интерпретируется не как самостоятельный источник истины, а как особая форма её выражения, адаптированная к восприятию широких слоёв общества. Философская истина, по Штраусу, передаётся в религиозной форме посредством символов и образов, что обуславливает различие между философским и религиозным знанием.

В этой связи различие между философией и религией в интерпретации Штрауса приобретает не только эпистемологическое, но и социально-политическое значение. Философское знание, основанное на демонстрации, предполагает ограниченный круг адресатов, способных к рациональному постижению истины, тогда как религия ориентирована на более широкое сообщество и выполняет функцию формирования устойчивых убеждений. В этом контексте религиозные представления рассматриваются как средство закреплении философских положений на уровне общественного сознания.

Вместе с тем такая интерпретация предполагает определённое понимание роли религии в философии аль-Фараби, согласно которому она выполняет преимущественно инструментальную функцию. Данная позиция является дискуссионной и в исследовательской литературе нередко подвергается уточнению, поскольку допускает различные трактовки соотношения философского и религиозного знания.

Особое значение имеет анализ отношения философа к религии. Штраус выделяет несколько возможных позиций, включая безразличие к религиозной принадлежности, создание религиозной системы как средства регулирования человеческой жизни, а также принятие рациональных законов, сформулированных философами [5, с. 113-114]. Эти положения позволяют интерпретировать религию как средство передачи и закрепления философских идей.

Дополнительное измерение данной проблемы связано с различием между экзотерическим и эзотерическим уровнями учения. Штраус отмечает, что философ может излагать свои взгляды в форме, доступной для религиозного восприятия, при этом сохраняя более глубокий уровень смысла [5, с. 16-18; 182-183]. В этом контексте религия рассматривается как внешняя форма философского знания, тогда как его содержание может предполагать более сложную интерпретацию.

Таким образом, в интерпретации Штрауса религия у аль-Фараби понимается как форма трансляции философской истины, выполняющая познавательную и педагогическую функции.

Концепция «добродетельной религии» в интерпретации Дж. Паренса

В отличие от интерпретации Штрауса, в которой религия преимущественно рассматривается как форма передачи философской истины, в работах Дж. Паренса предлагается более комплексное понимание её роли в философии аль-Фараби. В частности, анализируя трактат «*Kitab al-milla*» (*Книга религии*) и «*Tahsil as-Sa'ada*» (*Достижение счастья*), Паренс подчёркивает, что аль-Фараби допускает существование множественности добродетельных религий, каждая из которых соотносится с конкретными историческими и культурными условиями различных сообществ [6, с. 2-3]. В отличие от современных концепций религиозной толерантности, аль-Фараби, в интерпретации Паренса, не утверждает равенства всех религий, а выстраивает иерархически организованную систему, в которой религия выполняет не только трансляционную, но и нормативно-политическую функцию [6, с. 3-5].

При этом религия рассматривается не просто как упрощённое отражение философской истины, а как необходимый механизм её адаптации и институционализации в рамках конкретного политического сообщества. Паренс связывает данную позицию с платоновской идеей философа-правителя, подчёркивая, что формирование добродетельного порядка требует разнообразия религиозных форм, соответствующих множественности человеческих обществ [6, с. 5-7]. Таким образом, в отличие от штрауссианского акцента на эпистемологическом различии между философией и религией, подход Паренса смещает внимание к политико-функциональному измерению религии, рассматривая её как необходимый элемент организации и поддержания добродетельного общественного устройства.

***Религиозное измерение философии аль-Фараби
в интерпретации М. Махди***

Сходную, но более институционально ориентированную интерпретацию религии как элемента философско-политического порядка предлагает М. Махди, акцентирующий внимание на её роли в структуре добродетельного общества. В издании *«Alfarabi's Philosophy of Plato and Aristotle»* он рассматривает религию в контексте целостной философско-политической системы аль-Фараби. Несмотря на отсутствие специального анализа трактата *«Kitab al-milla»* (Книга религии), во введении и в интерпретации *«Tahsil as-Sa'ada»* (Достижение счастья) содержатся ключевые положения для понимания её статуса.

Махди указывает, что традиция исходила из согласия философии и откровения [7, с. 3], не предполагающего тождества методов. Аль-Фараби различает философский и религиозный способы познания: философия достигает истины посредством демонстрации, тогда как религия опирается на воображение и образное представление [7, с. 6-7]. В этом смысле религия выступает как «имитация» философии, воспроизводящая её истины в символической форме [7, с. 7], не создавая новых.

Различие между ними носит эпистемологический характер: философское знание адресовано немногим, тогда как религия ориентирована на общество [7, с. 7-8], выполняя социально-педагогическую функцию. В *«Tahsil as-Sa'ada»* (Достижение счастья) высшее совершенство связывается с познанием сущего [7, с. 13], а процесс достижения знания описывается как результат демонстративного познания [7, с. 15-17], что подтверждает приоритет философии.

Вместе с тем религия сохраняет важную роль как элемент политической организации. Анализ сообщества как пространства реализации высшего блага [7, с. 24-26] показывает, что нормативный порядок направляет граждан к добродетели. Таким образом, в интерпретации Махди религия занимает промежуточное положение: она не тождественна философии, но и не противопоставляется ей, выполняя функцию политико-педагогической репрезентации истины в рамках единой философско-политической системы.

***Рационализация религиозного знания у аль-Фараби
в интерпретации Р. Вальцера***

В отличие от представителей англо-американской традиции, сосредоточенных на политико-философском измерении, Р. Вальцер обращается к текстологическому анализу, уточняя соотношение философии и религии на основе самих фарабийских текстов.

Религиозные взгляды аль-Фараби в его интерпретации раскрываются через их соотнесение с философским знанием. Как отмечается во введении к изданию *«Al-Farabi on the Perfect State»*, философ не отвергает религию, однако рассматривает её как форму знания, ограниченную рамками сообщества и

отличающуюся от универсального характера философской истины [10, с. 14]. Религиозные понятия при этом интерпретируются через философские категории, что свидетельствует о рационализации религиозного языка [10, с. 14-16].

Вальцер также рассматривает соотношение философии и калама: аль-Фараби признаёт значение теологии, однако не приравнивает её к философии [10, с. 15]. В этом контексте религия может пониматься как форма познания, не достигающая уровня демонстративного знания. Вместе с тем религиозная проблематика включается в философскую систему и переосмысливается в её рамках [10, с. 16-17].

Таким образом, религия у Вальцера предстает не как автономная область, а как элемент философской системы, подлежащий рациональному осмыслению. Акцент смещается с символическо-эзотерического измерения на концептуальную структуру религиозного знания. В итоге данный подход сближает Вальцера с М. Махди, однако, в отличие от Л. Штрауса, он не акцентирует внимание на проблеме эзотеризма, рассматривая религию прежде всего как рационально интерпретируемый компонент философской системы.

Религия как часть метафизического знания в интерпретации Ч. Баттерворта

Дальнейшее развитие рационалистической интерпретации религиозной проблематики получает в работах Ч. Баттерворта, где акцент переносится на метафизические основания философии аль-Фараби. В исследовании, опубликованном в сборнике *«Illuminationist Texts and Textual Studies»* (глава 13: *“Fārābī’s Purposes of Aristotle’s Metaphysics and Avicenna’s ‘Eastern’ Philosophy”*) [8], анализ трактата *«Al-Farabi on the Perfect State»* позволяет реконструировать ключевые принципы его религиозно-философской концепции.

Баттерворт обращает внимание на критику аль-Фараби распространённого отождествления метафизики с теологией: лишь одна книга *«Метафизики»* посвящена Первому началу, тогда как основной корпус направлен на исследование бытия как такового (*al-ujud*) [8, с. 258-260]. Тем самым божественная проблематика выступает завершением философского анализа, а не его исходной точкой.

Центральным является определение Бога как универсального принципа бытия: он рассматривается не как объект частной науки, а как основание существования сущего [8, с. 259-261]. Соответственно, «божественная наука» включается в структуру метафизики и не существует автономно. Аль-Фараби также отвергает возможность существования двух универсальных наук: универсальной может быть только метафизика, тогда как остальные области знания входят в её структуру [8, с. 260-262].

Особое значение придаётся вопросу познания: знание о Боге достигается посредством демонстративного рассуждения, без обращения к сверхрациональным формам [8, с. 263-266]. Религиозная истина, таким образом, не противопоставляется разуму, а формируется в рамках философии. Баттерворт

также подчёркивает, что философия раскрывает истину о бытии, тогда как религия передаёт её в доступной форме [8, с. 266-269]. В этом смысле религия выступает как производная форма философского знания.

Таким образом, согласно анализу Баттерворта, религиозные взгляды аль-Фараби формируются в рамках рационалистической системы: Бог мыслится как универсальный принцип бытия, а религиозное знание рассматривается как производное от философского исследования.

Божественное знание и контингентность будущего в интерпретации П. Адамсона

Углубляя данный подход, П.Адамсон рассматривает религиозную проблематику через призму логико-метафизического анализа, сосредотачиваясь на вопросе божественного знания и статусе будущих контингентных событий. В статье «*Al-Farabi on Future Contingents*» религиозное измерение философии аль-Фараби анализируется в контексте соотношения божественного всеведения и контингентности будущего. Несмотря на выраженную логико-метафизическую направленность исследования, его выводы имеют принципиальное значение для понимания религиозных взглядов философа.

Адамсон показывает, что для аль-Фараби принципиально важно сохранить два положения: совершенное и вечное божественное знание, с одной стороны, и контингентный характер будущих событий – с другой [9, с. 163-166]. В этой связи философ проводит различие между логической необходимостью истинности высказывания о будущем и онтологической природой самого события, тем самым избегая жёсткого детерминизма [9, с. 167-170]. Данный подход позволяет сохранить теологическое учение о божественном всеведении, одновременно подвергая его философской реконструкции. Как подчёркивает Адамсон, речь идёт не о простом воспроизведении традиционной догматики, а о её рациональном переосмыслении в рамках логики и метафизики [9, с. 170-174].

Особое значение приобретает этико-религиозное измерение рассматриваемой проблемы. Если будущие события были бы необходимыми, это поставило бы под сомнение человеческую свободу и религиозную концепцию ответственности. В интерпретации Адамсона аль-Фараби стремится сохранить совместимость божественного предведения, человеческой свободы и идеи воздаяния [9, с. 174-179].

В заключительной части исследования подчёркивается, что философия и религия в системе аль-Фараби не вступают в противоречие. Напротив, философия выступает инструментом концептуального прояснения религиозных положений [9, с. 180-186]. Таким образом, подход Адамсона позволяет уточнить, что религиозная проблематика у аль-Фараби имеет не только политико-функциональное, но и метафизическое измерение. Это дополняет существующие интерпретации, показывая, что религия в его системе выступает не только как форма передачи истины, но и как объект философского осмысления.

*Метафизические основания религии в философии аль-Фараби:
интерпретация Т.-А. Друар*

Наиболее глубокое метафизическое осмысление философии аль-Фараби представлено в работах Т.-А. Друар, которая рассматривает религиозную проблематику в контексте общей онтологической структуры его учения, прежде всего через концепцию эманации. В метафизике аль-Фараби проблема эманации занимает центральное место как способ объяснения происхождения множественного мира из единого божественного начала. В исследовании Друар подчёркивается, что иерархическая структура бытия требует философского объяснения, реализуемого посредством концепции «нисхождения» (emanationist descent) [11, с. 7].

Эманация у аль-Фараби понимается как последовательное происхождение уровней бытия от Первой причины, выступающей одновременно эффективной, формальной и конечной причиной всего сущего [11, с. 7-8]. Данный процесс включает цепь интеллектов, завершающуюся активным интеллектом, через который осуществляется переход к миру природы [11, с. 7]. При этом каждый последующий уровень возникает через акт интеллектуального постижения Первопричины, что указывает на рациональный, а не физический характер эманации.

Тем самым, как показывает Друар, концепция эманации у аль-Фараби выполняет не столько религиозную, сколько философскую функцию, обеспечивая объяснение структуры реальности и позволяя согласовать принцип божественного единства с существованием множественного мира. Такая модель даёт возможность переосмыслить традиционное религиозное учение о сотворении мира, переводя его в категориальный аппарат философской метафизики.

Методологический подход Д. Гутаса к изучению философии аль-Фараби

Особую позицию в современной историографии занимает Д. Гутас, предлагающий иной методологический подход к интерпретации религиозных взглядов аль-Фараби. В отличие от исследователей, рассматривающих религию как центральный и автономный элемент его философии, Гутас переносит акцент на проблему самой интерпретационной перспективы и условий постановки исследовательских вопросов.

В работе «*The Study of Arabic Philosophy in the Twentieth Century*» подчёркивается, что в западной научной традиции укоренилась тенденция рассматривать арабскую философию преимущественно через призму религии, что приводит к смещению акцентов и искажению её философского содержания. В частности, вопрос о соотношении философии и религии нередко формулируется как проблема их противоречия, тогда как в действительности он первоначально обсуждался в иной плоскости – в рамках логики и эпистемологии [12, с. 108].

В этом контексте религиозная проблематика в философии аль-Фараби не выступает как самостоятельная область знания. Напротив, она включена в более

широкий философский дискурс, связанный с вопросами доказательства, истины и способов познания. Таким образом, религия рассматривается не как оппозиция философии, а как особая форма выражения истины, функционирующая в рамках общей эпистемологической системы [12, с. 108].

Кроме того, Д. Гутас обращает внимание на то, что преобладание религиозной интерпретации арабской философии в западной историографии приводит к недооценке её связи с античной философской традицией и логико-рациональными основаниями. Это, в свою очередь, затрудняет адекватное понимание религиозных взглядов аль-Фараби, поскольку они рассматриваются вне контекста его целостной философской системы [12, с. 107-108].

В этой связи методологический подход Д. Гутаса позволяет изменить ракурс рассмотрения религиозных взглядов аль-Фараби, сместив внимание с их изолированного анализа к более широкому историко-философскому контексту. Представляется, что данный подход не столько даёт исчерпывающее объяснение религиозной проблематики, сколько позволяет пересмотреть саму исследовательскую парадигму.

Таким образом, позиция Гутаса демонстрирует необходимость дополнения традиционных интерпретаций, ориентированных на религиозную проблематику, более широким контекстуальным анализом, что позволяет избежать одностороннего понимания философии аль-Фараби [12, с. 107-108]. Тем самым данный подход расширяет исследовательскую перспективу и требует учёта при анализе религиозных взглядов аль-Фараби.

Сравнительный анализ западных интерпретаций религиозных взглядов аль-Фараби

Сопоставление представленных интерпретаций позволяет выявить несколько устойчивых подходов к пониманию религиозных взглядов Абу Наср аль-Фараби в западной исследовательской традиции.

Прежде всего, различия проявляются в определении статуса религии. В интерпретации Л. Штрауса религия рассматривается как экзотерическая форма философского знания, скрывающая его подлинное содержание. В работах Дж. Паренса данная позиция получает развитие, однако не сводится к ней: религия интерпретируется не только как символическое выражение философской истины, предназначенное для широкой аудитории, но и как политически значимый институт, обеспечивающий организацию и поддержание добродетельного общественного порядка. В свою очередь, М. Махди акцентирует внимание на социальной функции религии, рассматривая её как элемент организации добродетельного общества.

Иная линия представлена в работах Р. Вальцера, Ч.- Э. Баттерворта и П. Адамсона, где религия анализируется в контексте философского знания. У Вальцера она рассматривается как рационально интерпретируемая форма, Баттерворт включает божественную проблематику в структуру метафизики, а

Адамсон демонстрирует возможность философского обоснования теологических положений через анализ контингентности будущих событий.

Наиболее глубокий уровень анализа представлен в работах Т.-А. Друар, где религиозная проблематика рассматривается через метафизическую структуру философии аль-Фараби. В данном случае религия осмысливается в контексте онтологии и концепции эманации, позволяющей согласовать единство божественного начала с множественностью мира.

Особую позицию занимает Д. Гутас, предлагающий иной методологический подход. В отличие от перечисленных исследователей, Гутас не сосредоточивается на анализе религии как самостоятельной проблемы, а ставит под вопрос саму интерпретационную перспективу. Он подчёркивает, что тенденция рассматривать философию аль-Фараби преимущественно через призму религии может приводить к смещению акцентов и недооценке её философского содержания, предлагая рассматривать её в более широком контексте греко-арабской интеллектуальной традиции.

Общим для большинства рассмотренных интерпретаций является признание тесной взаимосвязи философии и религии в системе аль-Фараби. Однако различия заключаются в понимании характера этой взаимосвязи: от интерпретации религии как формы выражения философского знания (Штраус, Паренс) до её рационального осмысления в рамках метафизики (Баттерворт, Адамсон, Друар).

В то же время представляется необходимым критически оценить данную интерпретационную тенденцию. Сведение религии исключительно к производной форме философского знания, характерное для ряда западных интерпретаций, не в полной мере отражает специфику учения аль-Фараби. Проведённый анализ показывает, что религия у аль-Фараби не ограничивается функцией символической трансляции философских истин, а обладает собственной структурой и значением, связанными с нормативной регуляцией и организацией общественной жизни.

В этой связи более обоснованным представляется рассматривать философию и религию не в жёсткой иерархической зависимости, а как взаимосвязанные, но не редуцируемые друг к другу уровни выражения истины. Они различаются по форме, способу выражения и адресату, но при этом остаются взаимосвязанными в рамках единой философской системы.

Таким образом, западная исследовательская традиция демонстрирует многоуровневый характер осмысления религиозной проблематики в философии аль-Фараби. Вместе с тем методологический подход Д. Гутаса не опровергает данные интерпретации, а позволяет критически переосмыслить их основания, обращая внимание на необходимость рассмотрения философии аль-Фараби в более широком историко-философском контексте.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что религиозные взгляды Абу Наср аль-Фараби представляют собой сложную и многоуровневую философскую конструкцию, не сводимую к однозначной интерпретации. Их осмысление в современной исследовательской традиции демонстрирует разнообразие подходов, обусловленных различными исследовательскими задачами и теоретическими установками, что позволяет выявить как их общие основания, так и принципиальные различия в понимании соотношения философии и религии.

Существенным результатом исследования является установление того, что религия в философии аль-Фараби не противопоставляется философии, а рассматривается в тесной взаимосвязи с ней, при этом характер данной взаимосвязи остаётся предметом интерпретации. Это позволяет говорить о гибкости и открытости концепции аль-Фараби, допускающей различные способы прочтения.

Вместе с тем представленные в западной исследовательской традиции интерпретации показывают, что религия в философии аль-Фараби не может быть сведена исключительно к производной форме философского знания. Она рассматривается в различных аспектах – как форма выражения философской истины, как элемент политической организации и как компонент целостной философской системы, что свидетельствует о многозначности и сложности её статуса.

Значимость данной концепции заключается в том, что она предлагает модель соотношения разума и религии, в рамках которой философское и религиозное знание не исключают друг друга, а функционируют в пределах единой интеллектуальной системы. Такой подход сохраняет свою актуальность в контексте современных дискуссий о соотношении рационального и религиозного в философии.

Таким образом, в западной исследовательской традиции религиозная философия аль-Фараби рассматривается как важный этап в развитии рационалистического подхода к религии, в рамках которого предпринимается попытка её концептуального осмысления средствами философского знания. Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным анализом отдельных аспектов соотношения философии и религии в учении аль-Фараби, а также с расширением сравнительного изучения различных исследовательских традиций, включая восточную и исламскую интерпретации его наследия.

Список литературы

1 Танабаева А. С., Алибаева М. Б. Аль-Фараби: о философии и религии // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2015. – С. 90-96.

2 Алтаев Ж. А., Амиркулова Ж. А. Эл-Фараби шығармашылығындағы дін мен философияның ортақтастығы // ҚазҰУ Хабаршысы. Философия сериясы. Мәдениеттану сериясы. Саясаттану сериясы. – 2013. – № 3 (44). – Б. 3-12.

3 Steiris G., Nuryшева G. Zh., Konayeva G. M. Al-Farabi on the Interdependence of Religion and Politics // KazNU Bulletin. Philosophy, Cultural Studies and Political Science Series. – 2019. – No. 3 (69). – P. 117-126.

4 Кенжетаев Д. Т. Түркі ислам өркениетінің рухани жүйесіндегі әл-Фараби концепциясы // Исламтану зерттеулері. Ғылыми журнал (Research in Islamic Studies). – 2025. – № 3 (07). – Б. 119-142.

5 Strauss L. Persecution and the Art of Writing. – Chicago: University of Chicago Press, 1952. – 204 p. – [Электронный ресурс] URL: <https://ia800304.us.archive.org/20/items/LeoStrauss/LeoStraussPersecutionAndTheArtOfWriting.pdf> (дата обращения: 15.03.2026).

6 Parens J. An Islamic Philosophy of Virtuous Religions: Introducing Alfarabi. – Albany: State University of New York Press, 2006. – 170 p. – [Электронный ресурс] URL: https://books.google.co.id/books?id=nxHgiO_QSJ8C (дата обращения: 20.03.2026).

7 Mahdi M. Alfarabi's Philosophy of Plato and Aristotle. – Glencoe (Ill.): The Free Press, 1962. – 158 p.

8 Butterworth C. E. Fārābī's Purposes of Aristotle's Metaphysics and Avicenna's "Eastern" Philosophy // Illuminationist Texts and Textual Studies / ed. by J. Walbridge. – Provo: Brigham Young University Press, 1999. – P. 257-271.

9 Adamson P. Al-Farabi on Future Contingents // Journal of the History of Philosophy. – 2006. – Vol. 44, No. 2. – P. 163–188. – [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/3197526/Al_Farabi_on_Future_Contingents (дата обращения: 11.04.2026).

10 Walzer R. Al-Farabi on the Perfect State. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 571 p.

11 Druart T.-A. Fārābī iii. Metaphysics // Encyclopaedia Iranica. – 1999. – P. 1-9.

12 Gutas D. The Study of Arabic Philosophy in the Twentieth Century // al-Fikr al-‘Arabi al-Mu‘āşir. – Bayrūt: Markaz al-Inmā’ al-Qawmī

Transliteration

1 Tanabaeva A. S., Alibaeva M. B. Al'-Farabi: o filosofii i religii [Al-Farabi: about philosophy and religion] // Vestnik KazNU. Serija vostokovedenija. – Almaty: KazNU im. al'-Farabi, 2015. – S. 90-96. (in Russ)

2 Altaev Zh. A., Amirkulova Zh. A. Al-Farabi shygarmashylyghyndagy din men filosofijanyñ ortaktastygy [The unity of religion and philosophy in the work of Al-Farabi] // KazNU khabarshysy. Filosofija serijasy. Madeniettanu serijasy. Sayasattanu serijasy. – 2013. – No. 3 (44). – P. 3-12. (in Kazakh)

3 Steiris G., Nuryшева G. Zh., Konayeva G. M. Al-Farabi on the Interdependence of Religion and Politics // KazNU Bulletin. Philosophy, Cultural Studies and Political Science Series. – 2019. – No. 3 (69). – P. 117-126.

4 Kenzhetaev D. T. Turki islam orkenietinin ruhani zhujesindegi al-Farabi koncepcijasy [The concept of Al-Farabi in the spiritual system of Turkic Islamic Civilization] // Islamtanu zertteuleri. Ghylymi zhurnal (Research in Islamic Studies). – 2025. – № 3 (07). – P. 119-142.

5 Strauss L. Persecution and the Art of Writing. – Chicago: University of Chicago Press, 1952. – 204 p. – [Elektronnyj resurs] URL: <https://ia800304.us.archive.org/20/items/LeoStrauss/LeoStraussPersecutionAndTheArtOfWriting.pdf> (Data obrashhenija: 15.03.2026).

6 Parens J. An Islamic Philosophy of Virtuous Religions: Introducing Alfarabi. – Albany: State University of New York Press, 2006. – 170 p. – [Elektronnyj resurs] URL: https://books.google.co.id/books?id=nxHgiO_QSJ8C (Data obrashhenija: 20.03.2026).

7 Mahdi M. Alfarabi's Philosophy of Plato and Aristotle. – Glencoe (Ill.): The Free Press, 1962. – 158 p.

8 Butterworth C. E. Fārābī's Purposes of Aristotle's Metaphysics and Avicenna's "Eastern" Philosophy // Illuminationist Texts and Textual Studies / ed. by J. Walbridge. – Provo: Brigham Young University Press, 1999. – P. 257-271.

9 Adamson P. Al-Farabi on Future Contingents // Journal of the History of Philosophy. – 2006. – Vol. 44, No. 2. – P. 163-188. – [Elektronnyj resurs] URL: https://www.academia.edu/3197526/Al_Farabi_on_Future_Contingents (Data obrashhenija: 11.04.2026).

10 Walzer R. Al-Farabi on the Perfect State. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 571 p.

11 Druart T.-A. Fārābī iii. Metaphysics // Encyclopaedia Iranica. – 1999. – P. 1-9.

12 Gutas D. The Study of Arabic Philosophy in the Twentieth Century // al-Fikr al-‘Arabi al-Mu‘ashir. – Bayrūt: Markaz al-Inmā’ al-Qawmī, 2012. – No. 158–159. – P. 103-119.

Жумадилова А.Е., Мустафаева А.А., Хаван А.

Әл-Фарабидің діни көзқарастарын батыс зерттеу дәстүрінде: интерпретацияларды салыстырмалы талдау

Аңдатпа. Мақалада Әбу Насыр әл-Фарабинің діни көзқарастары батыс зерттеушілік дәстүр аясында қарастырылады, сондай-ақ оның іліміндегі философия мен діннің арақатынасына қатысты интерпретациялардың бірізді еместігі мен қайшылықтылығы мәселесі талданады. Негізгі назар осы мәселені түсіндірудегі түрлі тәсілдерді талдауға және олардың әдіснамалық негіздерін анықтауға бағытталған.

Зерттеудің мақсаты – қазіргі шетелдік зерттеушілер еңбектеріндегі әл-Фарабидің діни көзқарастарының интерпретацияларын жүйелеу және салыстырмалы талдау жасау. Мақалада Лео Штраус, Мухсин Махди, Джошуа Паренс, Чарльз Э. Баттерворт, Питер Адамсон, Ричард Вальцер және Терез-Анн Друар еңбектеріндегі тәсілдер қарастырылады, онда діни проблематика саяси-философиялық, эпистемологиялық және метафизикалық контексттерде талданады. Ерекше назар Димитри Гутас ұсынған әдіснамалық тәсілге аударылады, ол интерпретациялық перспективаны сыни тұрғыдан қайта қарастыруды ұсынып, әл-Фараби философиясын грек-араб зияткерлік дәстүрі аясында қарастырудың қажеттілігін негіздейді.

Зерттеу нәтижесінде интерпретациялардағы айырмашылықтарға қарамастан, көптеген зерттеушілер әл-Фараби жүйесінде философия мен діннің тығыз байланысын мойындайтыны анықталды. Сонымен қатар мақалада дінді философиялық білімнің туындысы ретінде ғана қарастыру әл-Фараби ілімінің ерекшелігін толық ашпайтыны негізделеді. Әл-Фарабидің діни концепциясының көпдеңгейлі сипаты және қазіргі историографияда оны түсіндіруде бірыңғай көзқарастың жоқтығы туралы қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: әл-Фараби; діни көзқарастар; ислам философиясы; философия және дін; батыс историографиясы; интерпретациялық тәсілдер.

Zhumadilova A.Ye., Mustafayeva A.A., Khavan A.

Religious Views of Al-Farabi in Western Scholarship: A Comparative Analysis of Interpretations

Abstract. This article examines the religious views of Abu Nasr al-Farabi within the Western scholarly tradition, focusing on the lack of a unified approach and the contradictory interpretations of the relationship between philosophy and religion in his thought. The study analyzes various approaches to this issue and identifies their methodological foundations.

The aim of the research is to systematize and comparatively analyze interpretations of al-Farabi's religious views in the works of modern Western scholars. The article considers the approaches of Leo Strauss, Muhsin Mahdi, Joshua Parens, Charles E. Butterworth, Peter

Adamson, Richard Walzer, and Thérèse-Anne Druart, in which religious issues are examined within political-philosophical, epistemological, and metaphysical frameworks.

Special attention is given to the methodological approach of Dimitri Gutas, who critically reconsiders the interpretative framework and emphasizes the need to study al-Farabi's philosophy within the broader context of the Greco-Arabic intellectual tradition.

The study demonstrates that, despite differing interpretations, most scholars acknowledge a close relationship between philosophy and religion in al-Farabi's system. At the same time, the article argues that reducing religion solely to a derivative form of philosophical knowledge does not fully capture the specificity of his thought.

The paper concludes that al-Farabi's religious philosophy is multi-layered and that no single unified interpretation exists in contemporary historiography.

Key words: al-Farabi; religious views; Islamic philosophy; philosophy and religion; Western historiography; interpretative approaches.

Финансирование

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта: AP26199967 – «Современная парадигма исследования религиозно-политических взглядов Абу Насра аль-Фараби (на основе рукописей трактатов «Китаб аль-Милля» и «Аль-Ильм аль-Илахи»)».

Вклад авторов. А.Е. Жумадилова, введение, заключение и разработка общей концепции исследования; А.А. Мустафаева, обзор литературы и анализ западной исследовательской традиции; А. Хаван, сравнительный анализ интерпретаций, редактирование и оформление статьи.

Поступила: 15.03.2026

Принята: 14.02.2026

ОБЩНОСТЬ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

¹Г.М. Молотова, ²Э.М. Молотова*

^{1,2}Институт Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК (Алматы, Қазақстан)
¹gmolotova@mail.ru, ²m.elvira_76@mail.ru

¹G. Molotova, ²E. Molotova

^{1,2}R.B. Suleimenov Institute of the Oriental Studies CS MHES RK (Almaty, Kazakhstan)
¹gmolotova@mail.ru, ²m.elvira_76@mail.ru

Ссылка: Молотова Г.М., Молотова Э.М. Общность культуры тюркских народов и трансформационные процессы // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – С. 18-27.

ТЮРКСКИЙ МИР В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

Аннотация. Культура тюркских народов с древности развивалась под влиянием религии, которую исповедовали в различные этапы истории. Центральная Азия в силу своего географического положения стала регионом, где происходили взаимопроникновение различных религий: тенгрианства, манихейства, зороастризма, христианства несторианского толка, буддизма и ислама. При исследовании вопроса влияния вероисповедания в культуру тюрков в древности использованы издания рунических памятников, изданные С.Е. Маловым. Для исследования трансформационных процессов в культуре тюркских народов Центральной Азии привлечены источники мусульманского периода – энциклопедический труд Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк». Изученные сочинения древности и раннего средневековья позволили автору статьи проследить влияние религии на мировосприятие тюркских народов, наслоения в культуре миропонимания различных эпох истории. Установлено, что элементы традиционной культуры доисламского периода не исчезли бесследно, а произошло наслоение архетипов на нововведениях. Общие корни, религия способствовало развитию культуры в едином русле, включая и самобытные черты культуры каждого представителя Тюркского мира. Делается вывод о том, что тюркских народов исследуемого ареала объединяет не только общие корни происхождения, но и господствующая религия.

Ключевые слова: письменные источники, тюркские народы, культура, религия, трансформационные процессы, Восточный Туркестан, Центральная Азия.

Введение

Основной вопрос статьи освещается на примере культуры тюркских народов Центральной Азии. Неслучайно выбран этот ареал. Выявление

* Автор-корреспондент: Э.М. Молотова, m.elvira_76@mail.ru

общности культуры представителей Тюркского мира, выделение самобытности каждого этноса актуально в современном этапе истории человечества. В эпоху глобализации молодое поколение отходит от духовных ценностей предков. Из-за отсутствия знания о культурном наследии прошлых столетий снижается самооценка человека. Путем исследования культуры и истории на основе источников прививается гордость за свою причастность к огромному наследию, который складывался в течение многих столетий. Казахстанскими учеными исследована трансформация обществ Центральной Азии и обсуждена в рамках международного семинара [1]. В рамках статьи делается попытка рассмотреть общность культуры тюркских народов, трансформационные процессы в культуре под влиянием религий. Такой подход к вопросу в современной науке не теряет своей актуальности. Привлечены в круг исследования древнетюркские письменные памятники и источники средневековья, характеризующие различные этапы истории тюркских народов Центральной Азии.

Методология

В исследовании использованы методы источниковедческого анализа, привлечены труды востоковедов. Основным источником выступили древнетюркские рунические памятники, изданные С.Е. Маловым, а также «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари, в которых зафиксированы сведения, позволяющие раскрыть тему статьи. Методом эвристики подобран необходимый материал. Компаративистское исследование древнетюркских, манихейских, буддийских текстов позволило выделить общность и отличия в традиционной культуре тюрков исследуемого периода. Выявлены изменения в мировосприятии тюрков, роли некоторых божеств тюркского пантеона, цветовая символика, имеющая место в мифологемах. Предпочтение отдано описательному типу исследования, анализу и синтезу данных, привлеченных источников. С помощью методов источниковедческого анализа освещены трансформационные процессы в культуре тюркских народов Центральной Азии, общность культуры и влияние религии, господствующей в разные периоды истории тюркских народов Центральной Азии.

Основная часть

Географическое положение Центральной Азии способствовало взаимному обогащению культуры, а также взаимопроникновению различных религиозных систем [2, с. 7]. Распространению манихейства, зороастризма, христианства несторианского толка, буддизма способствовала функционирование Шелкового пути, который проходил от территории Китая через Восточный Туркестан, охватив всю территорию современной Центральной Азии. Более удобной считалась северное ответвление. Именно благодаря взаимоотношениям государств, соединенных этим путем, сохранились деловые документы,

письменные источники на тюркском языке, относящихся к X-XI векам [3, с. 10]. Трасса служила безопасным путем передвижения и религиозных деятелей. Каждая из перечисленных выше религий имели влияние на процветание культуры тюрков этого ареала. Поэтому религия может рассматриваться «в качестве ключевого фактора развития» традиционной культуры и других систем общества [4, с. 54]. Каждая религия вносит коррективы в мировосприятие народа, хотя сохраняется то, что создано еще в древности. Как отмечает Е.Б. Артеменко, «старое состояние не исчезает, а наслаивается на складывающееся новое» [5, с. 61]. Древний период истории тюрков характеризуется поклонением божеству верхнего уровня Кок Тенгри, в раннем средневековье на территорию проживания тюрков проникло манихейство и зороастризм, которые тоже оказали влияние на их культуру. После переселения на бассейн Тарима тюрки приняли буддизм, в начале X века создание государства Караханидов ознаменовалось распространением ислама среди тюркских народов. Каждая религия вносила свою лепту в развитие традиционной культуры тюрков, в их мировосприятие.

Неизменность значения «тенгри» в истории тюркских народов

В древнетюркских письменных памятниках выражение «тенгри» указывало на божество. Так, в Малой надписи «Памятника в честь Кюль-Тегина» подчеркивается высший статус кагана, используя сравнение «*Тәңритәг*» – «небоподобный» [6, с. 27, 5, с. 33]. Данный пример подчеркивает волю верховного божества Кок Тенгри, назначить своего наместника на земле – кагана. Тенгри в древнетюркских рунических надписях означает божество верхнего уровня. В основном имя божества сопровождается цветом – Кок Тенгри. Кок – синий цвет или голубой его оттенок, делает акцент на цветовую символику древности, используемое по отношению к божеству. Ибо в древности доминировало цветовосприятие, тысячелетиями сохранявший «трансцендентный смысл, независимо от места, времени и уровня культуры» [7, с. 134]. О более древнем происхождении значения слова «Тенгри» отметил в своих трудах И.Л. Кызласов. По его мнению, «*tāŋgri*» – именовался божество, которое восходит «еще к тюркскому язычеству» и означало Небо [8, с. 246]. Здесь прослеживается преемственность в духовной культуре тюрков широкого ареала.

В «Хуастванифт» (Манихейское покаяние в грехах) также встречается выражение «*tāŋgri*» в значении «божество». Согласно мифологемы, о спасении частиц света, включенной в текст, Хормузта – Первый человек, который является эманацией Матери Жизни, вооружается пятью сыновьями – *tīngtura tngri* (Эфир), *yél tngri* (Ветер), *yaruq tngri* (Свет), *suu tngri* (Вода), *oot tngri* (Огонь) для спасения частиц света, проглоченных Тьмой [9, с. 26]. Имена сыновей Матери Жизни сопровождаются словом «тенгри», что переводится как «божество».

Использование слова «тенгри» по отношению к богу встречается и в «Поклонении волхвов» – памятника христианства несторианского толка: «*Tāŋgri oylu ärsär*» – «Если он – сын бога» [6, с. 135, 5, с. 137]. Это выражение встречается

в фрагменте, где упоминается обычай определения будущего младенца, который сохранился в культуре казахов и киргизов, о чем пойдет речь в следующем разделе статьи.

Одним из религий, широко распространенных на территории Центральной Азии, является буддизм. Сохранен фрагмент памятника «Алтун ярук» (Золотой блеск), где наблюдается использование выражений, характеризующих мировоззрение тюрков. Так, в жалобе животных на правителя Кю-тау, заколотых для свадебного пиршества, использовано «тенгри»: «Эти беды наши да направит к лучшему божество (тенгри) поступков!» [6, с. 158]. В осуществленном на уйгурский язык переводе по традиции применяется выражение «тенгри» в значении божество. Наблюдается использование имени божества древнетюркского пантеона «Ерклиг», «Ерклиг-хан» наряду с «тенгри», что является отголоском древнетюркского верования. В источнике подчеркивается благодать дела переписывать письменные памятники. Так, грехи правителя Кю-тау были прощены Ерклиг-ханом из-за его заказа переписки труда, ценного для буддистов. Этим фрагментом выражена мысль о благодати распространения религиозных трудов.

Вера в благодать переписки религиозных трактатов широко была распространена в Восточном Туркестане. Археологами были обнаружены переводы с индийского, китайского и других языков сочинений великих религиозных деятелей на уйгурский язык, относящихся манихейству, христианству несторианского толка, буддизму.

Труд, написанный после принятия ислама – «Диван лугат ат-турк» интересен тем, что в примерах часто применяется «tāŋrı». Однако автор «Словаря тюркских языков» в комментариях это слово передает в значении «Аллах»:

Тэнри ажун турутти
Жигри аз тазкинур
Йулдузлари журкашиб
Түн күн үзэ йүрканур

«Аллах Всевышний сотворил мир и высокий небосвод, [придав] ему (постоянное) вращение, ряды звезд и ночь, переходящую в день» [10, с. 695]. Мусульманскому периоду характерно использование нескольких синонимов: персидского – Худа, арабского – Алла и собственно тюркского – Тенгри по отношению к Богу.

О некоторых обычаях: сохранность и изменения

В изученных источниках встречаются обычаи, которые первоначально непосредственно связанные с религиозным мировоззрением (судя по данным «Поклонения волхвов»), сохранившиеся у некоторых тюркских народов Центральной Азии. Так, маги раскладывают перед младенцем Иисусом несколько предметов, чтобы выяснить на самом ли деле он сын бога: «Если он – сын бога, то возьмет смирену и воскурения. Если он – царь, то возьмет золото.

Если же он лекарь-врач, то возьмет снадобья» [6, с. 137]. Приведенный пример из источника выступает архетипом культуры, который сохранялся в течение многих тысячелетий. Ценность сведений из «Поклонения волхвов» в том, что позволяет не только определить архетипы культуры, но и преемственность в культуре тюрков Центральной Азии. Приведенный пример из источника, по нашему мнению, свидетельствует о существовании этого обычая у уйгуров. Как известно, в процессе перевода текстов на местный язык включались в него элементы собственной традиционной культуры. Среди тюркских народов Центральной Азии обычай определения перспективной деятельности ребенка сохранилось у казахов и киргиз. Он проводится в момент, когда ребенок делает первые шаги.

В предыдущем разделе статьи отмечалась начала борьбы Света за освобождение элементов, похищенных Тьмой. Именно эти частицы считаются смешанными. Вселенная, по мифологеме, включенной в «Хуастванифт», создана для того, чтобы «быстрее разделить светлое и темное начало» [11, с. 20-21]. Из не поврежденных частиц Света высший бог – Живой дух, создает Солнце и Луну. Исходя из этого мировоззрения, на наш взгляд, у большинства тюркских народов Центральной Азии возникло поклонение к молодой Луне. Согласно нашим полевым материалам, истоки обычая приветствовать молодую Луну, сохранившегося у казахов и уйгуров современности, восходят именно к манихейскому мировоззрению. Так, например, уйгуры при виде новолуния, с поклоном приветствует «Ғилал ай» – «новая луна, молодой месяц». Нами записано поэтическое приветствие новой луны казахов:

Армысыз Айеке!
Ай көрдім,
Аман көрдім.
Баяғыдай заман көрдім.
Жаңа айда жарылқа,
Ескі айда есірке!

В приветствии молодой луны имеет место доброе пожелание, выражение просьбы поддержки у нее. Ибо, по манихейскому воззрению, «постоянно происходит освобождение частиц Света, которые поднимаются вверх, тогда, как элементы Тьмы опускаются в преисподнюю» [11, с. 21]. Здесь, вероятнее всего, указывается на отделение души от физического тела. В древнетюркских письменных памятниках используется выражение «улетел», когда повествуется о смерти кагана. В них подчеркивается, что душа человека поднимается в верхний уровень – к божеству Кок Тенгри, тем самым выражая функцию верховного божества дарить жизнь человеку. Определение срока человека жизни Аллахом особо выделяется в мусульманском мировоззрении.

В «Кутадгу билиг» Йусуфа Хас Хаджиба, мусульманского мыслителя средневековья, достаточно интересно повествуется смерть человека посредством толкования сна [12]. Это сведение из поэмы раннего средневековья указывает на постоянство идеи смертности человека. Посредством диалога Айтолди и

Огдурмиша дано толкование сна, которое демонстрирует процесс ухода человека в вечный мир: душа покидает физическое тело – «жан кепи». В значении «астральное тело» применяется выражение – «сүзүк жан». Во сне Огдурмиш поднимается по лестнице вверх и на последней ступени ему подают воду, испив, которую он улетает ввысь:

Всю лестницу доверху я одолел,
То значит – пришел моей жизни предел.
А там наверху всадник был на коне
И выпил я воду, что подал мне [13, с. 450].

В данном фрагменте прослеживается сохранность понятия ухода человека из бренного мира. Как выше приведено, в древнетюркских письменных памятниках, а также в манихейских источниках подчеркивается, что душа поднимается вверх.

Обряд жертвоприношения является одним из аспектов традиционной обрядовой культуры тюркских народов, который практиковался в двух типах: кровный и бескровный. В «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари зафиксирован термин «изук», который характеризует именно бескровное жертвоприношение. Махмуд Кашгари в комментарии к «изук» поясняет: «что-либо благословенное, священное. Изначально словом «изук» называли любое животное, отпущенное на волю, на него не садятся верхом, не доят, не стригут, согласно обету, данному его хозяину» [10, с. 99]. Подобное жертвоприношение тюрки приносили высшему божеству за благополучное возвращение с путешествия, с военного похода, о чем встречаются упоминания в надписях на камне, «Огуз-наме». Так, в эпосе «Огуз-наме» Огуз-каган, собрав курултай, водрузил два дерева в сорок саженей, на корону дерева с правой стороны привязали золотую курицу, на крону привязали белую овцу. На корону дерева слева привязали серебряную курицу, у крона привязали черную овцу [14]. В данном фрагменте отчетливо прослеживается статус божеств верхнего и нижнего уровней. Кок Тенгри, как видно в тексте, предназначена белая овца. Е.С. Новик этот вид жертвоприношения называет «благодарственные» [15, с. 138]. О существовании обычая у тюркских народов посвящать животное светлой масти отмечал в своих исследованиях Л.П. Потапов. По его утверждению, божествам «небесного ранга» – приносили в жертву животных белой масти [16].

Привлекает внимание исследователя и другой обычай выделения статуса наследников. Пример этому встречается в «Огуз-наме». Статусу детей Огуз-кагана влияет происхождение их матерей. Как повествуется в тексте, первая девушка, по нашему мнению, предназначена в супруги от Кок-Тенгри, соответственно она появляется посередине яркого луча света, который падал с неба, когда Огуз поклонялся Тенгри. Вторая девушка предназначена ему от святой Йер-Сув. Огуз ее встречает во время охоты, в дупле дерева [14], которая находилось посередине озера. Огуз-каган определяет статус детей, руководствуясь повелением Кок Тенгри, переданный посредством сна Улуг-Туруку: «Ниспослало священное небо [мне] (знамение) во время сна. Пусть свершится [это]. Пусть передадут захваченные земли твоим потомкам», – молвил» [14, с. 58]. По указу Кок Тенгри Огуз-каган

определил наследника трона и статус остальных сыновей по иерархии: дети, рожденные от первой жены, «бузоки» – становятся обладателями золотого лука. Их Огуз каган нарекает наследниками трона. Дети от второй жены становятся обладателями серебряных стрел. «Учоки» занимают положение подчиненных, по отношению к «бузокам». Судя по тексту, социальное положение сыновей определяется статусом их матерей. На наш взгляд, социальное положение детей определяется статусом божеств древнетюркского пантеона. Дети от первой жены, которая предназначена от Кок Тенгри, имеют право выбираться правителем. Дети от второй жены, предназначенной святой Йер-Сув, должны подчиняться, «словно стрелы, направленные луком». Здесь четко вырисовывается статус божеств верхнего и среднего уровней древнетюркского пантеона божеств.

Возвращаясь к обряду жертвоприношения, следует отметить, что после принятия тюркскими народами Центральной Азии религии ислам обряд претерпел некоторые изменения. Обязательным для мусульманина является приносить в жертву барана или быка на праздник по случаю Курбан-айт. Приносить жертвоприношение при благополучном исходе тяжелых ситуаций в жизни человека также сохранен. Выше такое жертвоприношение обозначено было «благодарственным». Именно в таком виде сохранился обряд жертвоприношения и, в основном, используется выражение «*курванлик*». Этот обряд практикуется одинаково у всех тюркских народов Центральной Азии. Здесь именно религия ислам играет объединяющую роль. Относительно бескровного вида жертвоприношения, вероятнее всего, этот вид не практикуется.

Заключение

Изученные источники, относящиеся к древности и раннему средневековью, позволили раскрыть тему статьи. Проведен анализ данных древнетюркских рунических надписей на камне, эпос «Огуз-наме» турфанского списка, «Хувастванифт» – памятник манихейства, «Поклонение волхвов» – источник христианства несторианского толка, «Алтун ярук» – памятника буддизма и «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари. В целях сравнительного анализа привлечен также труд «Кутадгу билиг» Йусуфа Хас Хаджиба – мусульманского мыслителя. На богатом материале рассмотрен вопрос трансформационных процессов в культуре тюркских народов Центральной Азии, архетипы культуры и общность в традиционной культуре. Статья является первым шагом в исследовании вопроса общности культуры и трансформационных процессов, происходящих под влиянием господствующей религии в определенный период истории тюрков. Сделана попытка показать изменений, произошедших в течение тысячелетий. Вопрос требует дальнейшего исследования. Необходимо расширить круг источников, привлекаемых в процесс исследования. Как отмечают востоковеды, только в фонде Института восточных рукописей хранится богатая коллекция «манихейских документов» и других рукописей, полученных от работников дипломатического корпуса России в Восточном

Туркестане, экспедицией, под руководством С.Ф. Ольденбургом, П.К. Козловым, В.И. Роборовским и другими. В фондах библиотек и музеев Европы, Англии также хранятся рукописное наследие тюрков, которых следует изучить. По мнению И.В. Стеблевой, Центральная Азия, расположенная на перекрестке «путей развития разных культур, явилась тем регионом, где впервые возникли поэтологические представления тюрков» [17, с. 55]. По этой причине возникает необходимость глубокого исследования культурного наследия тюркских народов Центральной Азии.

Список литературы

- 1 Трансформация обществ Центральной Азии: социокультурные аспекты. Материалы международного семинара ЮНЕСКО. – Алматы: Дайк-Пресс, 2013. – 264 с.
- 2 Желобов Д.Я. «Три религии» гаочанских уйгуров (IX-XII вв.) // *Научный диалог*. – 2021. – выпуск № 9. – С. 6–16.
- 3 Уйгурские деловые документы X-XIV вв. из Восточного Туркестана / Предисловие, транскрипция, перевод с древнеуйгурского Л.Ю. Тугушевой. – М.: Наука–Восточная литература, 2013. – 326 с.
- 4 Ерекешева Л.Г. Культура и религия в истории Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2013. – 192 с.
- 5 Артеменко Е.Б. Миф, фольклор, эстетика тождества // *Этнопедагогика и традиция: 70-летию чл.корр. РАН В.М. Гацака*. – М.: Наука, 2004. – С. 57–67.
- 6 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 452 с.
- 7 Чвырь Л.А. Цветовая символика в культуре Туркестана (I-II тыс.н.э.) // *Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции*. – М.: ИВ РАН, 2009. – С. 134–135.
- 8 Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (идеи единобожия в енисейских надписях) // *Древние цивилизации Евразии: история и культура*. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – С. 243–271.
- 9 Хуастванифт (Манихейское покаяние в грехах) / Предисловие, транскрипция уйгурского текста, перевод Л.Ю. Тугушевой. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 82 с.
- 10 Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
- 11 Манихейские рукописи из Восточного Туркестана: среднеперсидские и парфянские фрагменты / Введение, транслитерация, перевод, комментарии, приложения О.М. Чунаковой: факсимиле рукописей. – М.: Восточная литература, 2011. – 159 с.
- 12 Йүсүп Хас Һажип. Кутадғу билиг. – Үрүмчи: Милләтләр нәшрияты, 1984. – 1368 с.
- 13 Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / издание подготовил С.Н. Иванов. – М. издательство «Наука», 1983. – 558 с.
- 14 Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. – М., 1959. – 171 с.
- 15 Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. – М., 2004. – 302 с.
- 16 Потапов Л.П. К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья // *Филология и история монгольских народов*. – М., 1958. – С. 314–322.
- 17 Стеблева И.В. Тюркская поэтика: этапы развития: VIII-XX вв. – М.: Восточная литература, 2012. – 200 с.

Transliteration

1 Transformacija obshhestv Central'noj Azii: sociokul'turnye aspekty [1 Transformation of Central Asian Societies: Sociocultural Aspects]. Materialy mezhdunarodnogo seminaru JuNESKO. – Almaty: Dajk-Press, 2013. – 264 s. (in Russ)

2 Zhelobov D.Ja. «Tri religii» gaochanskih ujugurov (IX-XII vv.) [“Three religions” of the Gaochan Uyghurs (IX-XII centuries)] // Nauchnyj dialog. – 20212. – vypusk № 9. – S. 6–16. (in Russ)

3 Ujgurskie delovye dokumenty X-XIV vv. iz Vostochnogo Turkestana [Uyghur business documents of the X-XIV centuries. from East Turkestan] / Predislovie, transkripcija, perevod s drevneujgurskogo L.Ju. Tugushevoj. – M.: Nauka–Vostochnaja literatura, 2013. – 326 s. (in Russ)

4 Erekesheva L.G. Kul'tura i religija v istorii Central'noj Azii [Culture and religion in the history of Central Asia]. – Almaty: Dajk-Press, 2013. – 192 s. (in Russ)

5 Artemenko E.B. Mif, fol'klor, jestetika tozhdestva [Myth, folklore, identity aesthetics] // Jetnopedagogika i tradicija: 70-letiju chl.korr. RAN V.M. Gacaka. – M.: Nauka, 2004. – S. 57–67. (in Russ)

6 Malov S.E. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing]. – M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. – 452 s. (in Russ)

7 Chvyr' L.A. Cvetovaja simvolika v kul'ture Turkestana (I-II tys.n.je.) [Color symbolism in the culture of Turkestan (I-II thousand AD)] // Drevnost': istoricheskoe znanie i specifika istochnika. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – M.: IV RAN, 2009. – S. 134–135. (in Russ)

8 Kyzlasov I.L. Smena mirovozzrenija v Juzhnoj Sibiri v rannem srednevekov'e (idei edinobozhija v enisejskikh nadpisjah) [Change of worldview in southern Siberia in the early Middle Ages (ideas of monotheism in Yenisei inscriptions)] // Drevnie civilizacii Evrazii: istorija i kul'tura. – M.: Vostochnaja literatura RAN, 2001. – S. 243–271. (in Russ)

9 Huastvanift (Manihejskoe pokajanie v grehah) [Manichaeen penance for sins] / Predislovie, transkripcija ujugurskogo teksta, perevod L.Ju. Tugushevoj. – SPb.: Nestor-Istorija, 2008. – 82 s. (in Russ)

10 Mahmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk / Perevod, predisliviye i kommentarii Z.-A. Auezovoy. Indeksi sostavljeni R. Ermersom. – Almaty: Dajk-Press, 2005. – 1288 s. (in Russ)

11 Manihejskie rukopisi iz Vostochnogo Turkestana: srednepersidskie i parfjanskije fragment [Manichaeen manuscripts from East Turkestan: Middle Persian and Parthian fragments] / Vvedenie, transliteracija, perevod, kommentarii, prilozhenija O.M. Chunakovoj: faksimile rukopisej. – M.: Vostochnaja literatura, 2011. – 159 s. (in Russ)

12 Jysyp Has haxip. Kutadru bilig [Fertile knowledge]. – Yrymchi: Millatlar nashrijati, 1984. – 1368 s. (in Uyghur)

13 Jusuf Balasagunskij. Blagodatnoe znanie [Fertile knowledge] / izdanie podgotovil S.N. Ivanov. – M. izdatel'stvo «Nauka», 1983. – 558 s. (in Russ)

14 Shherbak A.M. Oguz-name. Muhabbat-name. – M., 1959. – 171 s. (in Russ)

15 Novik E.S. Obrjad i fol'klor v sibirskom shamanizme: opyt sopostavlenija struktur [Rite and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing structures]. – M., 2004. – 302 s. (in Russ)

16 Potapov L.P. K izucheniju shamanizma u narodov Sajano-Altajskogo nagor'ja [To the study of shamanism among the peoples of the Sayano-Altaï Highlands] // Filologija i istorija mongol'skikh narodov. – M., 1958. – S. 314–322. (in Russ)

17 Stebleva I.V. Tjurkskaja pojetika: jetapy razvitija: VIII-XX vv. [Turkic poetics: stages of development: VIII-XX centuries.]. – M.: Vostochnaja literatura, 2012. – 200 s. (in Russ)

Молотова Г.М., Молотова Э.М.

Түркі халықтарының ортақ мәдениеті және трансформациялық процестер

Аңдатпа. Түркі халықтарының мәдениеті ежелгі дәуірден бастап тарихтың әртүрлі кезеңдерінде ұстанған діннің әсерінен дамыды. Орталық Азия өзінің географиялық орналасуына байланысты әртүрлі діндердің: тенгринизм, манихейлік, зороастризм, несториандық христиандық, буддизм және исламның өзара енуі орын алған аймаққа айналды. Ежелгі уақытта түркі мәдениетіне діни сенімнің әсерін зерттеу кезінде С. Е. Малов шығарған руникалық ескерткіштердің басылымдары қолданылды. Орталық Азиядағы түркі халықтарының мәдениетіндегі трансформациялық процестерді зерттеу үшін мұсылман кезеңінің дереккөзі – Махмұд Қашғаридің «Диван лұғат ат-түрік» энциклопедиялық еңбегі тартылды. Ежелгі және ерте орта ғасырлардағы зерттелген жазбалар мақала авторына діннің түркі халықтарының дүниетанымына әсерін, тарихтың әртүрлі дәуірлеріндегі дүниетаным және мәдениетіндегі қабаттасуы мәселелерін айқындауға мүмкіндік берді. Исламға дейінгі кезеңнің дәстүрлі мәдениетінің элементтері із-түзсіз жоғалып кетпегені, бірақ жаңалықтарға архетиптер қабаттасқаны анықталды. Ортақ тамырлар, дін түркі әлемінің әрбір өкілінің мәдениетінің өзіндік ерекшеліктерін қоса алғанда, мәдениеттің біртұтас бағытта дамуына ықпал етті. Зерттелетін ауқымдағы түркі халықтарын тек шығу тегінің ортақ тамыры ғана емес, сонымен бірге үстем дін де біріктіреді деген қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: жазбаша дереккөздер, түркі халықтары, мәдениет, дін, трансформациялық процестер, Шығыс Түркістан, Орталық Азия.

Molotova G.M., Molotova E.M.

Common culture of Turkic peoples and transformational processes

Abstract. The culture of Turkic peoples has developed since antiquity under the influence of religion, which was practiced at various stages of history. Central Asia, due to its geographical location, has become a region where the interpenetration of various religions took place: Tenrianism, Manichaeism, Zoroastrianism, Nestorian Christianity, Buddhism and Islam. When studying the issue of the influence of religion in the culture of the Turks in ancient times, publications of runic monuments published by S.E. Malov. To study the transformational processes in the culture of the Turkic peoples of Central Asia, sources of the Muslim period were attracted - the encyclopedic work of Mahmud Kashgari «Sofa meadow at-turk.» The studied works of antiquity and the early Middle Ages allowed the author of the article to trace the influence of religion on the worldview of the Turkic peoples, layering in the culture of worldview of various eras of history. It was established that the elements of the traditional culture of the pre-Islamic period did not disappear without a trace, but there was a layering of archetypes on innovations. Common roots, religion contributed to the development of culture in a single line, including the distinctive features of the culture of each representative of the Turkic world. It is concluded that the Turkic peoples of the studied area are united not only by common roots of origin, but also by the dominant religion.

Key words: written sources, Turkic peoples, culture, religion, transformational processes, East Turkestan, Central Asia.

Вклад авторов. Молотова Г.М., написание введения, первого раздела статьи, методология. Молотова Э.М., написание второго раздела статьи, заключения, осуществление транслитерацию списка использованной литературы.

Поступила: 21.04.2026

Принята: 14.06.2026

TRANSFORMATION OF VALUES IN THE ZAR ZAMAN WORLDVIEW: THE CONFLICT BETWEEN TRADITION AND MODERNITY

¹N. Salymatova, ²K. Anassova*

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

²Kazakh National Research Technical University named after K.I. Satbayev
(Almaty, Kazakhstan)

¹salymatova@mail.ru, ²k.anassova@satbayev.university

¹Н.Р. Салыматова, ²Қ.Т. Анасова*

¹Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан)

²Қ.И. Сәтбаев атындағы Қазақ ұлттық техникалық зерттеу университеті
(Алматы, Қазақстан)

¹salymatova@mail.ru, ²k.anassova@satbayev.university

Citation: Salymatova N.R., Anassova K.T. Transformation of values in the Zar Zaman worldview: the conflict between tradition and modernity // *Al-Farabi*. – 2026. – Vol. 25 № 2(94). – P. 28-40.

Abstract: This article provides a comprehensive philosophical analysis of value transformations during the Zar Zaman period, one of the significant stages in the spiritual history of the Kazakh people. This era is characterized as a time when the traditional worldview of Kazakh society experienced a profound crisis, accompanied by a process of restructuring historical and cultural orientations. The Zar Zaman period represents a historical and spiritual stage in which national consciousness existed in a complex transitional state between crisis and renewal, as well as between tradition and emerging modern influences. Within the framework of the study, particular attention is given to the weakening of the spiritual and moral foundations of traditional nomadic society, the transformation of social relations, and the emergence of new value orientations shaped by increasing external civilizational influences. In the course of these processes, the stability of the former axiological system was disrupted, while new socio-cultural norms and worldview principles gradually began to take shape. This phenomenon clearly reflects the value conflicts and worldview crises that arose from the interaction between traditional culture and new civilizational influences. The article also examines the works of Zar Zaman poets as an important spiritual source reflecting the historical state of public consciousness during this period. In their poetry, the growing complexity of the relationships between the individual, society, and the era is revealed, along with the spiritual crisis and the collapse of established value orientations caused by transformations in historical time. Thus, Zar Zaman poetry is interpreted not merely as a literary movement but as a distinctive form of worldview reflection that reveals the deeper meaning of historical transformations in society.

Keywords: Zar Zaman, value conflict, worldview, national consciousness, spiritual crisis, zaman.

Introduction

The problem of *zaman* (epoch) in the Kazakh worldview represents a profound, structurally complex, and multifaceted philosophical issue. This concept cannot be reduced merely to a chronological measure that denotes the passage of time. Rather, it functions as a worldview category that reflects the unity of social space, cultural experience, and spiritual conditions within a particular historical period. In the Kazakh intellectual tradition, *zaman* has developed as an integrative concept that considers the temporal dimension of human existence in close connection with the historical and social being of society. Therefore, understanding the phenomenon of *zaman* requires not only defining its external temporal framework but also analyzing the internal structure of the social relations, cultural practices, and value orientations that characterize a given historical period.

From a philosophical perspective, each epoch reveals itself through its internal structural system. This system encompasses the axiological orientations, social relations, cultural traditions, and worldview principles that define a particular historical period. The interaction and functioning of these elements shape the essence of an epoch and determine its historical image. Changes or transformations within these structural components contribute to the renewal of social consciousness and the emergence of a new historical stage. Consequently, the transition from one epoch to another should be understood not merely as the natural passage of time, but as a complex historical and cultural process determined by transformations within the internal spiritual and cultural system of society.

In the historical development of Kazakh society, one of the most evident manifestations of such profound transformations is associated with the period of colonial rule. The colonial policies of the Russian Empire had a significant impact on the traditional social structure, cultural norms, and spiritual values of Kazakh society. This process led to the destabilization of the worldview foundations characteristic of the nomadic civilization, the crisis of the traditional value system, and the transformation of the forms through which historical time was perceived. As a result, the perception of change in the epoch intensified within public consciousness, and the problem of *zaman* acquired a new conceptual significance.

Under the influence of these historical and social transformations, the concept of “*Zar Zaman*” emerged within the Kazakh worldview as a distinctive philosophical and cultural phenomenon. *Zar Zaman* should not be understood merely as the designation of a particular historical period; rather, it represents a worldview concept that reflects the spiritual and emotional response of the people to the dramatic changes in their historical destiny and the crisis of traditional values. This phenomenon clearly expresses the social distress, cultural discontinuities, and spiritual reflections present in the historical consciousness of the Kazakh people. Therefore, a philosophical examination of the concept of *Zar Zaman* allows for a deeper understanding of the historical memory and the intellectual foundations of the Kazakh spiritual tradition.

The relevance of this research is determined by the fundamental worldview and philosophical significance of the topic. The concept of *zaman* represents one of the

universal philosophical categories that reveal the relationship between cognition and reality, as well as the historical character of human and social existence. Through the analysis of an epoch, it becomes possible not only to identify the socio-cultural features of a particular historical period but also to understand the place of the human being within historical time, the meaning of human existence, and the orientation of spiritual values. In this sense, the concept of *zaman* functions as an important worldview category that gives meaning to historical experience and reveals the logic of society's spiritual development, thereby requiring particular scholarly attention.

The results of this study contribute to clarifying the historical continuity of value transformations within Kazakh society and provide deeper insight into contemporary spiritual processes through the lens of historical experience. In particular, the research demonstrates the significance of the intellectual reflections and historical experience of the *Zar Zaman* period for understanding the ongoing processes of spiritual modernization and the re-evaluation of national values in contemporary Kazakhstan.

Methodology

The methodological framework of this article is based on a comprehensive analysis of poetic heritage and literary works of the period that make it possible to reveal the phenomenon of *Zar Zaman*. In the course of the research, poems and creative works of poets associated with the *Zar Zaman* era are examined within their historical and cultural context, with particular attention paid to their thematic content and worldview characteristics. In order to achieve a deeper understanding of the concept of *Zar Zaman*, this phenomenon is considered within the framework of a historical and cultural continuum, understood as a holistic ontological system shaped by the interaction of time and space.

From this perspective, the study analyzes the phenomenon through the interrelation of social, political, cultural, and worldview processes characteristic of the period. Such an approach allows *Zar Zaman* to be interpreted not merely as a literary trend, but as a reflection of public consciousness within a specific historical context. Accordingly, the research examines historical circumstances, cultural transformations, and shifts in value systems in their synthetic unity.

To ensure the scientific validity of the research, a set of complementary methodological approaches was employed. In particular, the study applies historical-comparative analysis grounded in the principle of objectivity, as well as historical-political analysis, linguistic analysis, and hermeneutic interpretation. In addition, textual analysis and general analytical methods are used within a systematic framework. These methodological tools enable a comprehensive exploration of the thematic content, ideological orientation, and worldview foundations of *Zar Zaman* poetry.

A comprehensive examination of *Zar Zaman* literary creativity makes it possible to reveal how individuals living within a particular historical epoch perceived and interpreted the transformation of their time. Through this approach, the study identifies manifestations of historical continuity and shared worldview patterns within society, as

well as the spiritual processes that explain the decline of one epoch and the emergence of another.

Furthermore, the historical and systemic analysis of the *Zar Zaman* phenomenon demonstrates that it should not be regarded solely as a phenomenon of the past. Rather, it represents a universal worldview issue that can acquire renewed relevance in different historical periods. Therefore, clarifying the conceptual meaning of *Zar Zaman* contributes to a deeper understanding of the spiritual condition of the present era and provides an important scholarly basis for interpreting the cultural and historical trajectories of social development.

Transformation of Values in the Zar Zaman Worldview

The *Zar Zaman* period represents one of the most complex and transitional stages in the spiritual and cultural history of the Kazakh people. During this era, significant political, social, and cultural transformations occurred, which substantially affected the integrity of the national identity. The colonial policies of the Russian Empire, the weakening of traditional social structures, and the erosion of communal cohesion profoundly influenced the worldview foundations of Kazakh society. As a result, new phenomena and contradictions emerged within the historical consciousness and spiritual life of the people.

The concept of *Zar Zaman*, primarily examined within literary studies through the works of poets and bards, in fact constitutes a broad cultural-historical phenomenon encompassing the spiritual identity and lived experiences of the Kazakh people. This concept is deeply intertwined with the everyday life, worldview, historical destiny, hopes, aspirations, and anxieties of the nation, giving it a particularly profound and multifaceted significance.

From a literary perspective, *Zar Zaman* serves as a collective designation for the body of work produced by poets and bards who lived during this historical period and expressed, through shared lyrical forms, the burdens of national fate and the hardships of the era. From a historical-philosophical standpoint, the term functions as a worldview category reflecting the Kazakh people's experience of colonial subjugation, the disruption of traditional lifestyles, and the arduous transition to a new historical epoch.

The colonial policies and socio-economic reforms implemented by the Russian Empire introduced significant changes into the established way of life of traditional Kazakh society. For a nomadic population accustomed to freedom and autonomy, these transformations were particularly disruptive. The weakening of national spiritual foundations and the threat to cultural cohesion generated profound anxiety within the collective consciousness. Consequently, the sages and poet-bards of the period anticipated the spiritual crisis facing their society and articulated concerns about the nation's future. Their works reflect apprehension over the national destiny, the loss of freedom, and spiritual decline. Over time, this collective grief and distress crystallized into the lyrical motif of lamentation, intertwining nostalgia for the disappearing past with uncertainty about an unclear future.

According to researchers, the peculiarity of these processes in Kazakh society lies in the fact that colonization was implemented not only through military force but also via political-administrative and socio-economic mechanisms. This complex strategy brought unforeseen and severe transformations to a population accustomed to the nomadic lifestyle. As a result, poetry imbued with lament and grief emerged across the Steppe, expressing not only despair but also a spiritual resistance to the new historical conditions. Unlike the literatures of some other peoples, in which centuries of subjugation had formed a cumulative experience of oppression, Kazakh literature lacked such historical precedent. Consequently, even the era of grief and lamentation in Kazakh poetry is distinguished by a pronounced sense of resistance and national pride [1, 180 p.].

The realignment of socio-political life significantly affected people's worldview, behavior, and social values. Maladaptive behaviors such as careerism, ambition for rank, duplicity, injustice, and corruption became increasingly widespread. This moral decline, combined with colonial pressures, weakened societal ethical norms and diminished public confidence in the future.

The introduction of Western-inspired reforms by colonial authorities, juxtaposed with the deeply rooted traditional culture of Kazakh society, created a complex crisis within public life. This process was marked by restrictions on freedom, the contraction of historical space, and the intensification of socio-political pressures. Such historical conditions reveal that these societal changes were not merely the result of natural social evolution but rather the product of deliberate actions by political authorities and aligned social groups. The direction of the epoch and the deepening of social crisis are vividly reflected in the works of the *Zar Zaman* poets, whose poetry provides an artistic and philosophical representation of the spiritual distress and historical transformations caused by colonial rule.

In the poetry of the *Zar Zaman* period, a critical perspective on both the spiritual crises and historical transformations affecting society is clearly manifested. These works lament the decline of the long-held ideal of a peaceful and just era - symbolized by the metaphor of "larks laying eggs on sheep" - which has become an unattainable aspiration, alongside the weakening of hope for the future. The poets nostalgically recall the relative stability and traditional way of life of the preceding era while expressing doubt and anxiety about what lies ahead. Consequently, the motifs of longing for the past and despair regarding the future became central to the worldview embedded in *Zar Zaman* poetry.

At the same time, although these poets sought to critique societal injustice and spiritual decline and to provoke reflection among the people, the social environment capable of receiving and responding to their message was largely absent, intensifying their concern. The fate of a population, estranged from its homeland under colonial pressure and increasingly distanced from traditional culture and spiritual foundations, is portrayed with profound apprehension in their works. The threat to the people's religion, language, and customs during this period contributed to the pervasive tone of sorrow in society, fostering an atmosphere of doubt and moral fatigue in the collective

consciousness. From this perspective, *Zar Zaman* poetry should be understood not merely as a literary phenomenon but as a significant cultural-philosophical expression of the spiritual condition, worldview crises, and shifting value systems of Kazakh society during this historical epoch [2].

These historical processes intensified the conflict between traditional values and emerging Western-inspired norms. The poets of *Zar Zaman* keenly perceived these tensions and artistically represented the spiritual character of the era through their works. Their verses sharply critique the decline of fundamental values such as freedom and justice, honor and morality, faith and virtue, and attachment to the homeland. As one scholar notes: “The Kazakh people were stripped of their khanate, their political independence, and their freedom, and were firmly subjected to subjugation... This was the first political and spiritual resistance against colonial domination” [3, 137 p.].

Accordingly, the *Zar Zaman* period should be regarded not only as a literary era but also as a historical phenomenon warranting philosophical and worldview analysis. Its central ideological focus was the preservation of national unity, the strengthening of collective identity, and the cultivation of a spiritual resilience capable of withstanding colonial influence without sacrificing core cultural and moral values. Such a complex historical and spiritual context underpins the designation of this period as *Zar Zaman*.

A philosophical examination of the *Zar Zaman* theme illuminates not only the historical lessons of the past but also provides insight into the trajectories of spiritual development in contemporary Kazakh society. The social and cultural foundations of the *Zar Zaman* era were closely linked to the population’s way of life and worldview. Transformations in social structures undermined the established system of traditional values, resulting in a profound spiritual crisis. The concept of value conflict became particularly evident during this period: on one side stood a conservative worldview rooted in ancestral customs and spiritual integrity, and on the other, the new rules and social norms introduced by the colonial administration.

The representatives of the *Zar Zaman* period vividly and unflinchingly articulated the social realities of their era, openly portraying the political and spiritual climate of their time. They critically condemned the insidious policies of colonial authorities, highlighting the incompatibility of Western-oriented reforms and novel doctrines with the natural character of the Steppe people and their traditional worldview. They keenly perceived that these reforms were not leading the nation toward progress but rather toward spiritual decline. Among these poets and bards were Dulat Babatayuly (1802–1871), Shortanbai Qanayuly (1818–1881), Murat Mönkeuly (1843–1906), Abubakir Shokanuly (1861–1905), and other prominent figures who, sensing the plight of the people and the condition of society with deep empathy, expressed it at both an artistic and philosophical level.

The conflict between Western-influenced innovation imposed from outside and long-established traditions precipitated a profound spiritual crisis in society. The restriction of freedom and the narrowing of historical space constituted the gravest blows to the people. Observers of the era recognized that these circumstances were not the result of fate but stemmed from the manipulative strategies of colonial authorities and the arbitrary actions of the ruling elite.

In the works of poets and bards, nostalgia for the past and doubt about the future are consistently evident. They mourned the disappearance of the idealized, peaceful era symbolized as the “larks laying eggs on sheep,” while lamenting the spiritual decay of the new age. Although these poets raised their voices against injustice and sought to awaken the public conscience, they were disheartened by the absence of a social audience capable of hearing and responding to their message. The spiritual distress of a people gradually alienated from their national religion, traditions, and cultural roots is conveyed in their works through profound sorrow and a somber tone.

One of the first to voice opposition to the Tsarist colonial policies was Dulat Babatayuly, who emphasized the sacredness of ancestral lands and the centrality of the homeland in human life. He depicted his era as a “turbulent age,” “corrupted time,” “troubled period,” and “lamentable age,” equating the instability of society with the relentless turmoil of ocean waves. Dissatisfied with the moral and political state of his contemporaries, Dulat lamented the absence of just leaders and the prevalence of malicious rulers. In his lines:

“In a bygone *zaman*,
The khan was revered,
In this corrupted *zaman*,
Corrupt are the lords, the khan is vile,

The hero lies headlow...” (*Author’s own translation*) - he vividly portrays the moral decline of society. His rhetorical question, “Where shall I go now?” does not express the despair of an isolated individual but the anguish of a thinker mourning a dark age that crushes the spirit of the people, reflecting deep concern for the fate of the nation. The severe trials and spiritual distress experienced by the populace left a lasting imprint on the national consciousness through the heartfelt expressions of such intellectuals.

Shortanbai Qanayuly’s poem “*Zar Zaman*” constitutes a profound philosophical work that clearly reflects the spiritual climate and societal crisis of his time. While lamenting the painful character of the era and questioning whether it might ever end, he traces its root causes to the deterioration of human morality and the weakening of spiritual values. He sharply criticizes the rise to power of the corrupt and ignorant, the erosion of ethical principles in a populace alienated from religion and faith, and the breakdown of social cohesion, including the alienation among kin and community. Concerned for the future of a people deprived of freedom and forced to adapt to foreign customs, Shortanbai’s work portrays the perils of moral and cultural decline.

In lines such as:

“The form of the *zaman* is broken,

Like the tattered felt mat,” (*Author’s own translation*) - he illustrates the instability of Kazakh society, which has lost its cohesion and collective prosperity. By describing the period as “a *zaman* harsh to the strong, a *zaman* narrow for the meek,” he depicts a society dominated by injustice, where self-interest prevails, and moral decay permeates public life.

Representatives of the *Zar Zaman* era, such as Shortanbai Qanayuly and Murat Mönkeuly, perceived the perilous influence of foreign customs on traditional Kazakh

life and worldview with exceptional acuity. Shortanbai, in particular, recognized that social phenomena such as extramarital relationships, the erosion of shame, the decline in respect for elders, and conflicts between daughters-in-law and mothers-in-law reflected not merely societal deviations but the erosion of the national foundation and the spiritual deterioration of the people. His critique arose not from mere condemnation but from profound concern for the future of the nation.

The poet warned his compatriots against blindly imitating external influences, emphasizing that such behavior would estrange the people from their cultural roots and diminish their moral and spiritual vitality. Shortanbai openly denounced the incompatibility of colonial policies with the Kazakh language, culture, and traditions, foreseeing the severe spiritual consequences of such domination. According to him, the only salvaging force lay in preserving traditional values and human virtues. In an era marked by widespread corruption, theft, and moral decay, the poet suggested that adherence to faith and ethical conduct represented the sole means of safeguarding the community.

In his lines:

“Departing from the saints is wondrous,
Departing from the khan is justice,

The final hour of the *zaman* approaches!” (*Author’s own translation*) - Shortanbai evokes not a universal apocalypse but a spiritual end-time, signaling the threat of national moral decay and the disintegration of social cohesion. He conveys the sense of helplessness experienced by society in lines such as:

“The soul rejoices with nothing,

There is no joy in goodness” (*Author’s own translation*) - expressing the despair and spiritual distress of his era.

Another prominent figure, Murat Mönkeuly (1843–1906), intimately experienced the social transformations and spiritual crises of his time, conceptualizing the notion of *zaman* as a philosophical category closely linked with individual destiny and national identity. In his opening lines,

“Observe, young men, once more the *zaman*,

Struck again by misfortune,” (*Author’s own translation*) - he depicts the severe social conditions and crises of his period, situating them within the broader concept of *zaman*. For Murat, *zaman* was not merely a chronological measurement but a holistic phenomenon reflecting the spiritual and social realities of the people.

Murat keenly mourned the degradation of ancestral lands and the desecration of sacred spaces, interpreting these as signs of spiritual decline and the disruption of harmony between individuals and society. He recognized the homeland as a symbol of collective identity, courage, and nobility; its deterioration was inseparable from the moral decay of the community. In his verses:

“I have composed this word,
Suffering from the *zaman*.
What can the dwindling *zaman* do?
The moon rises from its place,
The sun emerges from its place,

All of this stems from man” (*Author’s own translation*) - Murat emphasizes that the deterioration of the *zaman* results not from natural forces but from human action. He identifies corruption, materialism, injustice, impiety, and dissatisfaction as the principal causes of societal decay, linking these traits directly to the erosion of national cohesion and moral foundations.

Murat provides concrete illustrations of this spiritual decline: bribery replacing reconciliation, disregard for ethical conduct despite Islamic faith, reduction in familial compassion, governance by unworthy individuals, and the humiliation of virtuous men. For him, these examples collectively demonstrate the weakening of societal morality and the erosion of human values. He concludes:

“The man of the *zaman*,

Such was the cruelty of your *zaman*!” - highlighting the interdependence of individual character and the nature of the era itself. Through his poetry, Murat presents *zaman* not merely as a temporal or spatial measure but as a spiritual category reflecting human behavior and the moral and social state of society. The condition of the era mirrors the condition of the people: as human virtues decline, so too does the essence of the time.

According to Murat Mönkeuly, the misguidance of the present constitutes the suffering of the future; thus, the spiritual weakness of contemporary society directly shapes the destiny of subsequent generations. This concern is vividly articulated in his poem “*Ush Qiyan*”:

“I speak of what I fear:

Like a bent white ear of wheat,

Will the next born child

Hold firm in the arm,

Or in the heart falter,

Will the hair and nose be settled,

Fed with bitter water,

Will it be deformed in hue?

I shall not let the fleeting *zaman*

Destroy its form!” (*Author’s own translation*) [4, 312 p].

These lines reveal the poet’s profound concern for future generations and his sense of responsibility toward the nation’s fate. For Murat Monkeuly, *zaman* is a living concept, inseparable from human existence, reflecting and shaping the spiritual condition of individuals.

Another prominent figure who philosophically reflected on the concept of *zaman* while critically examining the social and spiritual conditions of his era is Kerderi Abubakir (1861–1905). In his works, he explored the interrelation between human beings and the era, between governance and society, and between spirit and time, portraying these connections with depth and literary sophistication.

In Kerderi Abubakir’s perspective, it is the exercise of power that corrupts the *zaman*, while human behavior can either sustain or undermine that power. He directly links the state of the *zaman* to human actions and morality, presenting societal

immorality and spiritual decline as the primary causes of temporal suffering. According to him, instability within the *zaman* leads to the fragility of human destiny and the disintegration of communal cohesion.

The poet characterizes his *zaman* through the erosion of virtue and humaneness: the breakdown of brotherly and filial bonds, deviation from ancestral paths, disrespect from children toward parents, deterioration of kinship ties, the loss of shame among women, dishonorable conduct among men, and defiance in spousal relations - all serve as manifestations of spiritual decay. Under such conditions, Kerderi argues, “when books and wisdom are neglected, and impatience and gossip prevail, the era declines,” signifying the regression of society.

Kerderi conceptualizes this moral and societal decline as the *qil sagat* - the critical hour - when the corruption of the era approaches a climactic and irreversible threshold. He further suggests that the estrangement from faith and the embrace of impiety by a people who once followed the principle “prepare for the Hereafter in this world” exemplifies the tragic condition of the *zaman*. Through the inversion of values - where the wicked prevail over the virtuous and the virtuous suffer at the hands of the wicked - Kerderi illustrates that the instability of the *zaman* is inseparable from the moral volatility inherent in human character.

Kerderi Abubakir’s assertion that “*Zamanakyr* stands over the wicked” encapsulates a profound philosophical insight: the measure and culmination of an era must be sought within human nature itself. For the poet, time and humanity constitute an inseparable whole: as the moral and spiritual integrity of people declines, so too does the character of the era; conversely, the improvement of human conduct restores the vitality of time itself.

In his poetry, Kerderi specifies six indicators of societal degradation: a corrupt government; religious leadership in the hands of the ignorant; indulgence in worldly pleasures such as sweets and tea; ostentatious display symbolized by footwear and ceremonial items; the moral corruption of rulers such as sultans and chiefs; and the decay of wisdom among spiritual guides. Each of these elements functions as a symbolic marker of the community’s spiritual weakening. By identifying these as defining features, Kerderi asserts that any social, religious, cultural, or domestic transformation shapes the essence and perception of the *zaman*.

While acknowledging the continuous flux of time, Kerderi also emphasizes that this change is not entirely under human control. His line, “*Baqa bi qalgan kolge*” [4, 324 p.], evokes the helplessness and despair of individuals confronting the limitations of their influence. Recognizing the transience and impermanence of worldly affairs, the poet finds a measure of consolation in accepting reality.

In Kerderi’s worldview, humans act as both agents and subjects of the *zaman*: active participants shaping its character, yet ultimately bound by the inexorable flow of time. His poetry situates the concept of *zaman* in dynamic relation to human perception, ethical orientation, spiritual consciousness, and religious life, granting his work a distinctly philosophical dimension.

When humanity loses its moral compass and the world created for human flourishing is deprived of meaning, despair and spiritual desolation spread, and the

future loses its radiance. This period of spiritual stagnation and disorientation becomes a defining hallmark of the *Zar Zaman* era. The poets and bards of this period depict it as the *qil sagat* - a decisive, critical juncture - through which the moral decay of society and the disruption of harmony between humans and time are vividly conveyed.

Conclusion

From this perspective, *Zar Zaman* should not be interpreted merely as a period of social collapse or lamentation, but as a profound trial of the spirit and a process of collective self-reflection. The grief expressed by the poets is not hopelessness; rather, it is a call to moral vigilance and societal maturation.

Thus, Abai's maxim, "Do not despair at the state of the *zaman*" [5], and the folk wisdom principle, "It is man who corrects and perfects the *zaman*" [6], articulate the essential philosophy of *Zar Zaman*: the ethical quality of an era depends on human action. Within the flow of time and society, the enduring measure remains the elevation of the human spirit.

The conflict of values is an eternal phenomenon in human history, and its resolution lies in the spiritual maturity and cultural cohesion of the nation. The experience of the *Zar Zaman* period remains highly relevant for contemporary society: it compels us to recognize our historical responsibility, to preserve spiritual integrity, and to approach the future with confidence and moral resolve.

List of references

- 1 Кодар А. Степное знание: очерки по культурологии. – Астана: Фолиант, 2002. - 208 с.
- 2 Salymatova N.R. The ideological essence of the concept of «Zar zaman» // [Электронный ресурс] URL: [https:// history-philosophy-vestnik.buketov.edu.kz/history-philosophy-vestnik/article/view/153](https://history-philosophy-vestnik.buketov.edu.kz/history-philosophy-vestnik/article/view/153).
- 3 Нысанбаев А. Философия взаимопонимания. - Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2001. – 544 с.
- 4 Нар заман мен зар заман поэзиясы / Құраст. Е. Дүйсенбайұлы. – А.: Паритет, 2001. -5 б.
- 5 Құнанбайұлы А. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т.1. Өлеңдер мен аудармалар / А. Құнанбайұлы. — А.: Жазушы, 2005. — 135 б.
- 6 Шәкәрімтану мәселелері: сериялық ғылыми жинақ: 4 т. Т.2. / Құраст. Т.Шаңбай. - Семей-Новосибирск: Талер –Пресс, 2006.- 203 б.

Transliteration

- 1 Kodar A. Steppoe znanie: ocherki po kul'turologii [Steppe Knowledge: Essays on Cultural Studies]. – Astana: Folliant, 2002. - 208 s.
- 2 Salymatova N.R. The ideological essence of the concept of «Zar zaman» // [Elektronnyj resurs] URL: [https:// history-philosophy-vestnik.buketov.edu.kz/history-philosophy-vestnik/article/view/153](https://history-philosophy-vestnik.buketov.edu.kz/history-philosophy-vestnik/article/view/153).

3 Nysanbaev A. Filosofiya vzaimoponimaniya [Philosophy of Mutual Understanding]. - Almaty: Glavnaya redakciya «Қазақ enciklopediyasy», 2001. – 544 s.

4 Nar zaman men zar zaman poeziyası [Poetry of Nar zaman and Zar zaman] / Құраст. E. Dүйсенбайұлы. – А.: Raritet, 2001. -5 b.

5 Құнанбайұлы А. Shyfarmalarynyң eki tomдық toлық zhinary [Two-volume collection of A. Kunanbayuly's works]. T.1. Өлеңдер мен audarmalar / A. Құнанбайұлы. — А.: ZHazyshy, 2005. — 135 b.

6 Shəkarimtanu məsələləri: seriyalyk ғылыми zhinak [Problems of Shakarimology: serial scientific collection]. 4 t. T.2. / Құраст. T.SHaңbaj. - Semej-Novosibirsk: Taler –Press, 2006.- 203 b.

Салыматова Н.Р., Анасова Қ.Т.

Зар заман дүниетанымындағы құндылықтар өзгерісі: дәстүр мен жаңашылдық қайшылығы

Аңдатпа. Мақалада қазақ халқының рухани тарихындағы маңызды кезеңдердің бірі – Зар заман дәуіріндегі құндылықтық өзгерістер философиялық тұрғыдан кешенді талданады. Бұл кезең қазақ қоғамының дәстүрлі дүниетанымдық жүйесі терең дағдарысқа ұшырап, тарихи-мәдени бағдарлардың қайта құрылу үдерісі жүріп жатқан уақыт ретінде сипатталады. Зар заман дәуірі ұлттық сананың күйзеліс пен жаңғыру, дәстүр мен жаңашылдық арасындағы күрделі шекаралық жағдайда тұрған тарихи-рухани кезеңін білдіреді. Зерттеу аясында дәстүрлі көшпелі қоғамның рухани-адамгершілік негіздерінің әлсіреуі, қоғамдық қатынастардың өзгеруі және сыртқы өркениеттік ықпалдардың күшеюі нәтижесінде қалыптасқан жаңа құндылықтық бағдарлар сарапталады. Осы үдерістер барысында қоғамдағы бұрынғы аксиологиялық жүйенің тұрақтылығы бұзылып, оның орнына жаңа әлеуметтік-мәдени нормалар мен дүниетанымдық ұстанымдардың қалыптаса бастағаны байқалады. Бұл құбылыс өз кезегінде дәстүрлі мәдениет пен жаңашыл өркениеттік ықпалдардың тоғысуынан туындаған құндылықтық қайшылықтар мен дүниетанымдық дағдарыстарды айқын көрсетеді. Мақалада Зар заман ақындарының шығармашылығы қоғамдық сананың осы тарихи күйін бейнелейтін маңызды рухани дереккөз ретінде қарастырылады. Ақындардың поэзиясында адам, қоғам және заман арасындағы өзара қатынастардың күрделенуі, тарихи уақыттың өзгеруімен байланысты рухани күйзеліс пен құндылықтық бағдарлардың дағдарысы философиялық тұрғыдан бейнеленеді. Осы арқылы Зар заман поэзиясы белгілі бір әдеби бағыт ғана емес, қоғамдағы тарихи өзгерістердің мәнін түсіндіретін дүниетанымдық рефлексияның ерекше формасы ретінде пайымдалады.

Түйін сөздер: Зар заман, құндылықтар қақтығысы, дүниетаным, ұлттық сана, рухани күйзеліс, заман.

Салыматова Н.Р., Анасова К.Т.

Трансформация ценностей в мировоззрении «зар заман»: противоречие традиции и новаторства

Аннотация. В статье с философской точки зрения комплексно анализируются ценностные изменения эпохи «Зар заман» - одного из значимых периодов духовной истории казахского народа. Данный этап характеризуется как время, когда традиционная мировоззренческая система казахского общества переживала глубокий кризис, сопровождавшийся процессом переосмысления и перестройки историко-культурных

ориентиров. Эпоха «Зар заман» представляет собой историко-духовный период, в котором национальное сознание оказалось в сложной пограничной ситуации между кризисом и обновлением, традицией и новаторством. В рамках исследования рассматриваются процессы ослабления духовно-нравственных основ традиционного кочевого общества, трансформации общественных отношений и формирования новых ценностных ориентиров под воздействием усиливающихся внешних цивилизационных влияний. В ходе этих процессов нарушается устойчивость прежней аксиологической системы общества, на смену которой начинают формироваться новые социально-культурные нормы и мировоззренческие установки. Данное явление наглядно демонстрирует ценностные противоречия и мировоззренческие кризисы, возникшие на стыке традиционной культуры и новых цивилизационных влияний. В статье творчество поэтов эпохи «Зар заман» рассматривается как важный духовный источник, отражающий историческое состояние общественного сознания. В их поэзии философски осмысливаются усложнение взаимоотношений между человеком, обществом и временем, духовные переживания, вызванные изменением исторической эпохи, а также кризис ценностных ориентиров. Таким образом, поэзия «Зар заман» интерпретируется не только как определённое литературное направление, но и как особая форма мировоззренческой рефлексии, раскрывающая смысл исторических изменений в обществе.

Ключевые слова: «Зар заман», конфликт ценностей, мировоззрение, национальное сознание, духовный кризис, «заман».

Author Contributions. All authors contributed equally to the writing of the manuscript and the preparation of the article for publication.

Received 23.04.2026

Accepted 14.05.2026

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАЗАХОВ

¹Д.А. Качеев, ²Е.Б. Токтаров*, ³Т.Т. Оспанов, ⁴А.В. Видершпан

^{1,4}Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
(Костанай, Казахстан)

²Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК (Алматы, Казахстан)

³Казахстанско-немецкий университет (Алматы, Казахстан)

¹kacheev@mail.ru, ²toktarov.yermek@gmail.com, ³ospanov@dku.kz, ⁴vav0571@mail.ru

¹D. Kachev, ²Ye. Toktarov*, ³T. Ospanov, ⁴A. Vidershan

^{1,4}Kostanai Branch of Chelyabinsk State University (Kostanay, Kazakhstan)

²Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MSHE RK
(Almaty, Kazakhstan)

³Kazakh-German University (Almaty, Kazakhstan)

¹kacheev@mail.ru, ²toktarov.yermek@gmail.com, ³ospanov@dku.kz, ⁴vav0571@mail.ru

Ссылка: Качеев Д.А., Токтаров Е.Б., Оспанов Т.Т., Видершпан А.В. К вопросу о трансформации общественного сознания казахов // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – С. 41-53.

Аннотация. В статье исследуется вопрос о том, как трансформировалось общественное сознание как ядро духовной культуры казахов в исторической перспективе. Определяется ядро общественного сознания, которое сложилось на основе тюркского культурного наследия, хозяйственно-экономической деятельности и этнической самоидентичности к моменту завершения этногенеза казахов и образования Казахского ханства. Данный этап определяется как институциональное оформление общественного сознания казахов, которое, при сохранении «ядра» будет трансформироваться.

Период нахождения в составе Российской империи в качестве колонии существенно повлиял на общественное сознание казахов. Причиной этого послужила политика царизма по изъятию земель и сокращению традиционных способов хозяйствования, национальная и переселенческая политика, вмешательство в религиозную сферу и замена ряда общественных институтов, таких как суд биев и ханская власть, на имперские. На примере личностей Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и А. Кунанбаева показывается, как в результате трансформации общественного сознания происходит не только появление нового слоя казахского общества, но и укрепляется этническая идентичность.

Советский период кардинально трансформировал общественное сознание казахов. Был уничтожен традиционный хозяйственный уклад, проведена реформа письменности и развита политика русификации. Замена родового сознания

* Автор-корреспондент: Е.Б. Токтаров, toktarov.yermek@gmail.com

интернациональным, всеобщая грамотность населения и введение новых общественных институтов укореняют в общественном сознании казахов концепты советской культуры, которые становятся доминирующими.

Трансформация общественного сознания в период суверенитета имеет двойственный характер. С одной стороны, произошло возрождение казахской культуры и рост самосознания казахов, как государствообразующего этноса. С другой стороны, в рамках полиэтнического общества Казахстана государство проводит политику по консолидации представителей всех этносов в единую гражданскую общность. Наличие в общественном сознании республики разных полюсов, основывающихся на разных культурных концептах, должно нивелироваться политикой государства по формированию единой нации. Именно такую политику проводит Президент К.Токаев, который утвердил систему общенациональных ценностей, декларирует межэтническое и межконфессиональное согласие, провел масштабное политическое реформирование. В Казахстане взят курс на формирование единой гражданской нации, основой которой является казахская духовная культура, что и определяет трансформацию общественного сознания в настоящее время.

Ключевые слова: общественное сознание, культура, Великая Степь, трансформация, нация.

Введение

Общественное сознание, являющееся ядром духовной культуры казахского этноса, трансформировалось сообразно тем хозяйственно-экономическим, политическим и культурным условиям, которые складывались в ходе исторического процесса. Изучение трансформации общественного сознания является важной частью понимания того, как менялись культурные практики, самосознание казахского этноса, а позже – полиэтнического общества Казахстана.

Можно говорить об институционализации общественного сознания казахов, произошедшей в ходе этногенеза и образования Казахского ханства. Общественное сознание казахов впитало в себя наследие тюркской цивилизации и уникальные культурные практики, которые позволяют нам говорить об особом – Степном типе общественного сознания. Дальнейшая трансформация общественного сознания была связана с процессом вхождения Казахстана в состав Российской империи, а затем – Советского Союза. После обретения суверенитета начинается особый этап трансформации общественного сознания, связанный не только с переходом от одной политико-экономической системы к другой, но и с процессами возрождения казахской культуры, а также выработкой государством национальной политики.

Актуализация изучения общественного сознания Казахстана в исторической перспективе обусловлена процессами национального строительства в суверенном Казахстане. Инициативы Президента К. Токаева о создании новой исторической концепции и формировании цивилизационной теории «Великой Степи» направлены на общественное сознание полиэтнического общества, которое консолидируется в единую гражданскую нацию.

Методология

В качестве общей методологической основы нами использовался социально-философский подход, так как именно он позволяет раскрыть сущность общественного сознания, определить его структуру и механизмы трансформации в исторической перспективе. В рамках социально-философского подхода общественное сознание казахов рассматривается как пространство ценностей и исторической памяти, культурных практик и идеологических конструктов.

Методологически важен историко-философский подход, который позволяет проследить этапы трансформации общественного сознания казахов с момента его институционализации до сегодняшнего дня. С помощью историко-философского подхода можно проследить, каким образом происходила трансформация общественного сознания казахов от традиционного кочевнического мировоззрения и родовой идентичности к имперскому периоду, а затем к модели советского коллективного, интернационального сознания, наконец – к возрождению этнического сознания казахов и современной гражданской идентичности.

Институционализация общественного сознания казахов к периоду возникновения Казахского ханства

Если говорить об общественном сознании казахского этноса, то оно произошло к периоду возникновения Казахского ханства, формирования этнонима «казах» и сложения казахского языка как кыпчакской ветви тюркского языка.

На наш взгляд, этот процесс не подлежит ограничению во временном отрезке, и уж тем более не относится исключительно к XV веку. Складывание казахского этноса как симбиоза различных тюркских племен происходило в долгой исторической перспективе. Поэтому общественное сознание казахов впитало в себя особенности хозяйственно-экономического типа, который был обусловлен природно-географическими условиями степной полосы Евразии, и который, в свою очередь, стал фундаментом кочевнического образа жизни. Как подчеркивает М. Орынбеков: «Полукочевое скотоводство на многие века задало основы существования казахов, что вылилось в принципы бытия и осознанные ценности мироздания» [1, с. 7].

Материально-экономический базис определил тот комплекс культурных практик и психологических черт народа, который носит название «менталитета». В то же время, сложилась уникальная в своем основании духовная культура казахов, кочевническая по своей сути, но кардинально отличающаяся от других типов кочевнических культур, встречающихся в мире. Ядром же духовной культуры казахского этноса стало общественное сознание, вобравшее в себя религиозные взгляды, систему нравственных ценностей, особенности политического и правового устройства.

Мировоззрение казаха, находящегося в синкретическом состоянии с природой, имело онтологическую основу, берущую свое начало в тюркской мифологии

и тенгрианстве, которое «обоожествляло природу как обитель духов предков и рассматривало как одушевленную субстанцию с ее гармонией с окружающим миром» [2, с. 121]. Это было очень важно, потому что понимание устройства мироздания обуславливало многие аспекты духовной и материальной жизни, включая астрологические взгляды, понимание круговорота природы, устройство юрты как «опрокинутого» на землю небосвода. Все это отличало казахов от представителей других культур, позволяя укоренить самоидентификацию и прийти, в итоге, к этнокультурной казахской идентичности.

Складывание казахской идентичности, осознание себя как «казахов», явилось залогом политического оформления Казахского ханства. Подобная самоидентификация консолидировала представителей трех жузов для решения общих задач и совместной жизнедеятельности. И именно эта идентификация определила то, что казахское этническое сознание есть сознание родовое.

Родовая принадлежность и знание своей родословной («шежире»), – корневые основы общественного сознания казахов, которые остаются незыблемыми до настоящего времени и не подвергались трансформации, даже в условиях сложных и порой трагичных исторических обстоятельств. Как отмечает С. Булекбаев: «Казах всегда должен был знать свою родословную, всегда знать своих предков до седьмого колена, иначе можно было прослыть невеждой и невоспитанным человеком» [3, с. 130]. Возможно, имея данные опорные точки в общественном сознании, казахи, будучи мобильными в пространственном отношении и открытыми к любым новациям извне (что не всегда было положительно), оставались самими собой. В целом же, общественное сознание казахов неоднократно подвергалось трансформации, на что влияли исторические условия политического, хозяйственно-экономического и культурного порядка.

Трансформация общественного сознания казахов в колониальный и советский периоды

Колониальный период обусловил начало сложных процессов трансформации общественного сознания казахов, которое все больше и больше попадало в орбиту духовного влияния Российской империи. В этот период наблюдаются процессы адаптации казахского этнического сознания к русской культуре, которая все шире проникала и распространялась в Степи. Помимо этого происходили изменения в социальной жизни казахского народа, традиционном хозяйственно-экономическом укладе, сложившемся и существовавшем веками, а также в политическом устройстве казахского общества. Сопrotивление внешним влияниям, как в сфере отстаивания территориальной целостности Казахского ханства, так и в сфере культуры и образования, привели к укреплению национальной самоидентификации казахов, явились основой развития национального самосознания, пик расцвета которого пришелся на первую четверть XX века.

Особенностью общественного сознания казахов является открытость ко всему новому и способность максимально воспринимать любые инновации,

что явилось причиной сужения культурных практик и расширения институтов и практик империи. Общественное сознание казахов очень остро реагировало на постепенную утрату возможности проживать на родной земле и пасти там скот, что фактически, приравнялось к потере независимости.

Одним из самых ярких примеров трансформации общественного сознания казахов является деятельность мыслителей эпохи казахского Ренессанса, в лице Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и А. Кунанбаева, которые являли собой синтез носителей казахской национальной культуры и культуры европейской. Последняя была воспринята указанными мыслителями в рамках включенности в имперский дискурс.

Ч. Валиханов, изучавший историю, культуру и фольклор, способствовал укреплению этнического самосознания казахов. Идеи модернизации казахского общества были присущи Ч. Валиханову, который тем не менее критически относился к бездумному перенесению на казахскую почву чуждых институтов в сфере образования и политического устройства Степи. Ведь только «непременный учет национальной специфики при проведении крупных общественно-политических мероприятий должен был благотворно повлиять на развитие социального строя казахов» [4, с. 171]. Такая форма общественного сознания как правосознание, получила свое развитие именно в трудах Валиханова, критически относившегося не только к пережиткам, бытовавшим в казахском обществе, но и к колониальным порядкам.

Просветительская деятельность И. Алтынсарина сыграла большую роль в образовании казахского народа и распространении идей демократии и прогресса, что существенным образом способствовало трансформации общественного сознания казахов в колониальный период. Как верно отмечает Я. Кэмпбелл: «Как писатель и чиновник Алтынсарин противостоял царскому государству, которое порой бывало невероятно деспотичным и редко придерживалось последовательного взгляда на будущее степи» [5, с. 123]. Гуманистическая основа идей Алтынсарина стала импульсом развития образования, сочетающегося с культурными практиками традиционного общества. Это способствовало формированию в общественном сознании казахов идеи социальной справедливости, достигнуть которую можно только через образование.

Творчество Абая Кунанбаева, в центре которого находились нравственные и интеллектуальные качества человека, способствовало развитию нравственного сознания казахов. Через Абая в казахское общество проникали культурные идеи не только русской, но и мировой культуры, что способствовало развитию общественного сознания казахов, обогащая его. Как подчеркивает академик Ж.Абдильдин, А. Кунанбаев «доказывал необходимость формирования нового мировоззрения, нового мышления, новых этических принципов», а, по сути, необходимость трансформации общественного сознания, для того, чтобы казахское общество стало образованным и передовым [6, с. 236].

Общественное сознание казахов несло в себе традиционные представления о власти как некоем сакральном институте, основанием которого является

родоплеменная принадлежность. Последняя служила всегда легитимацией нахождения у власти и была основой авторитета правителя. В ходе колониального периода данные представления в общественном сознании утрачивали силу, так как империя всячески ограничивала власть ханов и в итоге ликвидировала ее вовсе. Замена ханской власти административной, назначаемой империей, существенным образом повлияла на политическое сознание казахов, не только лишив в глазах последних институт власти сакральности, но и явившись началом скрытого а иногда и явного противодействия данной власти как чужой и навязанной казахам извне. В политическом сознании казахов сформировалось двойственное отношение к власти – с одной стороны неизбежным элементом подчинения метрополии являлась лояльность назначенной в Степи административной власти, а с другой стороны, проявлялось стремление сохранить элементы суверенитета путем национально-освободительных движений.

Постепенно в среде казахов начала образовываться новая социальная прослойка, состоявшая из людей, получивших русское образование и владеющих русским языком. Эти казахи обладали несколько иным взглядом на традиционное общество, были сторонниками идеи европейского прогресса, отходили от национальной культуры. Это вносило определенные противоречия в общественное сознание казахов, которое начало испытывать разрыв между культурой традиционного общества и имперской культурой, подкрепленной мощным административным ресурсом и имеющей выход на мировой уровень. Главной чертой данного этапа трансформации общественного сознания стал кризис казахской этнической идентичности, чему способствовала маргинализация самого казахского общества под давлением империи.

Империя же, в свою очередь, не только прекрасно осознавала, что национальная политика и русификация являются факторами, которые размывают казахскую идентичность, но и способствовала посредством системы образования и политического переустройства в Степи данным процессам.

Несмотря на указанные моменты трансформации общественного сознания казахов, которые могут быть оценены в негативном ключе, стоит отметить, что к концу существования Российской империи, произошли существенные изменения, которые привели к росту национального самосознания. Результатом этих изменений стало формирование к началу XX века в казахском обществе слоя национальной интеллигенции, которая обладала новым, передовым для традиционного общества, типом мышления. Как отмечают М. и Ч. Лаумулины, «основным содержанием этого периода был переход у казахов от племенного сознания к национальному. Мировоззрение казахов, раньше часто заканчивавшееся собственным аулом или родом, вышло на общенациональный уровень» [7, с. 23]. Именно национальная интеллигенция стала носителем этого нового «общенационального» сознания и выступала за развитие самосознания казахов, активно отстаивая интересы своего этноса.

Интеллигенция обладала новым видением политического развития Степи в качестве автономного от империи субъекта. Так, в общественном

сознании казахов появляются идеи суверенитета и казахской нации как особого культурного и политического образования, имеющего право на самостоятельное развитие. Деятельность А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова и многих других представителей казахской интеллигенции является примером того, как созревшие в общественном сознании идеи о самоуправлении казахских земель стали фактором подъема политического сознания казахов. Именно казахская интеллигенция подчеркивала важность национальной идентичности как этнокультурной, способствующей культурному возрождению казахского этноса как полноправного субъекта мировой истории.

Говоря о характерных особенностях трансформации общественного сознания казахов в колониальный период, мы можем выделить следующие моменты. Лежащее в основе этнического самосознания казахов родовое сознание начинает переходить к осознанию национальной принадлежности, как части единого целого, единого народа как политической единицы. В этом отношении, родоплеменная и жузовая принадлежность, оставаясь важными элементами самоидентификации, уступают место национальной принадлежности, что явилось причиной нарастающего противостояния политике империи. В рамках политического сознания казахского общества произошел отход от сакральности ханской власти к идее национальной автономии, суверенному политическому объединению. Колониальный период существенным образом повлиял на общественное сознание казахов – были сформированы идеи и ценности, ставшие основой жизни общества в XX веке.

Советский период был не только временем кардинальных преобразований жизни казахского общества в социально-экономической сфере, но и повлиял на изменение духовной культуры, а также ее ядра – общественного сознания. В сфере последнего происходила трансформация идей и ценностей, понимания человека и смысла его жизни, представлений об обществе.

В досоветский, колониальный период, при всех происходивших изменениях в сфере общественного сознания казахов, мы можем говорить о номадическом типе сознания, для которого характерны установки на коллективизм, понимание синкретичности человека с природой, сочетание тенгрианства и исламских верований.

Советское государство создало систему идеологии, в орбите которой оказалось общественное сознание казахов. Происходило разрушение не только оставшихся элементов хозяйственно-экономической деятельности казахов, как это произошло в период коллективизации, но и основ мировоззрения казахов, находившихся в рамках традиционного, преимущественно исламского и патриархального образа жизни.

Идеологией внедрялись идеи интернационализма, социалистического прогресса и классовой солидарности, а также атеизма. Все это привело к двойственности общественного сознания казахов, которое, при внешней лояльности к советской идеологии, сохраняло корневые основы в виде родовых представлений и культурных практик.

Такая двойственность сохранялась до тех пор, пока была сильна административная система, основанная на механизмах страха и репрессий. Однако, уже в позднесоветский период можно наблюдать процессы усиления национальной идентичности казахов как этнокультурной идентичности. В рамках сложившейся к тому времени полиэтнической структуры общества советского Казахстана это привело к складыванию «биполярного общества», которое совмещало в себе как национальное сознание казахов, так и советское сознание всего казахстанского общества. Как подчеркивает Р.К.Кадыржанов «элементы основанной на коммунистическом интернационализме советской национальной политики... сохраняются в Казахстане по сей день» [8, с. 18].

Период суверенитета – новый этап трансформации общественного сознания и утверждения системы общенациональных ценностей

После обретения Казахстаном суверенитета начался новый этап трансформации общественного сознания. Данный этап был обусловлен несколькими причинами.

Прежде всего, основой трансформации общественного сознания стал переход от одной политико-административной модели советского типа, существовавшей в рамках плановой экономики к другой суверенной модели, которая вошла в рыночную экономику. Кардинальные изменения повлияли на падение уровня жизни населения и крушение ценностных и мировоззренческих установок общества. Общество оказалось не готовым к жизни в условиях капиталистической системы и свободы от идеологических ограничений, что отразилось на процессах внутри общественного сознания – начался рост индивидуализма, замещавшего советский «коллективизм»; в страну хлынули различные религиозные течения, в том числе деструктивные, которые отрицательно влияли на общественное сознание; «свободный рынок» стал не только экономической категорией, но и аксиологической нормой, повлекшей за собой падение уровня морали общества, расцвет криминала и разных асоциальных видов деятельности человека.

Еще одним важным аспектом трансформации общественного сознания стало возрождение казахской культуры. Прежде всего, это выразилось в развитии казахского языка, который приобрел статус государственного. Началось активное изучение казахского языка, стали создаваться детские сады и школы с государственным языком обучения. Продолжился рост этнического сознания казахов, особенно ярко проявившийся в духовной и политической сферах. По сути, возрождение и развитие казахской культуры стало консолидирующим элементом трансформации сознания полиэтнического общества Казахстана. Данное «духовное пробуждение, или точнее сказать, возрождение», - по словам З. Наурызбаевой, - «является единственным шансом для нации и государства, шансом состояться в современном мире» [9, с. 554].

Рост этнического сознания казахов стал одной из причин противоречия между советским и суверенным в общественном сознании. Истоки данного

противоречия заключены в историческом развитии Казахстана в XX веке, когда из моноэтнического общество стало полиэтническим. Причиной этого явились следующие события: переселение этносов в Казахстан как намеренное, так и в результате репрессий, годы ВОВ, а также такие масштабные проекты, как освоение целинных и залежных земель. В результате этого, численность казахов резко уменьшилась до критического уровня, что повлияло на этническое сознание. В то же время, базовые основы этнического сознания казахов оставались неизменными и к обретению суверенитета сохранились, начали возрождаться и укрепляться. В советский период идеологическое влияние утверждало в сознании общества Казахстана концепты советской культуры и систему ценностей. Таким образом, в общественном сознании суверенного Казахстана образовалось два основных полюса – носители казахской культуры и носители культуры советской.

Государственная политика Республики Казахстан направлена на формирование единой нации, консолидированной по гражданскому принципу. В рамках данной политики Президентом К. Токаевым была инициирована на Национальном курултае и введена система общенациональных ценностей. Данные ценности, направленные на общественное сознание, являются общими для всех граждан республики, вне зависимости от этнической, конфессиональной или какой бы то ни было другой принадлежности. К общенациональным ценностям отнесены Независимость и Патриотизм, Единство и Солидарность, Справедливость и Ответственность, Закон и Порядок, Трудолюбие и Профессионализм, Созидание и Новаторство [10]. Все общенациональные ценности направлены на трансформацию общественного сознания, которое должно проникнуться идеей гражданского единства, одной нации, которая устремлена в будущее.

Заключение

Институционализация общественного сознания, произошедшая к моменту политического оформления Казахского ханства, стала важным этапом развития национального самосознания и расцвета духовной культуры казахов. Весь последующий ход истории обусловил процессы трансформации общественного сознания казахов вплоть до конца XX века.

Этапы трансформации общественного сознания казахов в ходе исторического процесса демонстрируют нам важные аспекты, являющиеся актуальными для понимания современных этнополитических процессов в Казахстане. Прежде всего, в общественном сознании казахов наличествует «ядро», включающее в себя ценности и культурные практики, которые остаются неизменными начиная с этапа институционализации и до сегодняшнего дня. Также необходимо отметить, что общественное сознание казахов демонстрирует высокую степень адаптивности к изменяющимся внешним условиям (политическим, социально-экономическим), а также открытость и способность к модернизации.

Все вышеперечисленные характеристики общественного сознания казахов, а также отсутствие в нем идей шовинизма и мессианства, позволили сформировать уникальную модель национальной политики Республики Казахстан в период суверенитета. Благодаря «ядру» общественного сознания казахов, получивших исторический шанс на обретение независимости, возрождение этнической самоидентификации народа произошло в короткий промежуток времени. Мало того, этническое сознание казахов стало основой общественного сознания полиэтнического общества Казахстана, а также каркасом формирования единой гражданской нации.

Список литературы

- 1 Орынбеков М.С. Духовные основы консолидации казахов. – Алматы: ИД «Аркаим», 2001. – 252 с.
- 2 Оразбаева А. Формула государственности казахов. – М.: PRESS-BOOK.Ru, 2017. – 376 с.
- 3 Булекбаев С. Тюркский вклад в мировую культуру и цивилизацию. – Алматы: ТОО «BAViS systems», 2016. – 316 с.
- 4 Абдильдин Ж.М. Ч.Ч.Валиханов – первый казахский ученый, демократ и просветитель / Абдильдин Ж. Собрание сочинений в десяти томах. Т.8. – Астана: Астана полиграфия, 2012. – 248 с.
- 5 Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи, 1731-1917. – Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. – 391 с.
- 6 Абдильдин Ж. История философии / Абдильдин Ж. Собрание сочинений в десяти томах. Т.7. Астана: Астана полиграфия, 2012. – 616 с.
- 7 Лаумулин М.Т., Лаумулин Ч.Т. Дети степей. Книга о Казахстане и его жителях. – Алматы: «Жибек жолы», 2009. – 152 с.
- 8 Кадыржанов Р.К., Ешпанова Д.Д. Этнополитическая демография и трансформация биполярного общества в Казахстане. – Алматы: «Институт философии, политологии и религиоведения» КН МНВО РК, 2024. – 200 с.
- 9 Наурызбаева З. Вечное небо казахов. – Алматы: «KazHeritage», 2020. – 720 с.
- 10 Указ Президента Республики Казахстан от 05 ноября 2025 №1081 «Об утверждении основных принципов, ценностей и направлений внутренней политики Республики Казахстан» // [Электронный ресурс] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500001081#z80> (Дата обращения 22.03.2026)

Transliteration

- 1 Orynbekov M.S. Duhovnye osnovy konsolidacii kazahov [The Spiritual Foundations of Kazakh Unity]. – Almaty: ID «Arkaim», 2001. – 252 s. (in Russ)
- 2 Orazbaeva A. Formula gosudarstvennosti kazahov [The Kazakh Concept of Statehood]. – M.: PRESS-BOOK.Ru, 2017. – 376 s. (in Russ)
- 3 Bulekbaev S. Tyurkskij vklad v mirovuyu kul'turu i civilizaciju [The Turkic Contribution to World Culture and Civilization]. – Almaty: TOO «BAViS systems», 2016. – 316 s. (in Russ)
- 4 Abdil'din Zh.M. Ch.Ch. Valihanov – pervyj kazahskij uchenyj, demokrat i prosvetitel' [Valikhanov was the first Kazakh scholar, democrat, and educator] / Abdil'din Zh. Sbranie sochinenij v desyati tomah. T.8. – Astana: Astana poligrafiya, 2012. – 248 s. (in Russ)

5 Kehmpbell Ya. Znanie i okrainy imperii: kazahskie posredniki i rossijskoe upravlenie v stepi, 1731-1917 [Knowledge and the Empire's Periphery: Kazakh Intermediaries and Russian Administration in the Steppe, 1731–1917]. – Sankt-Peterburg: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2022. – 391 s. (in Russ)

6 Abdil'din Zh. Istoriya filosofii [History of Philosophy] / Abdil'din Zh. Sobranie sochinenij v desyati tomah. T.7. Astana: Astana poligrafiya, 2012. – 616 s. (in Russ)

7 Laumulin M.T., Laumulin Ch.T. Deti stepej. Kniga o Kazahstane i ego zhitelyah [Children of the Steppes: A Book About Kazakhstan and Its People]. – Almaty: «Zhibek zholy», 2009. – 152 s. (in Russ)

8 Kadyrzhanov R.K., Eshpanova D.D. Ehtnopoliticheskaya demografiya i transformaciya bipolyarnogo obshchestva v Kazahstane [Ethnopolitical Demography and the Transformation of a Bipolar Society in Kazakhstan]. – Almaty: «Institut filosofii, politologii i religiovedeniya» KN MNVO RK, 2024. – 200 s. (in Russ)

9 Naurzbaeva Z. Vechnoe nebo kazahov [The Eternal Sky of the Kazakhs]. – Almaty: «KazHeritage», 2020. – 720 s. (in Russ)

10 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 05 noyabrya 2025 №1081 «Ob utverzhdenii osnovnyh principov, cennostej i napravlenij vnutrennej politiki Respubliki Kazahstan» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 1081 of November 5, 2025, “On the Approval of the Fundamental Principles, Values, and Directions of the Domestic Policy of the Republic of Kazakhstan”] // [Elektronnyj resurs] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500001081#z80> (Data obrashcheniya 22.03.2026) (in Russ)

Качеев Д.А., Токтаров Е.Б., Оспанов Т.Т., Видершпан А.В.

Қазақтардың қоғамдық санасының трансформациясы мәселесіне қатысты

Аңдатпа. Мақалада қазақтардың рухани мәдениетінің өзегі ретіндегі қоғамдық сананың тарихи перспективада қалай трансформацияланғаны мәселесі зерттеледі. Қазақтардың этногенезі аяқталып, Қазақ хандығы құрылған кезеңге қарай түркі мәдени мұрасы, шаруашылық-экономикалық қызмет және этникалық өзін-өзі сәйкестендіру негізінде қалыптасқан қоғамдық сананың өзегі айқындалады. Аталған кезең қазақтардың қоғамдық санасының институционалдық тұрғыдан рәсімделуі ретінде сипатталады, ал оның «өзегі» сақталғанымен, қоғамдық сана одан әрі трансформацияға ұшырайды.

Ресей империясының құрамында отар ретінде болу кезеңі қазақтардың қоғамдық санасына елеулі ықпал етті. Бұған патшалық биліктің жерлерді тартып алу және дәстүрлі шаруашылық жүргізу тәсілдерін қысқарту саясаты, ұлттық және қоныс аудару саясаты, діни салаға араласуы, сондай-ақ билер соты мен хан билігі сияқты бірқатар қоғамдық институттарды империялық институттармен алмастыруы себеп болды. Ш. Уәлиханов, Ы. Алтынсарин және А. Құнанбаев тұлғаларының мысалында қоғамдық сананың трансформациясы нәтижесінде қазақ қоғамының жаңа бір қабатының пайда болып қана қоймай, этникалық бірегейліктің де нығайғаны көрсетіледі.

Кеңестік кезең қазақтардың қоғамдық санасын түбегейлі трансформациялады. Дәстүрлі шаруашылық уклады жойылып, жазу реформасы жүргізілді және орыстандыру саясаты өрістетілді. Ру-тайпалық сананың интернационалдық санамен алмастырылуы, халықтың жаппай сауаттандырылуы және жаңа қоғамдық институттардың енгізілуі қазақтардың қоғамдық санасында кеңестік мәдениеттің концептілерін орнықтырып, оларды басым сипатқа жеткізді.

Егемендік кезеңіндегі қоғамдық сананың трансформациясы екіжақты сипатқа ие. Бір жағынан, қазақ мәдениетінің жаңғыруы мен қазақтардың мемлекет құраушы

этнос ретіндегі өзіндік санасының өсуі орын алды. Екінші жағынан, Қазақстанның полиэтносты қоғамы жағдайында мемлекет барлық этностар өкілдерін біртұтас азаматтық қауымдастыққа топтастыру саясатын жүргізіп келеді. Республика қоғамдық санасында әртүрлі мәдени концептілерге негізделген әрқилы полюстердің болуы мемлекеттің біртұтас ұлт қалыптастыру саясаты арқылы біртіндеп нивелирленуге тиіс. Дәл осындай саясатты Президент Қ. Тоқаев жүргізіп отыр: ол жалпыұлттық құндылықтар жүйесін бекітті, этносаралық және конфессияаралық келісімді жария түрде қолдайды, ауқымды саяси реформаларды жүзеге асырды. Қазақстанда негізі қазақтың рухани мәдениеті болып табылатын біртұтас азаматтық ұлт қалыптастыру бағыты алынған, бұл қазіргі кезеңдегі қоғамдық сананың трансформациясын айқындайды.

Түйін сөздер: қоғамдық сана, мәдениет, Ұлы Дала, трансформация, ұлт.

Kacheyev D.A., Toktarov Ye.B., Ospanov T.T., Vidershpan A.V.
On the Transformation of the Social Consciousness of the Kazakhs

Abstract. The article examines the question of how social consciousness, as the core of the spiritual culture of the Kazakhs, has transformed in historical perspective. It identifies the core of social consciousness that had taken shape on the basis of Turkic cultural heritage, economic activity, and ethnic self-identification by the time the ethnogenesis of the Kazakhs was completed and the Kazakh Khanate was formed. This stage is defined as the institutional formation of the social consciousness of the Kazakhs, which, while preserving its “core,” continued to transform.

The period during which the Kazakhs were part of the Russian Empire as a colony significantly affected their social consciousness. This was caused by the tsarist policy of land seizure and the reduction of traditional forms of economic activity, national and resettlement policies, interference in the religious sphere, and the replacement of a number of social institutions, such as the biy court and khan authority, with imperial ones. The examples of Ch. Valikhanov, I. Altynsarin, and A. Kunanbaev demonstrate how the transformation of social consciousness led not only to the emergence of a new stratum within Kazakh society, but also to the strengthening of ethnic identity.

The Soviet period radically transformed the social consciousness of the Kazakhs. The traditional economic way of life was destroyed, a script reform was carried out, and a policy of Russification was advanced. The replacement of clan consciousness with internationalist consciousness, universal literacy, and the introduction of new social institutions entrenched the concepts of Soviet culture in the social consciousness of the Kazakhs, making them dominant.

The transformation of social consciousness during the period of sovereignty has had a dual character. On the one hand, there has been a revival of Kazakh culture and a growth in the self-awareness of the Kazakhs as the state-forming ethnic group. On the other hand, within the framework of Kazakhstan’s multiethnic society, the state has pursued a policy of consolidating representatives of all ethnic groups into a single civic community. The existence of different poles within the republic’s social consciousness, based on different cultural concepts, is to be neutralized through state policy aimed at forming a single nation. This is precisely the policy pursued by President K. Tokayev, who has approved a system of national values, declared interethnic and interfaith harmony, and carried out large-scale political reforms. Kazakhstan has embarked on a course toward forming a unified civic nation based on Kazakh spiritual culture, which determines the current transformation of social consciousness.

Key words: social consciousness, culture, the Great Steppe, transformation, nation.

Вклад авторов. Д.А. Качеев, концептуализация исследования, методология, формальный анализ, написание первоначального варианта текста; Е.Б. Токтаров, концептуализация исследования, научное руководство, редактирование и доработка текста; Т.Т. Оспанов, сбор и анализ материалов, верификация отдельных положений, редактирование текста; А.В. Видершпан, формальный анализ, интерпретация результатов, редактирование и итоговое согласование текста; Все авторы одобрили финальную версию статьи и несут ответственность за ее содержание.

Поступила: 15.03.2026

Принята: 14.05.2026

СУФИЗМ СЕРДЦА В УЧЕНИИ ХОДЖА АХМЕТА ЯСАВИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТЕПЕЙ

¹ К.К. Бегалинова, ² М.С. Ашилова, ³ А.С. Бегалинов

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

² Казахский университет международных отношений и мировых языков
им. Абылай хана (Алматы, Казахстан)

³ Международный университет информационных технологий (Алматы, Казахстан)

¹kalima910@mail.ru, ²madina.almatytv@gmail.com, ³alibek557@gmail.com

¹ K. Begalynova, ² M. Ashilova, ³ A. Begalynov

¹ Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

² Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages
(Almaty, Kazakhstan)

³ International Information Technology University (Almaty, Kazakhstan)

¹kalima910@mail.ru, ²madina.almatytv@gmail.com, ³alibek557@gmail.com

Ссылка: Бегалинова К.К., Ашилова М.С., Бегалинов А.С. Суфизм сердца в учении Ходжа Ахмета Ясави и его влияние на формирование мировоззрения степей // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – С. 54-65.

Аннотация. В статье анализируется концепция «суфизма сердца» в учении Ходжи Ахмета Ясави. Раскрытие ее сущности, роли в формировании духовно-мировоззренческих основ кочевых обществ центральноазиатских степей выступает целью данной статьи. Реализация данной цели потребовала обращения особого внимания внутренним, духовно-этическим, мистическим аспектам ясавийского суфизма, в котором очищение сердца, искренность веры и нравственное самосовершенствование являются ключевыми принципами тариката – духовного пути. В основе тариката лежит учение о познании Бога, которое возможно через акл (разум), дарованный Богом человеку за правильное «соблюдение прав Аллаха». Это познание предполагает Любовь, зажжённую в сердце человека самим Аллахом в знак Его ответной Любви. В статье показывается, что понятию «сердца» как центрального духовного органа человека, через который осуществляется путь к Богу, в учении Ясави уделяется немаловажное значение. Именно через концепцию сердца суфизм Ясави выступает не абстрактной мистической доктриной, а практическим, духовно-этическим учением. В рамках исследования применяются общенаучные теоретико-методологические принципы, а также междисциплинарный, культурно-антропологический и другие подходы, благодаря которым суфизм Ясави рассматривается как фактор формирования ценностных установок степного общества. Результаты исследования концепции сердца в учении Ясави показали ее значимость в процессе исламизации тюркских степей и при формировании, развитии этических норм, социальной солидарности

и религиозной идентичности не только среди казахских, но и тюркских народов. Делается вывод о том, что «суфизм сердца» Ясави стал важным духовно-нравственным фактором, обеспечившим устойчивость и глубину исламского мировоззрения в условиях кочевой цивилизации.

Ключевые слова: суфизм, Ходжа Ахмед Ясави, суфизм сердца, тюркский ислам, духовная культура, очищение сердца, мировоззрение степей.

Введение

В условиях глобализации и цифровизации определённые ценностные трансформации претерпевает духовный опыт прошлого, в том числе и суфизм, который как особое направление ислама сыграл значительную роль в формировании религиозного сознания и культурного кода народов Центральной Азии. Они связывали с ним веру в неисчерпаемые человеческие возможности, устремлённость к высшему смыслу бытия – Богу, ведь суфизм предполагал главным способом бытия человека богопознание, которое в действительности оказывалось постижением внутреннего мира человека, содержащего в себе нечто вечное и сокровенное. В условиях степного пространства, где доминировали устные традиции, кочевой образ жизни, синкретическое мировосприятие, суфийская мысль нашла благодатную почву и приобрела уникальные формы, ориентированные на внутренний духовный опыт. В этом контексте учение Ходжи Ахмеда Ясави приобрело особую значимость, гармонично связав тюркскую духовность с исламским учением. На протяжении многих столетий оно не теряет своей актуальности, злободневности, поскольку в основе его лежит концепция «суфизма сердца», ключевыми положениями которого являются духовно-нравственное совершенствование человека, искренняя вера и личная ответственность перед Богом за совершенные деяния. Эти положения учения Ходжи Ахмеда Ясави были созвучны культуре степей, они оказывали непосредственное влияние на повседневную жизнедеятельность кочевников, на их образ жизни, социальные и этические нормы. И в наше беспокойное, неопределённое время обращение к наследию Ходжа Ахмеда Ясави актуально, поскольку обусловлена необходимостью осмысления духовных истоков мировоззрения наших предков и их устойчивости в условиях исторических трансформаций. В рамках данной статьи предпринимается попытка проанализировать содержание йасауийской духовной доктрины и определить ее влияние на становление ценностной системы и мировоззренческих ориентиров степного общества.

Теоретико-методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, объединяющий методы философии, религиоведения, культурологии, истории. Такой подход позволяет комплексно рассмотреть феномен «суфизма сердца» в учении Ходжи Ахмеда Ясави и проследить его влияние на формирование духовного и мировоззренческого пространства степных обществ Центральной Азии. Помимо этого, использовались герменевтический, культурно-антропологический, сравнительно-аналитический методы, а также теоретические положения суфизма, согласно которым сердце (*qalb*) рассматривается как центр духовного познания и нравственного самоочищения.

В качестве теоретической базы исследования послужили труды Ходжи Ахмеда Ясави, прежде всего «Диуани-е хикмет», а также монографические работы классиков суфизма М.Е. Массона, Е. Бертельс, А.И. Пылева, А. Бодролигети, О.Ф. Акимовской, М. Шекера и других. Следует отметить, что начиная с 90 годов прошлого столетия интенсифицировались исследования, посвященные истории и теории тюркского суфизма, в особенности изучению уникального творчества Кожы Ахмета Ясави. Активная роль в этом процессе принадлежит таким ученым, как Бодролигети [1], Девину Де Вис [2], Анне-Марие Шиммель [3] и другим. В исследованиях этих и других исследователей учение Ходжи Ахмеда Ясави анализируется не только как религиозная доктрина, но и как целостная система духовного воспитания, адаптированная к социокультурным условиям кочевой цивилизации, подчеркивается его близость к широким слоям населения благодаря обращению к ценностям тюркской и исламской культуры, использованию поэтических образов, символов, близких степной культуре.

Сердце как духовный центр в суфийской (ясавийской) традиции

Суфизм – это путь духовно-нравственного совершенствования человека на пути его к Богу. «То, чем мы стремимся к Аллаху, чтобы достигнуть его близости – так учит Он — это сердце, а не тело, под «сердцем» я разумею здесь не воспринимаемый внешними чувствами кусок мяса, а нечто от божественных таинств, чего нельзя постигнуть внешними чувствами», – писал ал-Газали в «Воскрешении наук о вере» [4]. Сокровенным центром человека, вместилищем божественного в нём, которое проникает вглубь, в суть, суфии считают сердце. Они говорят: то, что неподвластно разуму, а ему доступно то, что находится на поверхности; доступно сердцу. «Знай, что в человеке есть сгусток крови (мудга): если будет он в порядке – будет и все тело в порядке, – говорил пророк Мухаммад, – а если будет поврежден – то и все тело будет повреждено. Знай же, что это сердце!». Или (в другом месте): «Воистину, в теле есть кусочек плоти, — если он исправен, то все тело исправно, а если он испорчен, то все тело испорчено, и поистине это сердце» [5].

В суфийской символике сердце выступает одновременно и вместилищем божественного, и своеобразным органом мистического познания. Согласно знаменитому хадису, «Аллах заявил: «Не небеса и не земля, а лишь сердце моего верного слуги содержит Меня»; «Оно подобно зеркалу, в котором отражен свет божий, но, чтобы узреть в нем лик господень, его должно соответствующим образом отполировать».

В процессе исторического развития, начиная с VIII, заканчивая XV веками, в суфизме формировалась целая наука о сердцах и помыслах (илм'ал кулуб ва-л'хаватир), у истоков которого стояли ал-Хасан ал-Басри (642–728) и Раби'а аль-Адавийя (717–801), которые систематизировали учения ранних суфийских практик, акцентируя внимание на таких аспектах, как искренность, осознанность, т.е. состояние присутствия (худур), когда все действия и мысли

согласуются с духовным путем, искоренение духовных болезней через зикр, молитву, покаяние и самонаблюдение. «Сердце, лишённое страха и надежды на Бога, мертво», – говорил ал-Хасан ал-Басри. С именами Джунаида Багдади (830–910 гг.), Абу Хамида аль-Газали (1058–1111 гг.) и Ибн Араби (1165–1240 гг.) связывается апогей учения о сердце. Они, гармонично соединив суфийскую теорию и практику, разработали понятийно-категориальный аппарат науки о сердце, раскрыли духовные градации сердечной деятельности, описали внутренние болезни сердца, как гордость, зависть, уныние и т. д.

Немаловажную роль в становление науки о сердцах и помыслах внес и Ходжа Ахмед Ясави, разработав учение об очищении сердца (тахдис аль-кулуб), искоренении духовных пороков через зикр, молитву, покаяние, самонаблюдение. Центральной идеей Хикметов является духовно-нравственное совершенствование человека, искренняя вера и ответственность перед Богом за совершенные деяния. На основе учений Ходжа Ахмеда Ясави и других выдающихся представителей суфизма были в дальнейшем разработаны теории муракаба (наблюдение за мыслями и состояниями сердца), мухасаба (ежедневная духовная инвентаризация души), различные формы зикра (постоянного поминания Бога как метод очищения сердца), ступени восхождения сердца к Богу и др.

Учение о калб (сердце) в гносеологии суфизма тесно связано с теорией зикр, который суфии определяют как психофизический процесс соединения сердца с языком в призывании имени Бога и постижении божественной сущности. Следует заметить, что зикр признаётся исламом (порицаются лишь некоторые способы совершения зикра), слово «зикр» часто встречается в Коране. «О верующие, вспоминайте Аллаха частыми поминовениями и восхваляйте его рано утром и поздно вечером», – говорится в Коране [6].

Зикр обязательно должен совершаться суфием с «любовью в сердце» к Аллаху. Поэтому теоретики суфизма не меньшую роль в процессе богопознания отводили мистической любви и вере, которую в большинстве случаев выражали в образной аллегорической форме. К примеру, средневековый мистик М. Хавафи в трактате «Вечный сад» приводит следующую притчу: «Ночной бабочке сказали: «Ты знаешь, что от сближения со свечкой нет никакой пользы, ты просто крутишься вокруг неё?». Она ответила: «Из-за любви к ней я готова один раз в жизни вздохнуть и сгореть». Суфии любовь сводили исключительно к стремлению слиться с божественной Истиной. И в своём стремлении к Богу они доходили до безумия. Это и есть такой аспект любви, как сублимирование, т.е. погружение образа в сердце. Любовь исключает разум. «Если любовь оставляет у влюблённых место разуму, посредством которого он может размышлять о чем-то помимо возлюбленного, или же благоразумие, – говорит Ибн-Араби, – то это «не есть искренняя любовь. Это лишь самовнушение. Некто сказал: «Нет ничего хорошего в любви, которая управляется разумом...»» [7].

В суфийской научно-исследовательской литературе описывается семь ступеней восхождения Сердца «в путешествии любви к Богу»:

Первое восхождение Сердца – открытие сердца Бога к исламу и подчинению так, что он следует свету своего Господина.

Второе восхождение Сердца – «центр для сияния света мудрости и веры». Разум изгнан, ибо он не может состязаться с силой любви.

Третье восхождение Сердца – «место для света любви». Это состояние не знает слов, ибо состояние влюбленности требует другого уха и другого голоса. Раскрытие правды держат в секрете в святине его сердца.

Четвертая ступень Сердца – место для того, чтобы видеть; манифестация Друга. «Глухой он к мелодиям мира».

Пятая ступень Сердца – центр для манифестации любви Бога; единство сердца. Капля стала единым с морем.

Шестая ступень Сердца – основа сердца; свет Господнего знания. Растворение в Боге, слуга объединен Божественным Дыханием.

Седьмая ступень Сердца – тайна, центр для выражения света и тайны Бога, место вечного мира. Безупречность с тайными секретами, раскрытыми полностью. Не остается ни знака, ни имени [8].

Суфийские мыслители подчеркивали, что сердце так же таинственно, непроницаемо и непонятно, как и душа человека, его сознание. Сердце (калб) как орган познания «божественной тайны» (ас-сирр), как место «господнего присутствия» является основным предметом суфийской теории и практики. Именно в сердце, считают теоретики суфизма, скрыты все тайны Бога, ибо оно занимает положение между Алла́м-и-Амр и Ала́м-и-Халк – «это «промежуток» (барзакх) между ним и место встречи физических и духовных сил.

Через сердце, по мнению суфиев, осуществляется соприкосновение с вечной Истиной. И любой искатель Истины прежде всего должен найти путь к своему собственному сердцу. Не случайно аль-Бистами признавался, что когда-то он «заблуждался в четырёх вещах: я воображал, что избрал Бога, знаю Его, люблю Его и ищу Его, но оказалось, что выбор и знание Его при мне, любовь во мне и сердце Его я нашёл в своём» [9, с.58]. Ключевую роль в мистическом познании Бога играет религиозный опыт, личные, индивидуальные переживания божественного бытия. «Я искал, но не мог найти Тебя. Я громко звал Тебя, стоя на минарете. Я звонил в храмовый колокол с восходом и заходом Солнца. Я купался в водах Ганга, но все напрасно. Я вернулся из Каабы разочарованным. Я искал Тебя на земле, Я искал Тебя на небесах, мой Возлюбленный. И наконец я нашел Тебя, спрятанного, подобно жемчужине, в раковине моего Сердца», – говорил Инаят Хан [10]. В унисон сказанному звучат и слова Ходжа Ахмеда Ясави: «Если сердце не пробудилось – язык твой напрасно поминает Бога» или «Очисти сердце от всего, кроме Него, – и узришь свет Истины» [11]. Эти высказывания выдающихся представителей суфизма отражают центральную мысль не только исламской теософской, но и ясавийской традиции: сердце – это духовный центр человека, место Божественного присутствия и главный объект внутренней работы (тазкия).

Следует заметить, что центральноазиатский суфизм сформировался на пересечении исламского учения, тюркских верований и этических норм кочевого

общества. Доисламские представления Степи – культ предков, сакрализация природы, особое понимание чести и долга – не исчезли с приходом ислама, а были переосмыслены. Существенную лепту в этот процесс внес Ходжа Ахмед Ясави, создав такую модель суфийской духовности, в которой исламские ценности были гармонично вплетены в существующую систему мировоззрения кочевого народа, не входя в противоречие с исламским вероучением. Тем самым, ислам через интерпретацию Ходжи Ахмеда Ясави становился близким и доступным учением для кочевников. За короткий срок оно распространилось в центральноазиатских степях. Важную роль в популяризации суфизма сердца Ходжа Ахмеда Ясави сыграли поэтическая форма передачи знания, доступность изложения и, безусловно, немаловажным обстоятельством явилось то, что Хикметы были написаны на тюркском языке с использованием разнообразных форм выражения мыслей – символов, метафор, притч и т. д. Поэтому, произведения Ходжа Ахмеда Ясави – стихи, диваны, рисаля – были широко популярны среди местных жителей. Он выступал не только как духовный наставник, но и как мудрый государственный деятель. В своих духовных проповедях, стихах и трактатах он откликался на злободневность, когда чувствовал, что может сказать народу свое откровенное слово, передать свой опыт, поделиться своими мыслями, переживаниями.

Как справедливо отмечал О.Ф. Акимущкин: «Суфизм – это особое мистическое религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным, через посредство личного психологического опыта, непосредственное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством. Оно достигается путем экстаза и внутреннего озарения, ниспосланного человеку, идущему по пути к богу с любовью к нему в сердце» [12, с.3-13]. Безусловно, в сущностном отношении суфизм тяготеет к эмоциональной, иррациональной сфере, чем к интеллектуальной, рациональной, он проникает «в глубины истины, закрытого для трезвого рассудка», [13, с.3-13]. И это понятно, ведь сердцевиной его учения выступает любовь к Богу, бескорыстная, одержимая, самоотверженная; общение, приближение и слияние с Ним. Как говорил Дж. Нурбахш, суфизм – это «путь к Истине, единственное средство передвижения на котором – Любовь» [14, с.6]. На преодоление этого пути направлено все учение, духовная практика, психотехника суфизма. При этом, суфий должен «быть в мире, но не от мира». Он должен руководствоваться принципом: «Уединение в обществе, странствие на родине, внешне с людьми, внутренне с Богом» (Накшбанд). «Подняться к Богу – это значит войти в самих себя, более того, в глубину самих себя, – и себя же самих превзойти» [15, с.51]. Своим собственным примером суфий должен демонстрировать не только любовь к Богу, но и к миру, к другому человеку, являющихся творениями божьими. Суфий, как никто другой понимал, насколько взаимосвязан этот мир. У И.А. Ильина в «Книге тихих созерцаний» есть яркий проникновенный пример о портном, где он людей сравнивает с тканью: в ней каждая нитка сплеталась с другой, все они поддерживали друг друга. Если одна ниточка рвалась, то и кусок ткани

оказывался бракованным. Так и с людьми, говорил он – все мы – одна сплошная ткань, все друг другом держимся. «Если одному плохо, то и всем плохо, а люди этого не разумеют: глупы они, близоруки. Как и в хозяйстве. Бедный человек не одному себе беден, а всем. Нищий человек не у себя просит, а других тревожит... Где беда, там общая беда. И опять вся ткань испорчена, надо как можно скорее чинить ее... Все мы – нити в ткани Божией...» [16, с. 348–350]. И эти слова И.А. Ильина, автора концепции «поющего сердца» идут в унисон с учением Ходжа Ахмеда Ясави. «И все великое и гениальное, что было создано человеком, было создано из созерцающего и поющего сердца... Только созерцающая любовь открывает человеку его родину, т.е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле» [16, с. 234]. Учение Ходжа Ахмеда Ясави было создано его поющим, полным любви к соотечественникам, к людям сердцем, оно не носило догматического, чуждого миропониманию верованиям тюркских народов характера, было близко и понятно им, созвучно традиционным ценностям Степи.

Этическое измерение суфизма сердца

Главной целью учения Ходжа Ахмеда Ясави было совершенствование человека и его души. Он призывал к любви к Богу, которая выражается через уважение и заботу о природе и окружающем мире. Мыслитель подчеркивал, что истинный путь к духовному совершенству лежит через аскетизм и отказ от мирских благ. В своём «Диван-е хикмет» он пишет: «Испив чашу любви, стань жемчужиной; на пути аскетизма, сгорая, умри» [11].

В своих Хикметах Ходжа Ахмед Ясави остро критикует светскую власть, алчность богатых и ханжество религиозных деятелей — мулл и ишанов, заботящихся лишь о собственной выгоде, а не о благе народа. Он отмечал: «Глаза твои не насытятся при постоянном увеличении имущества». В «Диван-е хикмет» он образно описывает это:

Муфтий, мулла лишь себя ведь
Ловко умели прославить –
Белое чёрным представить...
Буду в аду, в пепле бед!
Казий чванливым был самым
В спеси он спорил с имамом
Каждый ослом был упрямым –
Пали под кладью, и – нет.
Жирно кто ел и нечисто,
Кто одевался цветисто,
С трона хвалил за убийство,
Прах он – и прахом одет! [11].

По мнению Ходжа Ахмеда Ясави, суфий, стремящийся к мирским благам, не может называться настоящим суфием. Истинный суфий переносит страдания и горести с молитвой и покорностью. «Мудрость – это средство борьбы с

собственными страстями», – утверждает он. Учение Ясави нацелено на усвоение общечеловеческих ценностей: простоты, милосердия, взаимного уважения, правдивости и справедливости, одновременно обличая пороки человека. Он учит, что материальный мир преходящ и иллюзорен, и земные богатства не сопровождают человека в загробной жизни. Истинного совершенства достигает тот, кто способен отказаться от удовольствий и переносить лишения ради духовного роста.

Путь нравственного совершенства, по Ясави, изложен в Хикметах и представляет собой мистическое познание Бога – тарикат. Этот путь включает четыре ступени: шаригат, маарифат, тарикат и хакикат, каждая из которых разделена на десять стоянок. Стоянки символизируют экстатические состояния, через которые проходит продвинутый суфий. В Хикметах он пишет: «Кожа Ахмет, следуя шариату, вступи на путь тариката и хакиката. В маарифате, достигнув состояния фана, стань прахом. Я вошёл в стоянку «фана-фи-л-лях»» [11, с.148]. Достигший такого состояния начинает возвышаться над материальным миром, обретает духовное блаженство и постигает трансцендентное бытие – высшую цель суфийского учения о сердце.

Ходжа Ахмед Ясави считал, что каждый человек должен стремиться соединиться с Богом и стать богочеловеком – это и есть конечная цель познания Бога. Суфий, желающий приблизиться к Богу, должен развивать морально-этические качества, которые делают его достойным божественного постижения: человеколюбие, великодушие, мудрость, справедливость, честность и доброту. В учении Ясави нравственные добродетели и суфизм сердца неразрывно связаны. Чистота сердца проявляется в сострадании, терпении, справедливости и любви к людям. Любовь к Богу является движущей силой духовного пути, через которую человек учится любить мир, преодолевая эгоизм и гордыню.

Взгляд Ходжа Ахмеда Ясави на жизнь и смерть имеет религиозно-мистический характер. Земная жизнь рассматривается как временное «обиталище», преддверие вечной загробной жизни. Она полна материальных соблазнов и утех, но предназначена для осознания истинной ценности потустороннего мира. Физическая смерть, по Ясави, является освобождением от земных уз и приобщением к божественному. Однако мыслитель не призывает к уходу из жизни, наоборот, он советует любить жизнь и «умереть прежде, чем придёт смерть», что означает достичь духовного совершенства здесь, на Земле.

Древние мыслители учили, что Сущее должно быть вписано не в камень, а в сердце человека. Следуя этому завету, Ходжа Ахмед Ясави утверждает, что Бог находится в сердце каждого, и найти путь к Нему – главная задача человека.

Заключение

Учение Ходжа Ахмеда Ясави о «суфизме сердца» стало уникальным духовным феноменом, сумевшим органично соединить универсальные ценности исламского мистицизма с ментальностью кочевых обществ Центральной Азии. В центре этой доктрины находился не абстрактный богословский дискурс,

а внутренняя трансформация личности, основанная на очищении сердца, нравственной ответственности и живом переживании веры. Именно такая направленность позволила учению Ясави выйти за рамки элитарных суфийских кругов и стать доступным широким слоям степного населения. Влияние «суфизма сердца» проявилось в формировании особого типа мировоззрения, где религиозные нормы переплетались с традиционными представлениями о чести, справедливости, уважении к старшим и коллективной солидарности. Таким образом, суфийская этика стала не внешним заимствованием, а внутренне принятой системой ценностей. В этом контексте наследие Ясави сохраняет актуальность и сегодня, оставаясь важным источником понимания духовных процессов, сформировавших мировоззрение степей.

Список литература

- 1 Andras I.E. Bodrogligeti. Yasayi ideologi in Muhammad Shaybanikhaus vision of an usbek islamic Empire.- Harvard Universiti: 1974.
- 2 Devin De Weese. Islamisation and native relegion in the golden Horde. Baba Tukles and Conversion to islam in Historical and Epis Tradition.- Pensilvania State Universiti: 1994.
- 3 Schimmel A. Mistycal Dimensions of islam.-Champel Hill, North Carolina: 1975.
- 4 Газали Абу Хамид. Воскрешение наук о вере – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. – 376 с.
- 5 Имам аль-Бухари. Сахих аль-Бухари (Hadith #52 в начале Книги о торговле). – Москва, 2002.
- 6 Коран. Перевод Г.С. Саблукова, 1907. – 33:41–42.
- 7 Ибн ал-Араби. Мекканские откровения (ал-Футухат ал-маккийя). СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995. – 288 с.
- 8 Суфизм: Путь сердца в восхождении к истине. Электронный ресурс:// <https://yujanka.kz/sufizm-put-serdtsa-v-voshozhdenii-k-istine/> Дата обращения: 10.02.2026
- 9 Казанский К. Суфизм с точки зрения современной психопатологии. – Самарканд: типография «Труд», 1905. – 150 с.
- 10 Хазрат Инайят Хан. Гайян. // Электронный ресурс. URL.: http://www.futura.ru/hazrat/007_08_000.htm0.- Дата обращения: 05.01 2026. (in Russ)
- 11 Ходжа Ахмет Ясави. Дивани хикмет (Книга мудрости). Алматы: Научно-исследовательский и издательский центр «Мураттас». 1993. — 262 с.
- 12 Акимушкин О.Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем // В кн. Тримингэм С. Суфийские ордены в исламе [Sufi Orders in Islam]. – М., Наука. 1989. – С. 3-13.
- 13 Вильям Джеймс. Многообразие религиозного опыта. СПб, 1993.
- 14 Нурбахш Дж. Рай суфиев (Пер. с англ. Л.Л. Тираспольского). – М., 1998.
- 15 Мень А.В. История религии. – М., 1991. – Т.1, с.51.
- 16 Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний// Ильин И. А. Собр. соч. в десяти томах. Т.3. М.: 1994.

Transliteration

- 1 Andras I.E. Bodrogligeti. Yasayi Ideology in Muhammad Shaybanikhan's Vision of an Uzbek Islamic Empire. – Harvard University, 1974.

- 2 Devin DeWeese. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. – Pennsylvania State University, 1994.
- 3 Annemarie Schimmel. Mystical Dimensions of Islam. – Chapel Hill, North Carolina, 1975.
- 4 Abu Hamid al-Ghazali. Voskresheniye nauk o vere [The Revival of the Religious Sciences]. – Moscow: Nauka, Main Editorial Office of Eastern Literature, 1980. – 376 p. (in Russ)
- 5 Sahih al-Bukhari [Sahih al-Bukhari] (Hadith No. 52 at the beginning of the Book of Sales). – Moscow, 2002. (in Russ)
- 6 Quran [The Qur'an]. Perevod G.S. Sablukov, 1907. – 33:41–42. (in Russ)
- 7 Ibn al-‘Arabi. Mekkanskiye otkroveniye (al-Futuh al-Makkiyya) [Meccan Revelations]. – St. Petersburg: Center “Peterburgskoye Vostokovedeniye,” 1995. – 288 p. (in Russ)
- 8 Sufizm: Put' serdtsa v voskhozhdenii k istine [The Path of the Heart in the Ascent to Truth]. Electronic resource: <https://yujanka.kz/sufizm-put-serdtsa-v-voshozhdenii-k-istine/> (Accessed: 10.02.2026). (in Russ)
- 9 Kazanskiy K. Sufizm s tochki zreniya sovremennoy psikhopatologii [Sufism from the Perspective of Modern Psychopathology]. – Samarkand: Printing House “Trud,” 1905. — 150 p. (in Russ)
- 10 Hazrat Inayat Khan. Gayan [Gayan]. Electronic resource: http://www.futura.ru/hazrat/007_08_000.htm. (in Russ)
- 11 Khoja Ahmed Yasawi. Divani Hikmet (Kniga mudrosti) [Divan of Wisdom]. – Almaty: Research and Publishing Center “Murattas,” 1993. – 262 p. (in Russ)
- 12 Akimushkin O.F. Sufiyskiye bratstva: slozhnyy uzel problem [Sufi Brotherhoods: A Complex Knot of Issues] // In: Trimmingham J. Spencer. Sufi Orders in Islam. — Moscow: Nauka, 1989. – pp. 3–13. (in Russ)
- 13 William James. Mnogoobrazniye religioznogo opyta [The Diversity of Religious Experience]. – St. Petersburg, 1993. (in Russ)
- 14 Javad Nurbakhsh. Ray sufiev [The Paradise of the Sufis]. Translated from English by L.L. Tiraspolsky. – Moscow, 1998. (in Russ)
- 15 Alexander Men. Istoriya religii [History of Religion]. – Moscow, 1991. – Vol. 1, p. 51. (in Russ)
- 16 Ivan Ilyin. Poyushcheye serdtse. Kniga tikhikh sozertsaniy [The Singing Heart: A Book of Quiet Contemplations] // Ilyin I.A. Collected Works in Ten Volumes. Vol. 3. – Moscow, 1994. (in Russ)

Бегалинова К. К., Ашилова М. С., Бегалинов А. С.

Жүрек суфизмі Ходжа Ахмет Ясауи ілімінде және оның дала дүниетанымының қалыптасуына әсері

Аннотация. Мақалада Ходжа Ахмет Ясауи ілімі аясында «жүрек суфизмі» тұжырымдамасы талданады. Оның мәнін ашу, Орталық Азия даласындағы көшпелі қоғамдардың рухани-элементарлық негіздерін қалыптастырудағы рөлін көрсету – осы мақала мақсаты болып табылады. Аталған мақсатқа қол жеткізу үшін Ясауи суфизмінің ішкі, рухани-этикалық, мистикалық қырларына ерекше көңіл бөлу қажет болды, мұнда

жүректі тазарту, иманның шыншылдығы және моральдық өзін-өзі жетілдіру – тариқаттың (рухани жолдың) негізгі қағидалары болып саналады. Тариқат негізінде Алланы тану ілімі жатыр, бұл тану адамға дұрыс «Алланың құқықтарын орындауы» үшін Алла тарапынан берілген ақыл (сана) арқылы мүмкін болады. Бұл тану жүректе Алланың өз махаббатының белгісі ретінде оятылған Махаббатты қажет етеді. Мақалада Ясауи іліміне сәйкес, адам жүрегін Құдайға жетелейтін орталық рухани орган ретінде қарастыратын тұжырымға айтарлықтай мән берілгені көрсетіледі. Дәл осы жүрек тұжырымдамасы арқылы Ясауи суфизмі абстрактілі мистикалық доктрина емес, практикалық, рухани-этикалық ілім ретінде көрінеді. Зерттеу аясында жалпығылыми теориялық-әдіснамалық принциптер, сондай-ақ интердисциплинарлық, мәдени-антропологиялық және басқа да тәсілдер қолданылады, бұл Ясауи суфизмін дала қоғамының құндылықтық бағдарларын қалыптастыру факторы ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Ясауи іліміндегі жүрек тұжырымдамасын зерттеу нәтижелері оның түркі далаларының исламдану процесінде және этикалық нормаларды, әлеуметтік бірлікті, діни идентичтілікті қалыптастыру мен дамытуда, тек қазақстандық емес, сонымен бірге басқа түркі халықтары арасында да маңыздылығын көрсетті. Қорытынды ретінде, Ясауи «жүрек суфизмі» көшпелі өркениет жағдайында исламдық дүниетанымның тұрақтылығы мен тереңдігін қамтамасыз еткен маңызды рухани-моральдық факторға айналғаны айтылады.

Түйін сөздер: суфизм, Ходжа Ахмет Ясауи, жүрек суфизмі, түркі исламдары, рухани мәдениет, жүректі тазалау, даланың дүниетанымы.

Begalinova K.K., Ashilova M.S., Begalinov A.S.

The Sufism of the Heart in the Teachings of Khoja Akhmet Yassawi and Its Influence on the Formation of the Steppe Worldview

Abstract. This article analyzes the concept of “heart Sufism” in the teachings of Khoja Ahmed Yasawi. The aim of the study is to reveal its essence and role in shaping the spiritual and worldview foundations of the nomadic societies of the Central Asian steppes. Achieving this goal required particular attention to the inner, spiritual-ethical, and mystical aspects of Yasawi Sufism, in which the purification of the heart, sincerity of faith, and moral self-perfection are key principles of the *tariqat* the spiritual path. At the core of the *tariqat* lies the teaching on the knowledge of God, attainable through ‘*aql* (reason) granted by God to humans for the proper “observance of Allah’s rights.” This knowledge presupposes Love, kindled in the human heart by Allah Himself as a sign of His reciprocated Love.

The article demonstrates that in Yasawi’s teachings, the concept of the “heart” as the central spiritual organ of a human being, through which the path to God is realized, holds significant importance. Through the concept of the heart, Yasawi’s Sufism is presented not as an abstract mystical doctrine but as a practical, spiritually-ethical teaching. The study applies general scientific theoretical-methodological principles, as well as interdisciplinary, cultural-anthropological, and other approaches, through which Yasawi Sufism is examined as a factor in shaping the value orientations of steppe society. The results of the study on the concept of the heart in Yasawi’s teachings demonstrate its significance in the process of Islamization of the Turkic steppes and in the formation and development of ethical norms, social solidarity, and religious identity, not only among Kazakh but also other Turkic peoples. The article concludes that Yasawi’s “heart Sufism” became an important spiritual-ethical factor that ensured the stability and depth of Islamic worldview within the context of nomadic civilization.

Keywords: Sufism, Khoja Ahmed Yasawi, heart Sufism, Turkic Islam, spiritual culture, purification of the heart, steppe worldview.

Финансирование. Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках выполнения научно-исследовательского гранта на тему: «Путь Ясави: комплексные исследования религиозно-философского, литературного и лингвистического наследия традиционного суфизма в Казахстане».

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в написание и подготовку статьи к публикации.

Поступила: 15.03.2026

Принята: 14.05.2026

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ

¹Г. Т. Кульжанова, ²Ж.Т. Кульжанова*

¹Костанайская академия МВД РК имени Шпракбека Кабылбаева (Костанай, Казахстан)

²Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина
(Астана, Казахстан)

¹gulbaram2012@mail.ru, ²zhuldizay_68@mail.ru

¹G. Kulzhanova, ²Zh. Kulzhanova

¹Sh. Kabylbayev Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of
Kazakhstan (Kostanay, Kazakhstan)

²S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Kazakhstan)

¹gulbaram2012@mail.ru, ²zhuldizay_68@mail.ru

Ссылка: Кульжанова Г.Т., Кульжанова Ж.Т. Человеческий потенциал в цифровом обществе знания: проблема субъектности // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – С. 66-79.

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому осмыслению человеческого потенциала в цифровом обществе знания, где особую актуальность приобретает проблема субъектности личности. Рассматриваются изменения, происходящие в условиях цифровизации общественной жизни, связанные с трансформацией способов коммуникации, производства знаний и форм человеческого самоосуществления. Расширение цифровой среды изменяет не только механизмы взаимодействия с информационной реальностью, но и процессы формирования идентичности, ценностных ориентиров и представлений человека о собственном месте в социуме. Разграничиваются понятия информационного общества и общества знания, что позволяет раскрыть специфику современных процессов социальной трансформации. Подчеркивается, что на современном этапе особое значение приобретает не только доступ к информации, но и способность к её критическому осмыслению, интерпретации и ответственному использованию. Анализируются основные философские подходы к пониманию человеческого потенциала, исследуются особенности влияния цифровой среды на социальные практики и формы самоопределения личности. Особое внимание уделяется противоречивым последствиям цифровизации, связанным, с одной стороны, с расширением возможностей самореализации и доступа к когнитивным ресурсам, а с другой - с рисками фрагментации сознания, ослабления рефлексивности, зависимости от алгоритмов отбора информации и утраты ценностных оснований. Обосновывается авторская позиция, согласно которой субъектность выступает необходимым условием сохранения и развития человеческого потенциала,

* Автор-корреспондент: Ж.Т. Кульжанова, zhuldizay_68@mail.ru

обеспечивая способность человека к самостоятельному мышлению, критическому восприятию информации и осознанному социальному действию.

Ключевые слова: человеческий потенциал; субъектность; общество знания; цифровизация; цифровая идентичность; рефлексивность; самоконструирование личности.

Введение

Переход к цифровому обществу знания изменяет способы создания и распространения информации, затрагивая положение человека и формы его существования в современной социальной реальности. Цифровые технологии перестают быть исключительно инструментами и постепенно превращаются в среду формирования новых моделей коммуникации, способов восприятия мира и самоопределения личности. Человек одновременно включён в физическое и цифровое пространство, что усиливает подвижность идентичностей и делает процесс самоопределения более динамичным.

В свете происходящих преобразований проблема человеческого потенциала всё отчётливее проявляется в поле социально-философского анализа. Человеческий потенциал значительно шире профессиональных компетенций, интеллектуальных ресурсов или способности человека к инновационной деятельности. Под воздействием технологических изменений трансформируются повседневные формы человеческого существования и способность человека к глубокой рефлексии. Подобные изменения усиливают риск фрагментарного восприятия действительности, затрудняя самостоятельное осмысление человеком общественных изменений.

Формирование цифровой среды сопровождается противоречивой тенденцией: расширение возможностей коммуникации и самовыражения усиливает зависимость личности от цифровых платформ, алгоритмов и механизмов виртуального социального признания. В этих условиях проблема субъектности всё теснее связывается с внутренним самоопределением личности, сохранением собственной идентичности и способностью человека противостоять интенсивным цифровым воздействиям.

Для Казахстана исследуемая проблематика связана с особыми вызовами, поскольку процессы цифровой модернизации сопровождаются необходимостью сохранения культурной преемственности и духовных ориентиров общественного развития. Актуальность обозначенных вопросов усиливается в условиях ускоряющейся цифровой трансформации общества. В Послании народу Казахстана Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев подчёркивает, что стремительное развитие искусственного интеллекта становится фактором изменения мировоззрения и поведения людей, требуя готовности общества к происходящим изменениям [1]. В этой связи обращение к казахской философской традиции представляется особенно значимым. Так, Абай связывает развитие личности с нравственным совершенствованием, стремлением к знанию и ответственностью перед обществом [2, с. 180]. Аль-Фараби рассматривает

познание и добродетель как основу гармоничного развития личности и общества [3, с. 298]. В казахской философской мысли человек осмысливается как носитель духовного начала, а духовность выступает важным основанием культурной самобытности в условиях усиливающейся цифровизации.

Несмотря на возрастающий интерес к проблемам цифровизации, общества знания и трансформации человеческой субъектности, большинство современных исследований сосредоточено преимущественно на технологических, социологических или психологических аспектах цифровых изменений. Социально-философское осмысление человеческого потенциала в условиях цифрового общества знания, особенно в аспекте взаимосвязи субъектности, процессовсамоопределенияличности ирисковцифровойфрагментации сознания, остаётся недостаточно разработанным. Авторская позиция основывается на понимании субъектности как необходимого условия сохранения человеческого потенциала в условиях усиливающегося цифрового воздействия, при этом субъектность трактуется шире индивидуального свойства личности. Новизна исследования определяется раскрытием взаимосвязи человеческого потенциала и субъектности через призму трансформации цифровой социальной реальности, а также обращением к возможностям казахской философской традиции для осмысления современных процессов цифровизации.

Методология исследования

Методологическая основа исследования формируется посредством сочетания историко-философского, компаративного, аксиологического и социально-философского подходов, позволяющих раскрыть трансформацию представлений о человеческом потенциале и субъектности в цифровом обществе знания. Историко-философский подход применяется для анализа эволюции представлений о человеке, его способности к самоопределению и роли знания в общественном развитии. Компаративный подход позволяет сопоставить трактовки субъектности, человеческого потенциала, информационного общества и общества знания в различных философских концепциях. Аксиологический подход используется для выявления изменений ценностных оснований человеческого существования под воздействием цифровизации. Осмысление влияния цифровизации, алгоритмизации информационного пространства и виртуализации коммуникации на процессы самоконструирования личности осуществляется с использованием элементов социально-философского дискурса-анализа, позволяющего выявить особенности трансформации субъектности в современной социальной реальности.

Социально-философское осмысление человеческого потенциала

Интерес к проблеме человеческого потенциала возрастает в период глубоких технологических и социокультурных преобразований, меняющих

представления о человеке, его возможностях и способах участия в общественной жизни. Влияние знания и цифровых технологий постепенно изменяет понимание человеческого развития, усиливая значение самостоятельного мышления, способности к критическому восприятию действительности и ответственному выбору. В социально-философском измерении человеческий потенциал раскрывается значительно шире совокупности профессиональных навыков или образовательных характеристик. Особую значимость приобретают интеллектуальные, культурные и духовно-нравственные ресурсы личности, раскрывающиеся в процессе её взаимодействия с обществом и окружающим миром. Способность человека понимать собственный опыт, осуществлять нравственный выбор и раскрывать личностные возможности становится важным условием его развития.

Проблема человека и границ его существования сохраняла значимость в философской мысли различных исторических эпох. Античная философия связывала человека с разумом, стремлением к познанию и нравственной ответственностью. Уже в эпоху Древней Греции человек рассматривается как носитель разума и нравственного начала. Аристотель, характеризуя человека как *zoon politikon*, связывает его развитие с участием в жизни общества и формированием добродетелей [4, с. 12–15]. Философская мысль Нового времени постепенно утверждает понимание человека как самостоятельного субъекта познания, способного рационально объяснять и преобразовывать окружающий мир. Развитию философских взглядов на человека оказывала влияние и традиция немецкого идеализма, акцентировавшая значение мышления, исторической активности личности и её участия в преобразовании мира.

В современной научной литературе понятие человеческого потенциала исследуется в философии, социологии, психологии и педагогике. Однако именно в социально-философском подходе человеческий потенциал понимается как целостное явление, объединяющее интеллектуальные, культурные, духовно-нравственные и коммуникативные характеристики личности, раскрывающиеся во взаимодействии с обществом и изменяющейся социальной реальностью. Особого внимания заслуживают идеи А. Сен, согласно которым развитие человека связано с реализацией личностного потенциала, свободой выбора и участием в общественной жизни [5, с. 36–40].

В модернизированном обществе человеческий потенциал становится одним из определяющих факторов общественного развития. Развитие цифровых технологий, сетевых коммуникаций и информационного пространства изменяет формы человеческой деятельности и способы взаимодействия человека с социумом. В обществе знания знание становится значимым условием профессиональной реализации, а также фактором формирования мировоззрения, социальной активности и способности личности к саморазвитию. Непрерывное информационное воздействие показывает, насколько значимым для человека становится умение сохранять самостоятельность, поддерживать целостность восприятия и интерпретировать происходящие технологические изменения.

Цифровая реальность одновременно открывает новые формы самореализации личности и усиливает риски рассеивания личностной целостности человека. В частности, виртуализация коммуникации, высокая скорость информационного обмена и алгоритмизация социальных процессов изменяют способы восприятия человеком самого себя и окружающей действительности. Человеческий потенциал оказывается связанным с интеллектуальным развитием личности, её автономией, ценностной устойчивостью и рефлексивным отношением к происходящему. Цифровая реальность активнее вмешивается в процессы человеческого взаимодействия, в механизмы самоосмысления личности, влияя на восприятие человеком собственной идентичности и своего положения в социальной среде. Постоянное взаимодействие с информационными потоками, виртуальными платформами и цифровыми технологиями формирует новые модели поведения и самоконструирования личности. В подобных процессах значимой становится способность человека сохранять самостоятельность, критически воспринимать информационное воздействие и поддерживать целостность сознания. Именно поэтому проблема человеческого потенциала рассматривается в тесной связи с вопросом субъектности личности в цифровом обществе знания.

Таким образом, человеческий потенциал не сводится исключительно к совокупности знаний, профессиональных навыков или интеллектуальных ресурсов. Представленные подходы раскрывают человеческий потенциал как целостную систему интеллектуальных, культурных и духовно-нравственных возможностей личности, включающую способности к творчеству, нравственному выбору, самоконструированию и ответственному участию в общественной жизни. Авторское понимание человеческого потенциала связано с интеллектуальными, профессиональными, культурными, коммуникативными и духовно-нравственными основаниями человеческого существования в меняющемся общественном пространстве. Информационное и технологическое воздействие показывает: утрата самостоятельности, критического восприятия и способности сохранять целостность сознания ослабляет основания человеческой субъектности. Проблема субъектности становится особенно значимой в современном социально-философском дискурсе.

Субъектность личности в цифровом обществе знания

Цифровизация общественной жизни делает проблему субъектности человека особенно значимой, затрагивая способы самоопределения личности и восприятия собственной роли в социуме. В философской традиции субъектность понимается как способность личности к самостоятельному мышлению, осознанному выбору, рефлексии и активному участию в общественной жизни. Изучаемая категория отражает способность человека к самостоятельному выбору, сознательной деятельности, формированию ценностных ориентиров и определению направления личностного развития.

Философское понимание субъектности формировалось в различные исторические периоды. Классическая философия связывает проблему субъекта с вопросами сознания, свободы и познания. В философской традиции немецкого идеализма человек связывается со способностью к мышлению и активным участием в преобразовании общественной и исторической жизни. В дальнейшем философская мысль сосредотачивается на личности, её самоопределении и взаимодействии с социальной средой.

В XX веке изменение общественных отношений, развитие массовой культуры и усложнение коммуникационных процессов способствуют новому осмыслению феномена субъектности. Так, М. Хайдеггер исследует человека через призму «бытия-в-мире», подчёркивая взаимосвязь личности с исторической и культурной реальностью [6, с. 118–125]. По мнению немецкого философа Ю. Хабермаса, субъектность связана с коммуникативным действием и способностью человека участвовать в рациональном общественном диалоге [7, с. 110–115]. З. Бауман рассматривает «текущую современность» как состояние нестабильности социальных связей и непрерывной изменчивости форм человеческого самоопределения [8, с. 7–9].

Поэтому в цифровом обществе знания проблема субъектности становится особенно значимой. Современное развитие сетевых коммуникаций, виртуального пространства и цифровых платформ изменяет формы взаимодействия человека с обществом, знаниями и информацией. Личность оказывается включённой одновременно в несколько социальных и цифровых пространств, что расширяет возможности коммуникации и самореализации, но одновременно усиливает риски фрагментации внутреннего мира человека. Постоянное присутствие в информационной среде требует от личности способности ориентироваться в больших объёмах информации, критически воспринимать цифровой контент и сохранять самостоятельность мышления.

Развитие цифровых коммуникаций и социальных сетей сопровождается трансформацией субъектности. Виртуальное пространство становится средой, в которой человек формирует собственный образ, а самопрезентация превращается в часть социальной коммуникации. Это приводит к формированию множественных цифровых идентификаций, при которых личность вынуждена сочетать различные социальные роли и модели поведения. Наряду с расширением возможностей самовыражения усиливается зависимость человека от внешнего одобрения, информационных потоков и алгоритмически формируемой цифровой среды.

В современной социальной философии значительное внимание проблеме самоконструирования личности уделяет английский социолог Э. Гидденс, согласно которому личность представляет собой «рефлексивный проект», складывающийся в процессе постоянного самоосмысления и социального взаимодействия [9, с. 153–164]. В цифровом обществе знания процесс самоконструирования личности заметно ускоряется: человек вынужден непрерывно адаптироваться к изменяющимся информационным потокам,

цифровым коммуникациям и виртуальным формам самопрезентации. В цифровой среде человек оказывается вовлечённым в новые механизмы самоконструирования личности. Если ранее процесс формирования субъектности происходил преимущественно через непосредственное социальное взаимодействие, культурные традиции и устойчивые формы общественной коммуникации, то современный человек выстраивает представление о себе через цифровое пространство. Социальные сети, виртуальные платформы и цифровые коммуникации выступают средством передачи информации и одновременно пространством формирования личностных смыслов, ценностей и моделей поведения. Постепенно субъектность определяется рефлексией человека и особенностями его существования в цифровой среде.

Алгоритмизация социальной реальности становится значимым фактором трансформации субъектности. Так, цифровые платформы участвуют в формировании информационного пространства человека, определяя содержание коммуникации, характер потребляемой информации и формы социального взаимодействия. Более того, алгоритмизация цифрового пространства постепенно усиливает риск утраты человеком самостоятельности мышления, поскольку логика цифровых систем начинает определять восприятие информации и характер коммуникации. Возникает противоречие между расширением технологического потенциала человека и сохранением способности к самостоятельному мышлению и самоопределению.

Осмыслению субъектности в цифровом обществе знания способствуют идеи М. Кастельса, рассматривавшего современное общество как сетевую структуру, в которой производство и распространение информации приобретают определяющее значение для социального развития [10, с. 35–40]. В рассматриваемой реальности субъектность личности связывается со способностью человека самостоятельно интерпретировать информационные потоки, формировать собственную систему ценностей и сохранять внутреннюю автономию в пространстве цифровых коммуникаций.

Цифровизация оказывает противоречивое влияние на развитие субъектности личности. С одной стороны, цифровые технологии расширяют доступ к знаниям, коммуникации и возможностям самореализации. С другой стороны, высокая скорость информационного обмена, виртуализация общения и алгоритмизация социальных процессов могут приводить к снижению глубины рефлексии, поверхностному восприятию информации и зависимости человека от цифровой среды. Феномен субъектности перестаёт восприниматься как заданное свойство личности и раскрывается через процесс непрерывного самоопределения и сохранения личностной целостности.

Таким образом, трансформация цифрового пространства постепенно актуализирует проблему субъектности, затрагивающую фундаментальные вопросы существования человека в современном социуме. Цифровая реальность изменяет способы взаимодействия человека с обществом, знаниями и самим собой, усиливая значение самостоятельного мышления, рефлексии и способности

личности к ответственному выбору. Субъектность постепенно превращается в условие сохранения самостоятельности человека, его личностной целостности и раскрытия человеческого потенциала.

Цифровая реальность и трансформация субъектности

Расширение цифрового пространства изменяет формы социальной коммуникации, восприятие человеком собственной идентичности и представления о своём положении в современном обществе. Формирование субъектности ранее опиралось преимущественно на непосредственное участие человека в культурной, социальной и профессиональной жизни, тогда как сегодня значительная часть человеческого опыта формируется в цифровом пространстве. Цифровая среда постепенно перестаёт восприниматься исключительно как технический инструмент, превращаясь в пространство человеческих смыслов, моделей поведения и способов самоосмысления. Человеческое существование в современном мире осуществляется в социальном, информационном и цифровом измерениях. Расширение цифровых пространств способствует развитию коммуникации и самореализации, одновременно усложняя сохранение внутреннего единства личности. Цифровая среда требует от человека постоянного присутствия в информационном пространстве, непрерывного поддержания коммуникации и формирования собственного цифрового образа. Субъектность проявляется как непрерывный процесс самоконструирования и адаптации к изменяющимся информационным потокам, утрачивая характер устойчивого основания личности.

Особое влияние цифровая среда оказывает на формы самоосмысления человека. Социальные сети и виртуальные платформы формируют пространство постоянной самопрезентации, где личность оказывается включённой в систему непрерывного цифрового взаимодействия. Это проявляется, например, в практике цифровой самопрезентации в социальных сетях, где формирование образа личности связано с демонстрацией социально одобряемых моделей поведения, успешности и публичной идентичности. Цифровой образ постепенно становится частью социальной идентификации человека, влияя на восприятие собственной значимости, успешности и общественного признания. Возникает противоречие между стремлением личности к самовыражению и зависимостью от внешней цифровой оценки. Субъектность определяется характером включённости личности в цифровую коммуникацию и степенью зависимости от реакций виртуального пространства.

Идеи Э. Фромма, противопоставлявшего модусы «иметь» и «быть», позволяют глубже осмыслить противоречия цифровой реальности. Философ связывает подлинное развитие личности со способностью человека к самопознанию и осмысленному существованию [11, с. 45–50]. В цифровой реальности это противоречие проявляется особенно остро: виртуальная среда формирует ориентацию человека на внешнюю демонстрацию успешности и

зависимость от цифрового одобрения. Алгоритмизация социальной реальности становится важным фактором трансформации субъектности. Современные цифровые платформы целенаправленно обеспечивают доступ к информации и определяют характер её восприятия. Так, алгоритмическая фильтрация контента в цифровых сервисах и социальных сетях влияет на формирование информационной повестки пользователя, определяя круг воспринимаемых мнений и способы интерпретации происходящих событий. Алгоритмы определяют организацию информационных потоков, коммуникативных практик и форм взаимодействия человека с цифровой средой. Возникает парадоксальная ситуация: цифровые технологии значительно расширяют доступ человека к знаниям, однако усложняют сохранение внутреннего единства личности. Человек сохраняет возможность свободного выбора, однако цифровые механизмы отбора информации начинают задавать структуру этого выбора. Особое значение для осмысления трансформации субъектности имеют идеи французского философа Б. Латура, согласно которым природа социальной реальности формируется как сеть взаимодействий между человеческими и нечеловеческими акторами. В рамках акторно-сетевой теории технологии перестают восприниматься исключительно как инструменты деятельности человека и начинают выступать активными участниками формирования социальных процессов [12, с. 64–89]. В этой логике цифровые платформы, алгоритмы и информационные системы рассматриваются как участники процессов, оказывающих воздействие на человеческое поведение, восприятие действительности и формирование субъектности.

Философское осмысление цифровой реальности обращено к противоречивому характеру технологического развития. С одной стороны, цифровизация расширяет доступ к знаниям, коммуникации и формам самореализации личности. Человек получает возможность участвовать в глобальном информационном пространстве, осваивать новые знания и выстраивать различные формы социального взаимодействия. С другой стороны, возрастающая зависимость от цифровых технологий сопровождается ослаблением глубины рефлексии, поверхностным восприятием информации и ограничением способности человека критически воспринимать социальную реальность.

В философском осмыслении цифровой реальности заметную роль играют идеи Ж. Бодрийяра, анализировавшего современное общество через категории симуляции и гиперреальности. По мнению философа, человек взаимодействует не с самой реальностью, а с её цифровыми и символическими образами, создаваемыми информационной средой. В подобных условиях виртуальные события, медиальные образы и цифровые репрезентации нередко начинают восприниматься как более значимые, чем непосредственный социальный опыт. Различия между реальным и виртуальным пространством постепенно утрачивают чёткость, а цифровые конструкции приобретают статус самостоятельной формы социальной действительности. Происходящие изменения затрагивают способы коммуникации и механизмы формирования субъектности личности [13, с. 20–23].

Значительный интерес для осмысления цифровой субъектности представляют идеи французского философа М. Фуко, рассматривавшего механизмы власти через формы социального контроля и дисциплинарные практики [13, с. 240–248]. В цифровом обществе контроль осуществляется посредством информационных технологий, платформенных систем и механизмов обработки данных. Человек оказывается включённым в пространство постоянной цифровой наблюдаемости, где его действия, интересы и формы коммуникации становятся объектом анализа и алгоритмической обработки. В подобных условиях возрастает значимость сохранения внутренней автономии человека и самостоятельности его суждений.

В современной цифровой реальности трансформируется и само понимание свободы. Иллюзия безграничной коммуникации и открытого доступа к информации нередко сопровождается снижением глубины рефлексии и поверхностным восприятием социальной действительности. Ускорение информационного обмена усиливает фрагментарность восприятия мира: человек погружается в непрерывный поток сообщений, цифровых образов и мгновенных реакций виртуального пространства. Всё это усиливает опасность утраты способности к сосредоточенному осмыслению происходящих процессов и формированию самостоятельной ценностной позиции.

Цифровая реальность оказывает противоречивое влияние на трансформацию субъектности личности. Цифровизация расширяет возможности коммуникации, образования и самореализации, однако усиливает риски фрагментации внутреннего мира человека, зависимости от цифровой среды и утраты способности к самостоятельному осмыслению действительности. В условиях усиливающегося цифрового воздействия субъектность предполагает сохранение самостоятельности, критического восприятия информационных потоков и рефлексивного отношения к происходящему. Без сохранения субъектности становится затруднительным раскрытие человеческого потенциала и поддержание человеческого измерения общества знания.

Заключение

Феномен современной цифровизации сопровождается изменением форм человеческого взаимодействия, обращения информации и способов осмысления человеком собственной субъектности. Так, цифровая среда постепенно превращается в пространство формирования новых моделей поведения, способов самоосмысления и форм взаимодействия человека с обществом. В этих процессах субъектность перестаёт восприниматься как устойчивое свойство личности и начинает рассматриваться как непрерывный процесс самоопределения в меняющемся информационном пространстве. Человеческий потенциал раскрывается значительно шире профессиональной подготовки или интеллектуальных характеристик человека. Человеческий потенциал связан со способностью личности сохранять самостоятельность мышления, участвовать в культурном и коммуникативном взаимодействии, осуществлять

нравственный выбор и раскрывать собственные внутренние возможности в меняющемся общественном пространстве. Реализация человеческого потенциала непосредственно связана со способностью человека к рефлексии, самостоятельному мышлению и ответственному социальному выбору, что подтверждается концепциями и идеями мировых философов.

Трансформация субъектности определяется процессами виртуализации коммуникации, алгоритмизации информационного пространства и расширения цифровых форм социального контроля. Расширение цифрового пространства сопровождается ростом коммуникативных возможностей человека и усилением зависимости личности от механизмов виртуального признания и цифровой оценки. Постоянная включённость человека в цифровые потоки и возрастающая интенсивность информационного обмена способны усиливать фрагментарность восприятия действительности и ослаблять способность к глубокой рефлексии. Проблема субъектности перестаёт ограничиваться сферой индивидуального самоопределения и становится особенно значимой в философском осмыслении цифровой эпохи. Сохранение человеческого потенциала предполагает способность человека сохранять самостоятельность, противостоять растворению в непрерывных информационных потоках и критически воспринимать общественные изменения. В этих условиях поддержание субъектности становится условием самореализации человека и сохранения человеческого измерения цифровой цивилизации.

Список литературы

1 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» 8 сентября 2025 года // [Электронный ресурс] URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145> (Дата обращения 28.05.2026)

2 Абай. Книга слов. – Алматы: Атамұра, 2016. – 200 с.

3 Аль-Фараби. О достижении счастья // Социально-философские трактаты. – Алматы: Наука Казахской ССР, 1973. – С. 278–349.

4 Аристотель. Политика. – М.: Мысль, 1983. – 430 с.

5 Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.

6 Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

7 Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Т. 1–2. – СПб.: Наука, 2000. – 752 с.

8 Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

9 Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.

10 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: в 3 т. / пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000–2004.

11 Фромм Э. Иметь или быть? – М.: АСТ, 2010. – 320 с.

12 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

13 Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – (Технология свободы).

14 Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 416 с.

Transliteration

1 Tokayev K.-Zh. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokayeva narodu Kazahstana «Kazahstan v epohu iskusstvennogo intellekta: aktual'nye zadachi i ih resheniya cherez cifrovuyu transformaciju» 8 sentjabrja 2025 goda [Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the People of Kazakhstan “Kazakhstan in the Era of Artificial Intelligence: Current Tasks and Their Solutions through Digital Transformation” September 8, 2025] // [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokayeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciju-885145> (Data obrashhenija 28.05.2026). (in Russ)

2 Abaj. Kniga slov [Book of Words]. – Almaty: Atamura, 2016. – 200 s. (in Russ)

3 Al'-Farabi. O dostizhenii schast'ja [On the Attainment of Happiness] // Social'no-filosofskie traktaty [Socio-philosophical treatises]. – Alma-Ata: Nauka Kazahskoj SSR, 1973. – S. 278–349. (in Russ)

4 Aristotel'. Politika [Politics]. – M.: Mysl', 1983. – 430 s. (in Russ)

5 Sen A. Razvitie kak svoboda [Development as Freedom] / per. s angl. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. – 432 s. (in Russ)

6 Hajdegger M. Bytie i vremja [Being and Time]. – M.: Ad Marginem, 1997. – 452 s. (in Russ)

7 Habermas Ju. Teorija kommunikativnogo dejstvija [The Theory of Communicative Action]. T. 1–2. – SPb.: Nauka, 2000. – 752 s. (in Russ)

8 Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Liquid Modernity]. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s. (in Russ)

9 Giddens Je. Posledstvija sovremennosti [The Consequences of Modernity]. – M.: Izdatel'skaja i konsaltingovaja grupa «Praksis», 2011. – 352 s. (in Russ)

10 Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura: v 3 t. [The Information Age: Economy, Society and Culture: in 3 volumes] / per. s angl. – M.: GU VShJe, 2000–2004. (in Russ)

11 Fromm Je. Imet' ili byt'? [To Have or To Be?]. – M.: AST, 2010. – 320 s. (in Russ)

12 Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory] / per. s angl. I. Polonskoj; pod red. S. Gavrilenko. – M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014. – 384 s. (in Russ)

13 Baudrillard Zh. Simuljakry i simuljaccii [Simulacra and Simulations] / per. s fr. A. Kachalova. – M.: Izdatel'skij dom «POSTUM», 2015. – 240 s. – (Tehnologija svobody). (in Russ)

14 Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison] / per. s fr. – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 416 s. (in Russ)

Күлжанова Г. Т., Күлжанова Ж. Т.

Цифрлық білім қоғамындағы адам әлеуеті: субъектілік мәселесі

Аңдатпа. Мақала тұлға субъектілігі мәселесі ерекше өзектілікке ие болатын білімнің цифрлық қоғамындағы адам әлеуетін әлеуметтік-философиялық тұрғыдан пайымдауға арналған. Қоғамдық өмірді цифрландыру жағдайында коммуникация тәсілдерінің, білім өндірудің және адамның өзін-өзі жүзеге асыру формаларының трансформациясымен байланысты өзгерістер қарастырылады. Цифрлық ортаның кеңеюі ақпараттық шындықпен өзара әрекеттесу тетіктерін ғана емес, сонымен қатар тұлғалық бірегейліктің, құндылықтық бағдарлардың қалыптасу үдерістерін және адамның қоғамдағы өз орны туралы түсініктерін өзгертеді. Ақпараттық қоғам мен білім қоғамы ұғымдары ара-жіктеліп, бұл қазіргі әлеуметтік трансформация үдерістерінің ерекшеліктерін ашуға мүмкіндік береді. Қазіргі кезеңде ақпаратқа қолжетімділік қана емес, оны сыни тұрғыдан пайымдау, интерпретациялау және жауапкершілікпен пайдалану қабілетінің ерекше маңызға ие болатыны атап өтіледі. Адам әлеуетін түсінудің негізгі философиялық тәсілдері талданып, цифрлық ортаның әлеуметтік тәжірибелер мен тұлғаның өзін-өзі айқындау формаларына ықпал ету ерекшеліктері зерттеледі. Цифрландырудың қарама-қайшы салдарларына, бір жағынан, өзін-өзі жүзеге асыру мүмкіндіктері мен когнитивтік ресурстарға қолжетімділіктің кеңеюіне, екінші жағынан, сананың фрагментациясы, рефлексивтіліктің әлсіреуі, ақпаратты іріктеу алгоритмдеріне тәуелділік және құндылықтық негіздердің жоғалу қаупіне ерекше назар аударылады. Авторлық ұстаным негізделеді, оған сәйкес субъектілік адамның дербес ойлауына, ақпаратты сыни қабылдауына және саналы әлеуметтік әрекетіне мүмкіндік бере отырып, адам әлеуетін сақтау мен дамытудың қажетті шарты ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: адам әлеуеті; субъектілік; білім қоғамы; цифрландыру; цифрлық бірегейлік; рефлексивтілік; тұлғаның өзін-өзі құрастыруы.

Kulzhanova G., Kulzhanova Zh.

Human potential in the digital knowledge society: the problem of subjectivity

Abstract. The article is devoted to the socio-philosophical understanding of human potential in the digital knowledge society, where the problem of personal subjectivity acquires particular relevance. The study examines transformations occurring under the conditions of digitalization of social life, associated with changes in communication methods, knowledge production, and forms of human self-realization. The expansion of the digital environment transforms not only the mechanisms of interaction with informational reality but also the processes of identity formation, value orientations, and individuals' perceptions of their own place in society. The concepts of the information society and the knowledge society are differentiated, making it possible to reveal the specific features of contemporary processes of social transformation. It is emphasized that, at the present stage, not only access to information but also the ability to critically comprehend, interpret, and responsibly use it acquires particular importance. The article analyzes the main philosophical approaches to understanding human potential and examines the influence of the digital environment on social practices and forms of personal self-determination. Particular attention is paid to the contradictory consequences of digitalization associated, on the one hand, with expanded opportunities for self-realization and access to cognitive resources and, on the other hand, with the risks of fragmentation of consciousness, weakening of reflexivity, dependence on information selection algorithms, and the loss of value foundations. The author substantiates the position that subjectivity serves

as a necessary condition for the preservation and development of human potential, ensuring an individual's capacity for independent thinking, critical perception of information, and conscious social action.

Key words: human potential; subjectivity; knowledge society; digitalization; digital identity; reflexivity; self-construction of personality.

Вклад авторов. Кульжанова Г.Т., концептуализация исследования, разработка методологии, подготовка первоначального текста статьи; Кульжанова Ж.Т., анализ научной литературы, участие в интерпретации результатов исследования и редактировании текста. Оба автора участвовали в обсуждении результатов и утвердили окончательную версию статьи.

Поступила: 15.03.2026

Принята: 14.05.2026

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ СЕМИОЗИС

¹М.К. Ташбулатова, ²Э.К. Саудабекова*

^{1,2}НАО Университет Нархоз (Алматы, Казахстан)

¹makhabbat.tashbulatova@narхоз.kz, ²elmira.saudabekova@narхоз.kz

¹M. Tashbulatova, ²E. Saudabekova

^{1,2}Narхоз University (Almaty, Kazakhstan)

¹makhabbat.tashbulatova@narхоз.kz, ²elmira.saudabekova@narхоз.kz

Ссылка: Ташбулатова М.К., Саудабекова Э.К. Идентичность и ее семиозис // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – С. 80-95.

Аннотация. Статья посвящена проблеме человеческой идентичности и ее знаковому обеспечению (семиозису). В статье обосновывается и разъясняется оправданность применения в социальной философии, психологии, социологии и некоторых других науках термина «идентичность», а не термина «тождество», так как он в них выполняет специальную функцию и его применение подчиняется не диалектической, а формальной логике. Отмечается при этом, что термин «тождество» может использоваться в тех случаях, когда он не несет в их контексте специальную концептуальную нагрузку. Обосновывается тезис о том, что индивид, живущий в сложно устроенном социокультурном целом, а таковыми практически являются все населенные пункты планеты, к тому же включенные в более сложные образования (вплоть до государственного), не может обладать всего лишь одной или несколькими идентичностями. Как человек он полиидентичен. И чем в большую социокультурную систему он включен, тем большим числом идентичностей он обладает. При этом, во-первых, не все его идентичности одинаково для него значимы и ценны (существуют и те, которых он предпочел бы не иметь), а во-вторых, с позиций социокультурного целого и с позиций индивида его идентичности обладают неодинаковой значимостью и ценностью. Феномен идентичности, как правило, наряду с ценностными всегда имеет и семиотические маркеры. В статье это продемонстрировано на феномене моды.

Ключевые слова: идентичность, самоидентичность, логика диалектическая, логика формальная, семиозис, мужчина, женщина, пол, гендер, мода.

Введение

Феномен идентичности обрел концептуальный смысл в начале второй половины XX века в психологии. Впоследствии он проник в социологию и социальную философию. После распада Советского Союза он проник в

* Автор-корреспондент: Э.К. Саудабекова, elmira.saudabekova@narхоз.kz

находящуюся в глубоком кризисе официальную советскую философию, социологию, психологию и некоторые другие дисциплины. При этом одни сразу же согласились включить понятие идентичности в концептуальный аппарат социальной философии и других социогуманитарных дисциплин. Другие не усматривали в этом необходимости, поскольку английское слово *identity* по-русски означало «тождество». Некоторые исследователи пытались обосновать целесообразность включения понятия «идентичность» в русскоязычный концептуальный аппарат на том основании, что оно выполняет в нем особую функцию и подчиняется особой логике. Эту проблему необходимо проанализировать и решить в настоящей статье. Кроме того, в статье поставлена цель обсудить семиотический аспект феномена идентичности. Эти два вопроса и являются предметом внимания в настоящей статье.

Методология исследования

В статье применен ряд классических философских методов, принципов, категорий и понятий. Сравнительный метод позволил развести понятия тождества и различия в формальной логике и аналогичные понятия в диалектической логике, что стало основанием оправданности применения понятия идентичности в казахстанской социальной философии в том статусе, в каком оно употребляется в зарубежной социальной философии и не только в ней. Принцип конкретного историзма позволил понять, почему проблема идентичности стала особо актуальной именно в Новое время. В статье показано, что это было вызвано коренными трансформациями общественных отношений в эпоху модерна, которые привели к усложнению социальных ролей личности и актуализировали потребность человека в самоопределении и поиске устойчивых оснований собственной идентичности. Логика соотношения знака и значения позволила понять, как и почему проблема идентичности связана с проблемой семиозиса.

Феномен идентичности и его специфика

В наше время, отмечает З. Бауман, «"идентичность" становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176]. А Е. Е. Бразговская как бы добавляет: «Проблемы идентичности настолько значимы в современном мире, что речь идет о настоящем взрыве исследовательского интереса к ним» [2, с. 108]. Как феномен идентичность сопровождала человека и человеческие общности со времени их возникновения. Как предмет теории он стал лишь в 60-е годы XX века. Но как проблема он появился несколькими столетиями раньше. З. Бауман пишет: «Идентичность как таковая является изобретением модерна» [3, с. 133], т.е. Нового времени. Переход от традиционного общества к индустриальному, развитие капиталистического способа производства, урбанизация, рост социальной мобильности, ослабление сословных связей,

формирование национальных государств – все это способствовало актуализации проблем самоидентификации личности и социальных групп. В постсоветскую философию понятие идентичности вошло после разрушения Советского Союза. Многие философы, социологи, психологи и некоторые другие представители социо-гуманитарных наук, устав от многодесятилетнего диктата официальной «марксистско-ленинской» философии, стали обращаться к разнообразным западным философским учениям, именовавшимся «буржуазными». Так, наряду с многими другими понятиями в постсоветские философские учения проникло понятие «идентичность». Однако еще в 1979 году была издана книга советских исследователей в области истории, этнологии и лингвистики под названием «Китайский этнос на пороге средних веков» [4], где «термин “идентификация” употребляется в контексте межэтнических процессов и формирования представлений о различии между народами, а также анализа причин, их обуславливающих» [5, с. 29]. Также не следует забывать о вкладе таких советских ученых и мыслителей, как М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, С. Л. Рубинштейн, которые разработали принципы, которые служат методологическим основанием для современных исследований феномена идентичности.

В статье «Неудобства с идентичностью» В. С. Малахов пишет: «Поскольку в отечественной культурной традиции “идентичность” передавалась обычно как “тождество”, русскому уху не слышно то, что в романо-германском ареале воспринимается как естественное. Мы, например, не слышим, что в работе Хайдеггера “Идентичность и дифференция” разрабатывается то же самое понятие, какое развивал в своей “Философии тождества” Шеллинг. Мы не привыкли связывать критику “мышления тождества” у Адорно и Хоркхаймера и проблематику “идентичности” в социологической и социально-философской литературе 70-80-х годов. Между тем во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же термином» [6, с. 43]. Малахов объяснил распространение понятия идентичности проявлением «эффекта добавленной валидности». Он пишет: «Эффект этот состоит в завышенных ожиданиях от чужого слова. В приписывании термину, пришедшему из иностранных языков, особой значимости, что в свою очередь сопряжено с некорректным употреблением такого термина» [6, сс. 43-44].

Дело в том, что в самом конце XX века наблюдался интенсивный процесс заимствования иностранной лексики, при котором традиционные понятия, термины и даже общеупотребительные слова стремительно вытеснялись иностранными, преимущественно англоязычными. «И вот русская речь и в устной, и в письменной формах заестрела “дилерами”, “брокерами”, “маклерами”, “аудитами”, “консалтингами”, “фьючерсами”, “блогерами”, “франшизами”, “коучингами”, “электоратами”, “саммитами”, “модераторами” и т. д. и т. д. ...» [7, с. 5] С. Г. Кара-Мурза в своей книге «Манипуляция сознанием» пишет: «Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык перешли в огромном количестве слова-“амебы”, прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни. Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка

(возьмите, например, слово прогресс). Это слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания, - и пожирают старые слова. Важный признак этих слов-амеб – их кажущаяся “научность”. Скажешь коммуникация вместо старого слова общение или эмбарго вместо блокада – и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия нашего мышления» [8, с. 90]. Подобные слова не просто вытесняют старую лексику, они способны изменить сам способ мышления. Они лишены укоренённости в жизненном опыте, поэтому формируют абстрактное, отчуждённое восприятие действительности, в котором реальные процессы подменяются удобными словесными оболочками. Использование таких слов создаёт иллюзию глубины, объективности и интеллектуальной обоснованности высказывания. В результате язык перестаёт быть инструментом понимания мира и становится средством символического доминирования, где форма заменяет содержание.

Впервые развернутое теоретическое осмысление термин «идентичность» получил в работах Э. Х. Эриксона. Именно благодаря концептуализации термина «идентичность», осуществленной Э. Х. Эриксоном, данный термин был введен в научный оборот как специальное понятие сначала в психологии, а затем и в более широком поле социогуманитарных дисциплин. Во Введении к своей книге «Идентичность: юность и кризис» (1968 г.) он пишет: «За двадцать лет, прошедшие с тех пор, как этот термин был впервые употреблен в том смысле, как он понимается в этой книге, он приобрел столько значений, а объем его настолько расширился, что, казалось бы, пришло время расширить границы его употребления. Но понятие, обозначаемое столь объемным термином, по самой своей природе подвержено историческим изменениям. Термины идентичность и кризис идентичности и в широком и в научном употреблении описывают нечто столь широкое и на первый взгляд самоочевидное, что, казалось бы, настаивать на точном определении означает придираться; в то же время иногда они применяются столь узко, что общий смысл термина теряется и с таким же успехом можно было бы использовать какой-нибудь другой» [9, с. 24]. Но в то же самое время Эриксон говорит, что «...концептуализация идентичности привела к появлению ценных исследований, если и не проясняющих, что же такое идентичность, то нашедших применение в социальной психологии» [9, с. 25]. При этом сам исследователь избегает четкого определения феномена идентичности, отметив лишь, что «эта проблема столь всеобъемлюща и всё же столь трудноуловима» [9, с. 31].

На Западе проблематика идентичности получила широкое распространение благодаря именно Эриксону. Постепенно понятие идентичности превратилось в одно из ключевых понятий социогуманитарных наук. К данному понятию обращались, к примеру, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Э. Фромм, Ю. Хабермас, З. Бауман и другие. Вот, к примеру, что писал Э. Фромм: «Так же, как потребности в соотнесенности, укорененности в трансценденции, его потребность в чувстве идентичности настолько жизненна и императивна, что человек не

может оставаться психически здоровым, если не находит какого-то способа её удовлетворения» [10, с. 61].

На сегодня появилось множество трактовок данного феномена. Дискуссии о концептуальном содержании понятия «идентичности» продолжаются до сих пор, появляются все новые и новые трактовки данного феномена, но, как пишет А. А. Хамидов, «исследователи продвинулись ненамного» [7, с. 6]. С ним согласны другие казахстанские исследователи – В. Дунаев и В. Курганская: «При том пристальном внимании, которое в последние годы уделяется социогуманитарными дисциплинами проблемам идентичности, исследования, посвященные логической структуре этого понятия, крайне редки» [11, с. 36].

В западноевропейской философской традиции, как известно, существуют два противоположных типа логики – формальная и диалектическая. Один из законов формальной логики выражен в положении: *«Всё равно самому себе; $A = A$. Или отрицательно: A не может быть в одно и то же время A и не- A »* [12, с. 30]. Диалектическая логика выражается формулой *« A и не- A »*. Это - конкретное тождество. Диалектика утверждает, говоря словами Гегеля, «понятие тождества тождества и нетождества» [13, с. 131]. В диалектике, следовательно, имеется ввиду тождество противоположностей.

Нетрудно заметить, что понятие идентичности, как оно применяется в современной социальной философии, и сама концепция идентичности основывается не на диалектической логике, а на логике формальной. Понятие идентичности, которым оперирует постсоветская социальная философия, психология и т. д., противостоит понятию различия. Это не значит, что понятие различия полностью изгоняется из концепции идентичности. Но оно как бы выносится за скобки данной концепции. Идентичность – это своеобразное анти-различие. Установление различия лишь подчеркивает идентичность. Следовательно, дело вовсе не в эффекте «добавленной валидности», о чем пишет В. С. Малахов и чем он объясняет внедрение в социальную философию, социологию, психологию и т. д. понятия идентичности в такой именно трактовке.

Как пишет А. А. Хамидов, «необходимо выяснить, для решения какой задачи (или каких задач) используется так понимаемое понятие идентичности» [7, с. 13]. И он приходит к следующему выводу: «Задачи, которые ставятся в социальной философии (ограничимся ею) благодаря понятию идентичности, состоят в установлении каждый раз конкретной идентичности и самоидентичности. При решении таких задач диалектическая логика с её специфической трактовкой тождества и различия и их соотношения тут неуместна; она может лишь запутать в их решении. Результат процесса идентификации должен быть однозначным и категоричным: идентичен тот или иной индивид другому индивиду, или группа другой группе, или же не идентичны? Различие при установлении идентичности, конечно, фигурирует, но фигурирует как то, что не соответствует установленной идентичности, несовместимо с ней. Следовательно, различие в концепции идентичности и в реальном установлении идентичности и самоидентичности играет чисто отрицательную и всецело служебную роль.

Сказанное и *оправдывает* обращение в современной социальной философии понятия идентичности и концепции идентичности, призванных решать в составе этого раздела философии вполне конкретный и строго *ограниченный* комплекс задач» [7, с. 13].

Прежде чем двигаться дальше, необходимо ответить на вопрос: сколько у человека может быть идентичностей? Е. О. Труфанова отвечает на него так: «Существует множество идентификаций, идентичность же – одна» [14, с. 13]. Но если это так, то что́ дают многочисленные идентификации? Ведь результатом любой идентификации является идентичность! И если истинная идентичность у человека одна-единственная, то все идентификации и их результаты являются иллюзорными, ложными. И как не затеряться подлинной идентичности среди множества неподлинных? Сама Труфанова ответа не дает. Но большинство исследователей утверждают, что каждый человек обладает несколькими идентичностями, то есть что он *полиидентичен*. Мы придерживаемся именно данной позиции. Структура идентичности в свете диалектико-логического подхода включает три основных момента: 1) идентичность как отношение человека к самому себе; 2) идентичность как отношение человека к другому человеку (идентичность, устанавливаемая через отношение к другому, к другим); 3) идентичность, как принадлежность человека некоему объемлющему Целому. То же относится и к локальным общностям (группам, объединениям и т. п.). Будучи обособленными друг от друга, данные моменты выступают тремя типами идентичности и идентификации.

Все идентичности подразделяются прежде всего на объективные и субъективные. Объективная идентичность формируется в реальном процессе жизнедеятельности людей, в контексте социокультурной действительности. Субъективная же идентичность, которую, на наш взгляд, правильнее называть самоидентичностью, является результатом самоидентификации, результатом осознания и осмысления человеком собственной идентичности. Следовательно, с этой точки зрения, в социокультурной действительности существуют объективные идентификационные процессы и субъективные процессы самоидентификации, самоидентификационные процессы. Субъективные идентичности, так сказать, сосредоточены на стороне индивидов, групп и т. д., объективные – на стороне социума как целого. Конечно, это общественное целое не стоит вне индивидов, групп и т. д.

Как объективные, так и субъективные идентичности, как правило, обладают ценностной определенностью. А это значит, что все они (или почти все) выстроены в ценностную субординацию и каждая идентичность на шкале ценностей занимает определенное положение. Ценностный статус идентичностей и самоидентичностей не является данным или определенным раз и навсегда. Он может меняться в зависимости от различных социальных условий и под влиянием самых различных факторов. При этом ценности и их субординация, гласно или негласно утвержденная общественным целым, не всегда совпадает с субъективными шкалами ценностей индивидов и групп. Индивид или

общность по-разному могут оценивать свои объективные идентичности. Но, конечно, существуют как объективные, так и субъективные идентичности и самоидентичности, которые являются ценностно нейтральными.

На этом мы завершим характеристику феномена идентичности и перейдем к анализу его семиотического аспекта.

Семиотические маркеры идентичности

Человек, его общество и культура не могли бы не только существовать, но и возникнуть без особого рода деятельности и её результатов, которая получила название «семиозис» (от греческого σημείον – «знак»). Обычно различают практическую и духовную деятельность. Однако между этими видами деятельности находится, а кроме того, входит в состав вышеназванных, обеспечивая тем самым их полноценное функционирование, *знаковая* деятельность, деятельность по производству и интерпретации знаков, то есть семиозис. Самыми исторически первыми человеческими знаками были слова устной речи и сопровождавшие их жесты и мимика. Проблематике жестов и мимики посвящаются специальные исследования. См., напр.: [15. Гл.3]; [16]; [17]; [18]; [19]; [20]. Следует отметить, что известный французский лингвист Ф. де Соссюр проводил различие между речью и языком. «По нашему мнению, - писал он, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык – только определенная часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального, и к сфере социального; её нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство.

В противоположность этому язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе не поддаётся классификации» [21, с. 47–48]. Соссюр, кроме того, утверждал, что «естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (langage parlé), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям» и «единство в речевую деятельность вносит язык» [21, с. 49]. Соссюр не разъясняет, речь и язык появились одновременно или же язык появился позже. Возможно, правильным будет допустить второе. «У звуковой речи, - пишет В. А. Истрин, - при всех её неисчерпаемых возможностях есть существенные недостатки – ограниченность

в пространстве (речь слышна лишь на малом расстоянии) и ограниченность во времени (речь слышна только в момент её произнесения» [22, с. 11]. Правда, в дописьменную эпоху недостатки компенсируются отменной памятью людей того времени. Но, конечно, этого мало. И на определенном этапе исторического развития появляется письменность и появляются специальные знаки для фиксации речи (пиктографическое, иероглифическое, слоговое, буквенное письмо).

Первыми речевыми знаками, которые выделились из речи, были имена индивидов и названия каких-то конкретных мест (деревьев, рощ, камней, утёсов и т. п.), в которых, по поверьям первобытных людей, являлось им нечто *священное* (иерофания). Когда человеческие общности были сравнительно немногочисленными, человек имел одно имя (конечно, у некоторых народов имя человека менялось прохождением возрастных стадий. К примеру, греческие полисы были немногочисленными и известным индивидам добавлялось указание места, откуда он родом: например, Зенон из Элеи и Зенон из Китиона). Позже появились фамилии, а у некоторых народов и отчества.

Помимо наделения семиотической атрибутикой человек наделял ею также и своё тело. Современные семиотики называют результат такого семиозиса *семиотической концептуализацией тела или/и отдельных его частей*. «Семиотическая концептуализация тела – это модель того, как тело и другие соматические объекты представлены в естественном языке и в соответствующем ему языке тела. И, что очень важно, такая модель отражает взгляды не специалиста-ученого, а обычного человека (именно по этой причине она и получила полное название *наивной семиотической концептуализации тела*)» [18, с. 27].

В сложноорганизованных обществах существует развитое разделение деятельности и труда, что приводит к образованию относительно обособленных друг от друга сфер: материального производства, науки, искусства, религии, политики, права, армии и др. Внутри же этих сфер происходит дифференциация профессий, должностей и т. д. В некоторых отраслях государство в целях идентификационной ориентации вырабатывает специальные знаковые отличия. Обычно это форма одежды. Так, военнослужащие отличаются специальной формой. Кроме того, у каждого рода войск своя форма, которую нельзя спутать с какой-то другой. Военнослужащие выстроены по званиям от рядового до маршала: рядовые, сержанты, старшины, младшие и старшие офицеры, генералы и маршалы. Все они отличаются формой одежды, знаками рода войск и знаками служебного статуса. Форменная одежда существует у железнодорожников, лётчиков гражданской авиации и моряков гражданского флота, работников суда и прокуратуры, полиции и т. д. Но лица, носящие специальную форму одежды, составляют меньшинство любого общества. Остальные люди носят обычную одежду.

Но говоря о человеке, мы должны учитывать следующее. «Человек, - писал Н.А. Бердяев, - является существом половым, то есть *половинчатым*, ущербным и стремящимся к восполнению, не только в своей физиологии, но и в своей психологии» [23, с. 134; курсив наш – Авт.]. Однако в этом стремлении не всё так просто, причем с самых древних времён. «Трудно назвать область человеческих

отношений, которая была бы окутана такой массой мифов и предрассудков, как отношений мужчины и женщины» [24, с. 8]. Казалось бы, всё должно быть ясным: всё, что существует, выражаясь языком теософов, всё в проявленном мире *двойственно*, является единством противоположных начал. Так же и человек – это не мужчина сам по себе и не женщина сама по себе, а их единство, как это и отмечает Н. А. Бердяев. И таким же законом мироздания является то, что противоположности обладают не только внутренним сущностным единством, но каждая своей внутренней сущностной спецификой, подобно началам *инь* и *ян* согласно даосской философии. Применительно к нашей теме это значит, что мужчина и женщина, воплощая в себе человеческую сущность, каждый отличается анатомией, физиологией, духовной конституцией и определенными аспектами сознания. Как правильно пишет Н. А. Бердяев: «Пол не есть только специальная функция в человеке, связанная с половыми органами; он разлит по всему организму человека [23, с. 134].

Однако эта великая истина, очевидно, действовала лишь в глубокой древности, до так называемой неолитической революции. Суть этой революции состояла в том, что человечество переходило от бродячего образа жизни и присваивающей экономики к оседлости и к производящей экономике. Этот переход стимулировал бурное развитие первобытного общества, так что некоторые исследователи собственно человеческую историю начинают с неолитической революции. В этой ситуации стали возникать новые потребности и соответствующие им способы их удовлетворения; появились новые формы производственной и непроизводственной деятельности; стала расширяться и эволюционировать сфера орудийных средств. Всё это вызвало бурные темпы роста населения. Первобытное стадо стало трансформироваться в человеческое общество и культуру. В то же время эта трансформация влекла за собой искажение прежде (в донеолитический период) отношений мужчины и женщины.

Стали появляться всё новые и новые формы деятельности (прежде всего, труда) и применяемые в них орудия, которые больше соответствовали особенностям мужского организма и мало подходили, а то и вовсе не подходили женщине. Социальные роли мужчины и женщины в рамках общества разделились. На долю мужчины выпала производственная деятельность, добывание средств существования, а также воинские обязанности, а на долю женщины – быт и деторождение. Такое разделение деятельности и распределение занятий закреплялось и стало казаться вполне нормальным. Так постепенно мужчина как социальный агент выдвигается на передний план социокультурной действительности, а женщина – на второй. Пока ещё по горизонтали. Но наступает время, когда горизонталь выпрямляется в вертикаль. Мужчина занимает положение на её вершине, женщина – у её основания. Это явилось, как отметил Ф. Энгельс, «*всемирно-историческим поражением женского пола*» [25, с. 60]. «В обществе, - отмечает О. В. Шабурова, - возникает система норм поведения, предписывающая выполнение определённых половых ролей; соответственно возникает жёсткий ряд представлений о том, что есть “мужское”

и “женское” в данном обществе» [26, с. 177]. Эти представления могут быть онтологически релевантными, но могут быть (а на деле – так только и бывает) и иррелевантными. И эта ситуация продолжается до настоящего времени. Правда, с XIX века женщины начинают борьбу за свои права. Со временем женские движения переросли в феминизм и т. д. (данный вопрос не входит в рассмотрение в рамках данного текста).

В 1949 г. С. де Бовуар издала монографию под названием «Второй пол», в которой, судя по всему, отрицательно реагируя на афоризм З. Фрейда о том, что «анатомия – это судьба» [27, с. 79], заявила: «Женщиной не рождаются, ею становятся» [27, с. 310]. А в 1955 году американский психолог Дж. Мани ввёл понятие «гендер» (gender), заимствовав его из грамматики, для различения биологического пола (sex) и социальной роли человека, тем самым отчасти подвёл концептуальное основание под положение Бовуар. Данное различие-противопоставление прижилось и вскоре стали появляться так называемые гендерные исследования, проводятся научные форумы, на которых стала обсуждаться гендерная тематика и проблематика. «Гендер..., - пишет Дж. Скотт, - является социальной категорией, назначенной телу, имеющему пол» [28, с. 410]. Сказано очень точно: именно *назначенной*. Ю. Эвола отмечает: «Все ныне существующие концепции мужчины и женщины состряпаны наспех и очень приблизительно» [29, с. 64]. Все эти концепции не являются удовлетворительными, так как созданы, исходя из наличной, хотя и многотысячелетней, ситуации, в которой мужчина и женщина взаимосотносятся друг с другом по принципу господства и подчинения.

Идентичность, семиозис и мода

Но мы существуем в наличной ситуации, которая пронизана именно этими взаимоотношениями. В этой ситуации принято различать пол и гендер и половые и гендерные идентичности имеют свою семиотику. Мужчины и женщины имеют, как правило, разные фасоны одежды, разную обувь, разные причёски и т. д. С незапамятных времён появился такой культурный феномен, как *мода*. Мода – это «совокупность привычек, ценностей и вкусов, принятых в определённой среде в определённое время [30]. Наиболее ярким феноменом моды является одежда, особенно женская. Л. Свендсен считает, что культурная значимость моды стала заметной в эпоху Возрождения и постоянно возрастала [31, с. 6].

Ян Цзя различает одежду, костюм и моду. Он пишет: «“Одежда” – это совокупность покровов, защищающих человека от климатических воздействий и являющихся некоторым проявлением его индивидуальности. “Костюм” – означает отличительный стиль в одежде, отражающий социальную, национальную, региональную принадлежность человека. “Мода” характеризует знаково-символическую, смысловую сторону “костюма” в отличие от его материальной предметной стороны. Она добавляет этому предмету другие смыслы, чаще всего превосходящие по своей ценности собственно материальные. Мода – это

не просто предмет гардероба, обогащенный дополнительными смыслами, но это особое явление, сигнал, признак, знак, знаковая система, материальным носителем которых является одежда, костюм» [32, с. 3].

Принципом моды является её новизна и оригинальность. «Принцип моды, - пишет Л. Свендсен, - заключается в том, чтобы увеличивать скорость и делать предмет как можно быстрее немодным, чтобы опять создать новый» [31, с. 38]. Ещё раньше Г. С. Батищев отмечал, что человеку, стремящемуся всегда быть модным, «приходится стараться “ловить” самое начало волны капризной Моды и бежать изо всех сил впереди неё» [33, с. 358]. Р. Барт в своей книге «Система моды», по его же словам, провёл «структурный анализ женской одежды, как она описывается ныне в модных журналах...» [34, с. 31]. Вот обыкновенная женская юбка. В 1910-е годы юбка до колен или выше колен – вызов, знак эпатирующей непристойности. В 1920-е годы она стала модной. Потом настали времена, когда было не до покроя юбок. Но в 1960-е мини-юбка стала не просто модной, но в Западной Европе она стала знаменем свободы и освобождения в молодёжных бунтах. Сегодня никто не обращает внимания на длину юбки. Она утратила свою значимость, а, следовательно, перестала быть зна́ком, приняла семиотически нейтральный статус. Такова она – Мода.

Заключение

В статье была поставлена задача, во-первых, обратить внимание на некоторые аспекты проблемы идентичности и идентификации, которые продолжают оставаться дискуссионными и высказать свое мнение о них. Во-вторых, затронуть тему и проблему тесной связи феномена идентичности с феноменом семиозиса. Вступая в дискуссию о количестве идентичностей у человека, авторы заняли позицию, согласно которой человек не может обладать одной-единственной идентичностью. И чем сложнее устроена наличная социокультурная жизнь, тем бóльшим числом идентичностей он обладает. Эти идентичности для социума и для данного индивида могут обладать разной значимостью, но без них данный индивид реально не может существовать как член данного социума.

В статье показано, что знаковые системы распространяются и на феномен идентичности. Всякая идентичность или самоидентичность помимо своего ценностного аспекта (правда, существуют и ценностно нейтральные идентичности) имеет и свой семиотический маркер. В статье это проиллюстрировано на примере моды, диктат которой стал особо сильным в XX и в наступившем XXI веке.

Список литературы

- 1 Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. – 325 с.
- 2 Бразговская Е. Е. Семиотика идентичности // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 108 - 115.
- 3 Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133 – 154.

- 4 Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. - 327 с.
- 5 Задворная Е. С. Феномен идентичности: история формирования понятия и современные подходы к изучению [Текст] //Ценности и смыслы. 2017. №1 (47). С. 24 - 37
- 6 Малахов В. С. Неудобства с идентичностью //Вопросы философии. М., 1998. № 2 . С. 43 – 53.
- 7 Хамидов А. Категории тождества и понятие идентичности //Аль-Фараби. 2019. №1. С. 3 - 18
- 8 Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО, 2005. – 832 с.
- 9 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Изд. 2-е, М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. – 352 с.
- 10 Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. – 239 с.
- 11 Дунаев В., Курганская В. Идентичность: семантика понятия и логика дискурса // Аль-Фараби. 2020. №2 (70). С. 36 -52
- 12 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. [В 3-х т.]. Т. 2. М.: Мысль, 1971. – 248 с.
- 13 Гегель Г. В. Ф. Наука логики [В 3-х т.]. Т. 1. М.: Мысль, 1970. – 501 с.
- 14 Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей //Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13 – 22.
- 15 Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: НЛО, 2002. – 592 с.
- 16 Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.: Языки русской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. – 256 с.
- 17 Куприянов В. В., Стовичек Г. В. Лицо человека: анатомия, мимика. М.: «Медицина», 1988. – 268 с.
- 18 Язык и семиотика тела. Т. 1. Тело и телесность в естественном языке и языке жестов. М.: «НЛО», 2020. – 396 с.
- 19 Язык и семиотика тела. Т. 2. Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека. М.: «НЛО», 2020. – 264 с.
- 20 Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: «Русский язык», 1991. – 145 с.
- 21 Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики //Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: «Прогресс», 1977. С. 31 – 285.
- 22 Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М.: «Наука», 1965. – 601 с.
- 23 Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии //Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. – С. 4 -163.
- 24 Тартаковская И. Н. Зачем нужен второй «Гендер для “чайников”» //Гендер для «чайников» - 2. М.: «Звенья», 2009. С. 7 – 23.
- 25 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана //Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961. С. 23 – 178.
- 26 Шабурова О. В. Гендерные исследования //Современный философский словарь. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 180 – 183
- 27 Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2. М.: «Прогресс»; СПб.: «Алетейя», 1997. – 832 с.
- 28 Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа //Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: «Алетейя», 2001. С. 405 – 436.
- 29 Эвола Ю. Метафизика пола. М.: «Беловодье», 1996. – 444 с.

- 30 Мода. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мода>
31 Свендсен Л. Философия моды. М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с.
32 Ян Цзя. Семиотика моды (костюма) в контексте межкультурной коммуникации. Автореферат дис. ... Канд. культурологии. Шуя, 2011. – 16 с.
33 Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. – 463 с.
34 Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.

Transliteration

- 1 Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]. - М.: Logos, 2002. – 325 s. (in Russ)
2 Brazgovskaya E. E. Semiotika identichnosti [Semiotics of Identity] //Vestnik Permskogo un-ta. Rossijskaya I zarubezhnaya filologiya. 2014. Vyp. 4 (28). S. 108 – 115. (in Russ)
3 Bauman Z. Ot palomnika k turistu [From Pilgrim to Tourist] //Sociologicheskij zhurnal. 1995. №4. S. 133 – 154. (in Russ)
4 Krjukov M. V., Maljavin V. V., Sofronov M. V. Kitajskij etnos na poroge srednih vekov. [The Chinese Ethnos on the Threshold of the Middle Ages]. - М.: Nauka, 1979. – 327 s. (in Russ)
5 Zadvornaya E. S. Fenomen identichnosti: istoriya formirovaniya ponjatija I sovremennye podhody k izucheniju [Tekst] [The Phenomenon of Identity: The History of the Concept's Formation and Contemporary Approaches to its Study] //Cennosti i smysly. 2017. №1 (47). S. 24 – 37 (in Russ)
6 Malahov V. Neudobstva s identichnost'yu [The discomforts of Identity] //Voprosy filosofii. М., 1998. № 2. S. 43 – 53. (in Russ)
7 Hamidov A. Kategoriya tozhdestva i ponyatie identichnosti [The Category of Sameness and the Concept of Identity] //Al'-Farabi. 2019. № 1. S. 3 – 18. (in Russ)
8 Kara-Murza S. Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of Consciousness]. - М.: EKSMO, 2005. – 832 S. (in Russ)
9 Erikson E. Identichnost': yunost' I krizis. [Identity: Youth and Crisis]. - Izd. 2-e, М.: Flinta, MPSI, Progress, 2006. – 352 s. (in Russ)
10 Fromm E. Chelovecheskaya situaciya [The Human Situation]. - М.: Smysl, 1995. – 239 s. (in Russ)
11 Dunaev V., Kurganskaja V. Identichnost': semantika ponjatija i logika diskursa [Identity: The Semantics of the Concept and the Logic of Discourse] //Al'-Farabi. 2020. №2 (70). S. 36 – 52. (in Russ)
12 Gegel' G. V. F. Nauka logiki [The Science of Logic]. [V 3-h t.]. T. 2. -М.: Mysl', 1971. – 248 s. (in Russ)
13 Gegel' G. V. F. Nauka Logiki. [The Science of Logic]. [V 3-h t.]. T. 1. -М.: Mysl', 1970. – 501 s. (in Russ)
14 Trufanova E. O. Chelovek v labitinte identichnostej [Man in the Labyrinth of Identities] //Voprosy filosofii. 2010. № 2. S. 13 – 22. (in Russ)
15 Krejdlin G. E. Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyj yazyk. [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. - М.: NLO, 2002. – 592 s. (in Russ)
16 Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Krejdlin G. E. Slovar' yazyka russkih zhestov. [Dictionary of the Language of Russian Gestures]. - М.: Yazyki russkoj kul'tury; Vena: Venskij slavisticheskij al'manah, 2001. – 256 s. (in Russ)

- 17 Kupriyanov V. V., Stovichek G. V. Lico cheloveka: anatomiya, mimika. [The Human Face: Anatomy and Facial Expression]. - M.: «Medicina», 1988. – 268 s. (in Russ)
- 18 Yazyk i semiotika tela. T. 1. Telo i telesnost' v estestvennom yazyke i yazyke zhestov [Language and Semiotics of the Body. Vol. 1. The Body and Corporeality in Natural Language and Sign Language]. - M.: «NLO», 2020. – 396 s. (in Russ)
- 19 Yazyk i semiotika tela. T. 2. Estestvennyj yazyk i yazyk zhestov v kommunikativnoj deyatel'nosti cheloveka [Language and Semiotics of the Body. Vol. 2. Natural Language and Sign Language in Human Communicative Activity]. - M.: «NLO», 2020. – 264 s. (in Russ)
- 20 Akishina A. A., Kano H., Akishina T. E. Zhesty i mimika v russkoj rechi. Lingvostranovedcheskij slovar' [Gestures and Facial Expressions in Russian Speech: A Linguistic and Cultural Dictionary]. - M.: «Russkij yazyk», 1991. – 145 s. (in Russ)
- 21 Sossyur F. de. Kurs obshchej lingvistiki [Course in General Linguistics] //Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniiu. M.: «Progress», 1977. S. 31 – 285. (in Russ)
- 22 Istrin V. A. Vozniknovenie i razvitie pis'ma [The Origin and Development of Writing]. - M.: «Nauka», 1965. – 601 s. (in Russ)
- 23 Berdyaev N. A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filisofii [On the Slavery and Freedom of Man: An Essay in Personalist Philosophy] // Berdyaev N. A. Carstvo Duha i carstvo Kesarya. M.: Respublika, 1995. – S. 4 – 163. (in Russ)
- 24 Tartakovskaya I. N. Zachem nuzhen vtoroj «Gender dlya “chajnikov”» [Why do we need a Second «Gender for “Dummies”»] //Gender dlya «chajnikov» - 2. M.: «Zven'ya», 2009. S. 7 – 23. (in Russ)
- 25 Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana [The Origin of the Family, Private Property and the State: In Connection with the Researches of Lewis H. Morgan] //Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e. T. 21. M., 1961. S. 23 – 178. (in Russ)
- 26 Shaburova O. V. Gendernye issledovaniya [Gender Studies] //Sovremennyy filosofskij slovar'. Izd. 2-e, ispr. i dop. – London, Frankfurt-na-Majne, Parizh, Lyuksemburg, Moskva, Minsk: PANPRINT, 1998. – S. 180 – 183. (in Russ)
- 27 Bovuar S. de. Vtoroj pol [The Second Sex]. T. 1 i 2. M.: «Progress»; SPb.: «Aletejya», 1997. – 832 s. (in Russ)
- 28 Skott Dzh. Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: A Useful Category of Historical Analysis] //Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II. Hrestomatiya. Har'kov: HCGI; SPb.: «Aletejya», 2001. S. 405 – 436. (in Russ)
- 29 Evola Yu. Metafizika pola [Metaphysics of Sex]. - M.: «Belovod'e», 1996. – 444 s. (in Russ)
- 30 Moda [Fashion]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Moda> (in Russ)
- 31 Svendsen L. Filosofiya mody [The Philosophy of Fashion]. - M.: Progress-Tradiciya, 2007. – 256 s. (in Russ)
- 32 Yan Czya. Semiotika mody (kostyuma) v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii [The Semiotics of Fashion (Costume) in the Context of Intercultural Communication]. Avtoreferat dis. ... Kand. kul'turologii. Shuya, 2011. – 16 s. (in Russ)
- 33 Batishchev G. S. Vvedenie v dialektiku tvorchestva [Introduction to the Dialectics of Creativity]. - SPb.: RHGI, 1997. – 463 s. (in Russ)
- 34 Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The Fashion System: Essays on the Semiotics of Culture]. - M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2003. - 512 s. (in Russ)

Ташбулатова М. К., Саудабекова Э. К.
Бірегейлік және оның семиозы

Аңдатпа. Мақала адам бірегейлігі және оның белгі қамтамасыз етілуі (семиоз) мәселесіне арналған. Ол әлеуметтік философияда, психологияда, әлеуметтануда және кейбір басқа ғылымдарда «сәйкестік» терминінің орнына «бірегейлік» терминін қолданудың негіздемесін түсіндіреді, өйткені ол осы салаларда арнайы функцияны атқарады және диалектикалық логикаға емес, формальды логикаға бағынады. Сондай-ақ, «сәйкестік» термині олардың контекстінде ерекше тұжырымдамалық жүктемені көтермейтін жағдайларда қолданылуы мүмкін екендігі атап өтіледі. Күрделі әлеуметтік-мәдени тұтастықта өмір сүретін, планетаның барлық елді мекендерінде өмір сүретін, сондай-ақ анағұрлым күрделі құрылымдарға (тіпті мемлекеттік) қосылған жеке адам бір немесе бірнеше бірегейліктерге ие бола алмайды деген тезис негізделеді. Адам ретінде ол полиидентті болып табылады. Және ол еңгізілген әлеуметтік-мәдени жүйе неғұрлым үлкен болса, соншалықты көп бірегейліктерге ие болады. Бұл ретте, біріншіден, оның барлық бірегейліктері ол үшін бірдей маңызды және құнды емес (ол болмағанды қалайтындар да бар), екіншіден, әлеуметтік-мәдени тұтастық тұрғысынан және оның жеке тұлға тұрғысынан оның бірегейліктерінің әртүрлі маңызы мен құндылығы бар. бірдей емес. Бірегейлік феноменінің, әдетте, құндылықпен немесе құндылықтың бейтарап аспектілерімен қатар, әрқашан семиотикалық маркерлері де болады. Мақалада бұл XX ғасырда және қазіргі XXI ғасырда диктаты ерекше күшті болған сән феномені мысалында көрсетілген.

Түйін сөздер: бірегейлік, өзіндік бірегейлігі, диалектикалық логика, формальды логика, семиоз, еркек, әйел, жыныс, гендер, сән.

Tashbulatova M., Saudabekova E.
Identity and its semiosis

Abstract. The article is devoted to the problem of human identity and its symbolic provision (semiosis). It substantiates and justifies the use of the term «identity» rather than «sameness» in social philosophy, psychology, sociology, and some other disciplines, as it serves a specialized function in these fields and is subject to formal rather than dialectical logic. It is also noted that the term «identity» can be used in cases where it does not carry a special conceptual load in these contexts. It substantiates the thesis that an individual living in a complex sociocultural whole –and virtually all human settlements on the planet are such, especially those included in more complex entities (including states) – cannot possess only one or a few identities. As a person, they are polyidentical. And the larger the sociocultural system they are included in, the greater the number of identities they possess. Moreover, firstly, not all of his identities are equally significant and valuable to him (there are some he would prefer not to have), and secondly, from the perspective of the sociocultural whole and from the perspective of the individual, his identities have different significance and value. The phenomenon of identity, as a rule, along with value-based or value-neutral aspects, always also has semiotic markers. This article demonstrates this using the example of the phenomenon of fashion, the dictates of which became especially strong in the 20th and now 21st centuries.

Key words: identity, self-identity, dialectical logic, formal logic, semiosis, man, woman, sex, gender, fashion.

Вклад авторов: идея темы, постановка проблемы исследования, разработка методологии исследования, поиск и анализ научной и философской литературы – **совместно**; **Ташбулатова М.К.**, анализ феномена идентичности в философском и социально-гуманитарном контексте, подготовка введения и окончательной версии статьи; **Саудабекова Э.К.**, анализ знаковых механизмов конструирования идентичности (раздел «Семиотические маркеры идентичности») и моды как семиотического маркера идентичности, подготовка заключительной части статьи, редактирование текста, участие в согласовании окончательной версии статьи.

Поступила: 25.02.2026

Принята: 14.05.2026

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF CAUSAL RELATIONSHIPS IN THE UNIVERSE

¹**S. Jumaniyozova***

¹Republican Center of Spirituality and Enlightenment (Tashkent, Uzbekistan)

¹pnr9323@mail.ru

¹**С.Б. Жуманиёзова**

¹Республикалық руханият және ағарту орталығы (Ташкент, Ўзбекстан)

¹pnr9323@mail.ru

Citation: Jumaniyozova S.B. Philosophical aspects of causal relationships in the universe // Al-Farabi. – 2026. – Vol. 25. № 2(94). – P. 96-106.

Abstract. This article examines causality as a fundamental principle of the unity and development of the universe. The study explores the ontological, epistemological, and ethical dimensions of causality through an interdisciplinary framework that integrates dialectical-systemic, hermeneutic, and synergetic approaches. Particular attention is given to the interdependence of cause and effect, the dialectical relationship between necessity and randomness, and the role of time and motion as essential conditions of causal processes. The article analyzes the evolution of causal thought from classical philosophy to contemporary scientific paradigms, including relativity theory, quantum mechanics, systems theory, and synergetics. It argues that causality should be understood not as a linear deterministic sequence but as a dynamic and self-organizing network of interactions characterized by feedback, emergence, and probabilistic development. Special emphasis is placed on the anthropic principle and the role of consciousness as a higher form of causality that introduces purpose, meaning, and ethical responsibility into the structure of reality. The study concludes that causality constitutes a universal principle linking nature, consciousness, and culture within an evolving and interconnected cosmos.

Keywords: cause and effect, anthropic principle, randomness, quantum mechanics, theory of relativity, space, time.

Introduction

The idea of the unity of the universe is grounded in the existence of causal relationships arising from the wholeness of being. Space and time constitute the fundamental framework of this unity, organizing the interconnection of all entities and ensuring the transformation of potentiality into actuality [3, p. 218]. These categories are not merely empirical concepts but metaphysical constants through which existence unfolds. Human experience demonstrates that events in nature are interconnected, although their interaction reveals both necessity and randomness. As Heraclitus ob-

* Author-correspondent: S.B. Jumaniyozova, pnr9323@mail.ru

served, “Everything flows” emphasizing that change is an essential attribute of being and causality its rational expression [1, p. 15]. Aristotle likewise argued that randomness does not negate causality but represents the intersection of independent causal chains [4, p. 153]. From elementary particles to galaxies, all systems operate through cause-and-effect relations governed by universal order.

The diversity of cosmic systems generates complex causal structures that sustain the dynamic equilibrium of the universe. Consequently, causality functions both as a principle of order and a mechanism of development, uniting change and stability within a single process [2]. The problem of causality has occupied a central place in philosophical thought. Aristotle’s doctrine of the four causes-material, formal, efficient, and final-provided a comprehensive framework for explaining natural and artificial phenomena [4, p.153]. By linking causality with teleology, he argued that every process tends toward an inherent purpose. Thomas Aquinas later integrated this understanding into Christian metaphysics, identifying divine causation as the ultimate source of motion and existence.

In modern philosophy, David Hume challenged the notion of objective causal necessity, reducing it to habitual associations formed in human consciousness. Responding to this skepticism, Immanuel Kant argued that causality is an a priori category of the mind that structures experience and mediates between ontology and epistemology [3, p. 218]. German classical philosophy, particularly Hegel’s dialectics, reinterpreted causality as a dynamic process in which cause and effect continuously transform into one another. Hegel maintained that necessity manifests itself through contingency, making causality a self-developing principle rather than a linear sequence of events [1, p. 15].

Twentieth-century scientific developments further expanded the concept of causation. Einstein’s theory of relativity united space and time into a single continuum and demonstrated that causal relations depend on the observer’s frame of reference [6]. At the same time, Heisenberg’s uncertainty principle revealed that causality at the quantum level is probabilistic rather than strictly deterministic [7]. Bogdanov’s Tektology introduced a systemic understanding of causality based on interdependence and feedback among subsystems, anticipating later cybernetic and synergetic approaches [5].

Contemporary philosophy of science continues to explore causality through probabilistic, systemic, and cosmological perspectives. Thinkers such as Karl Popper and Hermann Weyl emphasized falsifiability, symmetry, and the relational nature of reality [1, p. 15]. These developments culminate in modern quantum cosmology, where Everett’s many-worlds interpretation suggests the coexistence of multiple causal possibilities. Thus, causality remains a key concept at the intersection of physics, metaphysics, and cognitive science, supporting the view of the universe as a self-organizing system governed by both necessity and freedom [2].

Methodology

The study of causality requires an interdisciplinary methodology capable of integrating metaphysical reflection and scientific inquiry. Accordingly, this research employs a combined dialectical-systemic, hermeneutic, and synergetic approach. This

methodological synthesis makes it possible to interpret the universe as an interconnected system in which causes and effects continuously interact and shape future states.

The dialectical method provides the philosophical foundation of the study. Originating in the thought of Heraclitus and further developed by Hegel, dialectics views reality as a self-developing whole driven by internal contradictions. Within this framework, cause and effect are not isolated phenomena but mutually conditioning moments of a single dynamic process. Hegel's dialectical logic demonstrates that every cause becomes an effect and every effect becomes a new cause, revealing the self-mediating character of reality [8].

This perspective is complemented by the systemic approach, which interprets natural and social phenomena as interconnected hierarchical structures. Drawing on Bogdanov's Tektology, Bertalanffy's General System Theory, and cybernetics, causality is understood as a network of relations operating through feedback mechanisms [5]. In such systems, effects may influence causes, creating adaptive and self-regulating structures. Prigogine's theory of dissipative structures further shows that order can emerge from instability, demonstrating the coexistence of necessity and randomness within evolutionary processes [12].

The hermeneutic method extends the analysis beyond physical causation to the sphere of meaning. Following Schleiermacher, Dilthey, Heidegger, and Gadamer, hermeneutics treats causality as a process of disclosure and interpretation. Heidegger's understanding of *aitia* emphasizes that causation is not merely mechanical determination but the bringing of something into presence. Human cognition therefore functions as a causal act: by interpreting and conceptualizing reality, consciousness transforms potential meanings into actual knowledge. In this sense, the observer becomes part of the observed system, linking physical causation with meaning generation [3, p. 220].

The synergetic approach, developed by Haken and Prigogine, provides a scientific model for understanding self-organization and nonlinear development. It explains how complex systems evolve through interactions between order and fluctuation, where small causes may produce large effects. Synergetics bridges classical determinism and quantum indeterminacy, demonstrating that causality is probabilistic, relational, and evolutionary rather than purely mechanical [2; 12]. The concepts of feedback, bifurcation, and autopoiesis further reveal the recursive nature of causal processes in both living systems and human cognition.

Methodologically, this study combines classical philosophical perspectives-including Aristotle's teleological causality, Aquinas's metaphysical hierarchy, and Kant's a priori categories-with modern scientific paradigms such as relativity theory, quantum mechanics, and systems theory. This integration recognizes that no single discipline can fully explain the complexity of causation. Philosophy provides conceptual interpretation, science offers empirical insight, and logic supplies formal coherence.

The research also adopts a comparative-historical perspective, tracing the development of causal thought from antiquity to contemporary philosophy and science. By comparing metaphysical, scientific, and cybernetic models, the study highlights both the continuity and transformation of causal concepts across intellectual traditions.

Finally, causality is approached as both a cognitive and ethical category. Cognitively, knowledge arises through the transformation of experience into meaningful patterns. Ethically, causality grounds responsibility, since every action produces consequences. Following Whitehead's process philosophy and Kant's moral philosophy, the study recognizes that the analysis of causality is inseparable from questions of value and human responsibility [17].

By integrating dialectical, hermeneutic, and synergetic perspectives, the methodology presents causality as a universal principle connecting knowledge and existence, motion and meaning, necessity and freedom. This interdisciplinary framework allows causality to be understood as the dynamic logic through which reality continuously organizes, develops, and interprets itself.

The Interdependence of Cause and Effect

The relationship between cause and effect constitutes one of the fundamental principles of philosophy and science. Causality is not an external law imposed on reality but an immanent principle through which the universe maintains coherence and development [2]. Every state of reality arises from preceding conditions and becomes the basis for subsequent transformations. Aristotle explained this process through the transition from potentiality to actuality and emphasized the roles of efficient and final causes in the unfolding of the cosmos [4, p. 153].

Spinoza interpreted causality as the expression of a single infinite substance, where all events are interconnected within a necessary order [1, p. 15]. Hegel further developed this idea by arguing that cause and effect are not separate entities but different moments of the same process. Every cause becomes an effect, and every effect becomes a cause, making causality circular and dialectical rather than purely linear [1, p. 15]. Consequently, causality appears as a principle that unites continuity and change within a single dynamic system [3, p. 218].

This understanding is reinforced by systemic and synergetic approaches. Bogdanov's Tektology and General System Theory view causality as a network of interdependent relations operating through feedback mechanisms [5]. In such systems, effects may influence their causes, creating adaptive and self-regulating structures. Synergetics extends this perspective by demonstrating that complex systems evolve through nonlinear interactions, where fluctuations can generate new forms of order [12]. Causality therefore appears not only as a mechanism of stability but also as a source of development and creativity.

The human dimension introduces intentional and teleological forms of causality. Unlike natural processes, human actions are guided by goals, values, and meanings. Aristotle's concept of final causality finds a modern expression in Kant's teleology of reason, according to which individuals actively shape the causal structure of their world through conscious action [3, p. 220]. Teilhard de Chardin's concept of the noosphere further emphasizes the role of consciousness as a medium through which the universe becomes aware of itself and participates in its own evolution.

From an epistemological perspective, causality is inseparable from cognition. Knowledge is both an effect of reality and a cause of transformation, as human understanding reorganizes experience and influences future action. Contemporary physics and cognitive science reinforce this view by demonstrating that observation and interpretation participate in the formation of reality [6].

Modern cosmology also supports the principle of causal interconnectedness. Relativity theory describes the universe as a network of causal relations structured by spacetime, while quantum entanglement reveals forms of nonlocal interdependence that challenge classical distinctions between cause and effect [6]. The anthropic principle similarly suggests that the causal structure of the universe is compatible with the emergence of life and consciousness [3, p. 220].

Thus, the interdependence of cause and effect reveals causality as a universal ontological principle that integrates nature, consciousness, and culture into a single evolving whole. It functions not only as a law of physical processes but also as a principle of meaning, development, and human responsibility [1, p. 15].

Necessity and Randomness

The relationship between necessity and randomness is one of the central problems of causal philosophy. Necessity expresses the lawful and ordered structure of reality, whereas randomness reflects contingency and unpredictability arising from the interaction of multiple causal processes [2]. However, these principles should not be understood as opposites; rather, they represent interconnected aspects of a single reality.

In ancient philosophy, necessity was associated with the rational order of the cosmos. Heraclitus linked it to the *logos*, while Aristotle distinguished logical, natural, and hypothetical forms of necessity [1, p. 15; 4, p. 153]. At the same time, Aristotle defined chance as the intersection of independent causal chains, emphasizing that randomness does not negate causality but represents a particular mode of its manifestation [4, p. 153]. Epicurus introduced the idea of indeterminacy through the concept of the atomic *clinamen*, suggesting that spontaneity and freedom are possible within nature. This intuition anticipated modern scientific perspectives, particularly quantum mechanics, where events at the microscopic level are described probabilistically rather than deterministically [6].

Medieval and modern philosophy further developed the problem. Thomas Aquinas viewed contingency as compatible with divine order, while Leibniz combined determinism with the principle of sufficient reason, according to which nothing occurs without a cause [2; 3, p. 218]. Hume challenged the objective necessity of causal relations, interpreting them as habitual associations in human experience. In response, Kant argued that necessity is an a priori category of reason that structures all possible experience [3, p. 218]. A significant synthesis was achieved in Hegel's dialectics. Hegel maintained that necessity manifests itself through contingency and that what appears accidental from a limited perspective may be necessary from the standpoint of the whole [1, p. 15]. Consequently, development emerges

through the interaction of inner necessity and external conditions, transforming randomness into a factor of change and self-realization.

Contemporary science supports this dialectical perspective. Quantum theory reveals objective indeterminacy, while synergetics demonstrates that fluctuations and random events can generate new forms of order [12]. In complex systems, randomness acts as a source of innovation, whereas necessity provides structural coherence. Biological evolution, for example, depends on random mutations, but their preservation is governed by the necessity of natural selection.

Thus, necessity and randomness should be understood as complementary dimensions of causality. Necessity ensures continuity and order, while randomness enables novelty and development. Their interaction underlies the dynamic and creative character of the universe.

Scientific Developments: From Determinism to Probability

The nineteenth and twentieth centuries significantly transformed the understanding of causality. Classical determinism, exemplified by Laplace's concept of an intellect capable of predicting all future events from complete knowledge of initial conditions, was challenged by developments in modern physics.

Quantum mechanics demonstrated that uncertainty is an objective feature of reality rather than a limitation of human knowledge. Heisenberg's uncertainty principle showed that the position and momentum of a particle cannot be determined simultaneously with complete precision, introducing probability into the structure of causality [6]. Likewise, Einstein's theory of relativity revealed that causal relations depend on the observer's frame of reference, making temporal order relative rather than absolute [7].

Further developments in systems theory and synergetics expanded this perspective. Prigogine's theory of dissipative structures demonstrated that order could emerge from instability and that small fluctuations may generate large-scale transformations in open systems [12]. Consequently, randomness appears not as the absence of causality but as a factor of development and self-organization.

From a philosophical standpoint, chance reflects the complexity of causal networks rather than the absence of underlying order. Bogdanov emphasized that different types of systems generate varying degrees of predictability, while Whitehead viewed every event as a synthesis of determination and novelty [5; 17]. Thus, contemporary science increasingly understands causality as a dynamic interplay of necessity and probability, where order and uncertainty coexist within the evolutionary development of the universe.

Synergetic and Evolutionary Models

The synergetic paradigm provides an important framework for understanding the relationship between necessity and randomness. According to Haken and Prigogine, complex systems evolve through the interaction of order and fluctuation. Order parameters represent structural necessity, while fluctuations introduce variability and innova-

tion. At critical points, systems may undergo bifurcation and follow alternative paths of development [12].

From this perspective, evolution does not contradict causality but represents its dynamic expression. In biological evolution, random mutations generate diversity, whereas natural selection determines which forms persist. Similarly, social and cultural innovations emerge unpredictably but survive only when they correspond to existing structural and value conditions. Randomness therefore acts as a source of creativity, while necessity ensures continuity and coherence.

The synergetic model also has anthropological and ethical significance. Human freedom emerges within objective conditions and is realized through conscious choice. As Sartre argued, individuals create themselves through decisions made within the limits of necessity. Kant's moral philosophy similarly interprets freedom as the rational realization of universal principles rather than the absence of causality [3, p. 220].

Consequently, necessity and randomness should be viewed as complementary dimensions of development. Necessity provides order and stability, whereas randomness enables innovation and transformation. Their interaction explains the evolutionary character of natural, social, and cultural processes and demonstrates that causality is not a rigid chain of events but a dynamic and creative principle of becoming [1, p. 15; 7].

The Problem of Time and Motion

Time and motion are fundamental conditions of causality. Every causal relation presupposes change, while every change unfolds in time. Thus, time and motion are not merely measures of events but ontological forms through which reality develops [3, p. 218].

In classical philosophy, Aristotle defined time as the measure of motion with respect to before and after, linking temporality directly to the realization of potentiality in actuality [4, p. 153]. This understanding established the close relationship between causality, change, and becoming. Kant later transformed this perspective by arguing that time is an a priori form of intuition. According to him, temporal succession is not derived from experience but constitutes the framework that makes causal experience possible [3, p. 218]. Consequently, causality and temporality are inseparable conditions of human knowledge.

A different interpretation was proposed by Bergson, who distinguished measurable time from lived duration (*la durée*). He emphasized that real time is a continuous process of becoming rather than a sequence of discrete moments [9]. This view highlights the creative and evolutionary character of temporal processes.

The scientific understanding of time changed significantly with Einstein's theory of relativity, which united space and time into a single continuum and demonstrated that temporal order depends on the observer's frame of reference [6]. Although causality remains preserved, its structure becomes relational rather than absolute [7]. Quantum mechanics introduced further complexity by revealing that events at the microscopic level are governed by probabilities rather than strict determinism. Heisen-

berg's uncertainty principle showed that causal relations cannot always be described through precise temporal sequences [6].

Modern theories of self-organization and thermodynamics add another dimension to the problem. Prigogine demonstrated that irreversible processes and entropy provide time with a direction, often described as the "arrow of time" [12]. At the same time, open systems are capable of generating new forms of order, making temporality not only a process of decay but also a source of creativity and development.

Existential and phenomenological philosophy further deepened the concept of time. Heidegger interpreted temporality as the horizon of human existence, arguing that past, present, and future are interconnected dimensions through which individuals realize possibilities and assume responsibility for their actions [1, p. 15]. In this sense, time becomes not only a physical but also an ethical and existential category.

Contemporary cosmology and information theory increasingly regard time as an emergent and relational phenomenon arising from interactions within complex systems. These approaches support the view that time and motion form a dynamic continuum through which causality unfolds. Every transformation-from microscopic process to cosmic evolution-represents the transition from potentiality to actuality, making temporality an essential condition of becoming.

Thus, the unity of time and motion reveals the dynamic nature of existence. Causality cannot be separated from temporality, since every cause presupposes a before and every effect an after. At the same time, modern philosophy and science demonstrate that temporal order is relational, probabilistic, and evolving, reflecting the complex and self-organizing character of the universe.

The Anthropic Principle and the Role of Consciousness

Consciousness introduces a distinctive dimension into causality by transforming physical determination into purposeful and reflective action. Unlike natural processes, human activity is guided by intentions, values, and meanings. Aristotle's concept of final causality (*causa finalis*) provides the philosophical foundation for this view, explaining causality not only in terms of how events occur but also why they occur [4, p. 153].

The teleological interpretation of causality was further developed by Aquinas, Kant, and Hegel. While Aquinas associated final causality with divine order, Kant emphasized the active role of reason in organizing experience and constructing purposive frameworks [3, p. 220]. Hegel interpreted consciousness as the stage at which reality becomes aware of itself, transforming necessity into freedom through self-reflection [1, p. 15].

In modern cosmology, these ideas are reflected in the anthropic principle. Formulated by Brandon Carter and later developed by Barrow and Tipler, it argues that the fundamental constants of the universe permit the emergence of life and consciousness [15]. The weak version states that observers exist because the universe allows their existence, whereas the strong version suggests that the universe must possess properties that make observers possible. In this sense, consciousness appears not merely as

a product of cosmic evolution but as an essential component of the universe's intelligibility.

Teilhard de Chardin expanded this perspective through the concept of the noosphere, describing evolution as a progression from matter to life and from life to consciousness [14]. Human beings represent the stage at which the universe becomes capable of reflecting upon itself. Consciousness therefore functions as a higher form of causality, transforming knowledge into new forms of cultural, scientific, and moral development.

From a systemic perspective, consciousness operates as a feedback mechanism within cosmic evolution. Through cognition, technology, and ethical action, humanity continuously reshapes the conditions of future development. Knowledge becomes both an effect of reality and a cause of further transformation [5]. This reciprocal relationship highlights the role of consciousness as an active participant in the causal structure of the universe.

The ethical implications of this perspective are significant. If human beings participate in universal causality, every action generates consequences that extend beyond the individual. Responsibility therefore arises from awareness of causal interdependence. Freedom is not the absence of necessity but its conscious realization through reason and moral choice [1, p. 15].

Contemporary discussions in quantum physics and participatory cosmology further emphasize the role of observation and information in the constitution of reality [6]. Although interpretations differ, they reinforce the idea that consciousness cannot be treated as external to the universe it seeks to understand. Rather, consciousness functions as both an outcome and a continuation of cosmic evolution.

Thus, the anthropic principle and the philosophy of consciousness reveal causality as a process that culminates in self-reflection. Through knowledge, creativity, and ethical action, humanity participates in the ongoing self-organization of the universe, linking necessity and freedom, nature and meaning, within a single evolutionary process.

Conclusion

Causality represents the fundamental law of the universe - the inner logic that unites all forms of being. Every phenomenon arises from a previous cause and, in turn, becomes a cause for what follows. This continuous interaction ensures the coherence and development of the cosmos. The dialectical unity of necessity and randomness shows that the universe is both lawful and creative: necessity provides stability, while chance introduces innovation and freedom.

Time and motion express the dynamic form of causality, transforming existence into an ongoing process of becoming. With the emergence of consciousness, causality attains self-reflection - the universe becomes aware of itself through the human mind. Thus, causality evolves from mechanical determination to moral and teleological awareness.

Understanding causality means recognizing humanity's responsibility within the cosmic order. Every action, thought, and intention contributes to the evolution of the whole. Therefore, causality is not only a principle of nature but also an ethical imperative - a bridge connecting knowledge and virtue, freedom and necessity, matter and spirit into one unified system of being.

List of references

- 1 Hegel, G. W. F. Science of Logic. Moscow: Mysl, 1970. – 415 p.
- 2 Spinoza, B. Ethics. Moscow: Nauka, 1989. – 312 p.
- 3 Kant, I. Critique of Pure Reason. Moscow: Eksmo, 2006. – 564 p.
- 4 Aristotle. Metaphysics. Moscow: Nauka, 1975. – 398 p.
- 5 Bogdanov, A. A. Tektology: The Universal Organizational Science. Moscow: Economics, 1980. – 328 p.
- 6 Einstein, A. Relativity: The Special and the General Theory. London: Routledge, 1960. – 168 p.
- 7 Heisenberg, W. Physics and Philosophy: The Revolution in Modern Science. New York: Harper, 1958. – 213 p.
- 8 Bergson, H. Creative Evolution. Moscow: Progress, 1998. – 320 p.
- 9 Whitehead, A. N. Process and Reality. New York: Macmillan, 1978. – 413 p.
- 10 Heidegger, M. Being and Time. Moscow: Ad Marginem, 1997. – 384 p.
- 11 Teilhard de Chardin, P. The Phenomenon of Man. New York: Harper & Brothers, 1959. – p.320
- 12 Wheeler, J. A. At Home in the Universe. New York: Springer, 1996. – 180 p.
- 13 Bohm, D. Wholeness and the Implicate Order. London: Routledge, 1980. – 200 p.
- 14 Prigogine, I., & Stengers, I. Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. New York: Bantam Books, 1984. – 349 p.
- 15 Carter, B. Large Number Coincidences and the Anthropic Principle in Cosmology. In: IAU Symposium 63: Confrontation of Cosmological Theories with Observational Data. Dordrecht: Reidel, 1974. – pp. 291–298.
- 16 Barrow, J. D., & Tipler, F. J. The Anthropic Cosmological Principle. Oxford: Oxford University Press, 1986. – 706 p.
- 17 Popper, K. The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson, 1959. – 480 p.

С.Б. Жуманиёзова

Ғаламдағы себеп-салдар байланыстарының философиялық аспектілері

Аңдатпа. Мақалада себептілік Әлемнің бірлігі мен дамуының іргелі қағидаты ретінде қарастырылады. Зерттеуде диалектикалық-жүйелік, герменевтикалық және синергетикалық әдіснамаларды біріктіретін пәнаралық тәсіл негізінде себептіліктің онтологиялық, эпистемологиялық және этикалық қырлары талданады. Ерекше назар себеп пен салдардың өзара байланысына, қажеттілік пен кездейсоқтықтың диалектикалық бірлігіне, сондай-ақ уақыт пен қозғалыстың себептік үдерістердің негізгі шарттары ретіндегі рөліне аударылады. Себептілік туралы түсініктердің классикалық философиядан бастап қазіргі ғылыми парадигмаларға дейінгі эволюциясы, оның ішінде салыстырмалылық теориясы, кванттық механика, жүйелік тәсіл және синергетика тұрғысынан қарастырылады. Мақалада себептілікті оқиғалардың сызықтық

детерминацияланған тізбегі ретінде емес, кері байланыстарға, эмердженттілікке және ықтималдық сипаттағы дамуға негізделген өздігінен ұйымдасатын әрі динамикалық өзара әрекеттесу жүйесі ретінде түсіну қажеттігі негізделеді. Сонымен қатар, антроптық принцип пен сананың шынайылық құрылымына мақсаттылықты, мағынаны және этикалық жауапкершілікті енгізетін себептіліктің жоғары формасы ретіндегі рөлі талданады. Зерттеу нәтижесінде себептілік табиғатты, сананы және мәдениетті өзара байланысқан әрі үнемі дамып отыратын ғарыштық тұтастық аясында біріктіретін әмбебап қағидат ретінде тұжырымдалады.

Түйін сөздер: себеп пен салдар, антроптық принцип, кездейсоқтық, кванттық механика, салыстырмалылық теориясы, кеңістік, уақыт.

С.Б. Жуманиёзова

Философские аспекты причинно-следственных связей во вселенной

Аннотация. В статье причинность рассматривается как фундаментальный принцип единства и развития Вселенной. Исследование раскрывает онтологические, эпистемологические и этические измерения причинности на основе междисциплинарного подхода, объединяющего диалектико-системную, герменевтическую и синергетическую методологии. Особое внимание уделяется взаимосвязи причины и следствия, диалектическому единству необходимости и случайности, а также роли времени и движения как ключевых условий причинных процессов. Анализируется эволюция представлений о причинности от классической философии до современных научных парадигм, включая теорию относительности, квантовую механику, системный подход и синергетику. Обосновывается положение о том, что причинность следует понимать не как линейную детерминированную последовательность событий, а как динамическую и самоорганизующуюся сеть взаимодействий, характеризующуюся обратными связями, эмерджентностью и вероятностным развитием. Особый акцент сделан на антропном принципе и роли сознания как высшей формы причинности, привносящей в структуру реальности целеполагание, смысл и этическую ответственность. Делается вывод, что причинность выступает универсальным принципом, объединяющим природу, сознание и культуру в рамках развивающегося и взаимосвязанного космоса.

Ключевые слова: причина и следствие, антропный принцип, случайность, квантовая механика, теория относительности, пространство, время.

Author Contributions. S. Jumaniyozova wrote the manuscript and prepared it for publication.

Received 23.03.2026

Accepted 14.05.2026

JUSTICE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND DIGITAL TRANSFORMATION (A PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

¹B. Kiyekenova, ²K. Nurmukhametova*, ³K. Bolyssova

¹Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

²Almaty Technological University (Almaty, Kazakhstan)

³Astana International University (Astana, Kazakhstan)

¹ms.bk@internet.ru, ²karlygash_krmu@mail.ru, ³kuralai_2702@mail.ru

¹Б.Б. Киекенова, ²К.Ш. Нурмухаметова, ³К.М. Болысова

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан)

²Алматы технологиялық университеті (Алматы, Қазақстан)

³Астана халықаралық университеті (Астана, Қазақстан)

¹ms.bk@internet.ru, ²karlygash_krmu@mail.ru, ³kuralai_2702@mail.ru

Citation: Kiyekenova B.B., Nurmukhametova K.Sh., Bolyssova K.M. Justice in the Context of Globalization and Digital Transformation (a Philosophical Analysis) // *Al-Farabi*. – 2026. – Vol. 25. № 2(94). – P. 107-119.

Abstract. The article presents a comprehensive philosophical analysis of the transformation of the category of justice in the context of globalization and the digital transformation of contemporary society. The study aims to identify structural changes in the normative foundations of justice under conditions of transnational economic processes, increasing global interdependence, and the expansion of algorithmic governance mechanisms. The research is based on a comparative-philosophical, normative, and analytical methodology, complemented by a hermeneutic interpretation of classical and contemporary theories of justice. Particular attention is paid to key issues such as algorithmic justice, the digital divide, data concentration, and the transformation of subjects of responsibility in digital environments. The findings demonstrate that classical theories of justice, developed within the nation-state paradigm, are insufficient for explaining emerging forms of social inequality in global and digital contexts. It is shown that digital infrastructures generate new forms of power asymmetry and resource redistribution, which require a fundamental rethinking of normative frameworks.

The scientific novelty of the study lies in the integration of global and technological dimensions into a unified theoretical model of justice and in substantiating the need to expand the normative paradigm beyond the limits of the nation-state. The study concludes that contemporary conceptions of justice must incorporate principles of global responsibility, transparency of algorithmic decision-making, and the protection of human dignity in conditions of technological modernization. The practical significance of the research lies in its potential application for the development of normative frameworks for digital governance and social policy regulation.

* Author-correspondent: K.Sh. Nurmukhametova, karlygash_krmu@mail.ru

Keywords: justice; globalization; digital transformation; algorithmic justice; global responsibility

Introduction

The category of justice occupies a central position in philosophical reflections on social order and political organization. Throughout the history of philosophy, justice has functioned as a fundamental normative principle regulating the distribution of resources, power, rights, and responsibilities. From classical antiquity to modern political theory, justice has been conceptualized as the cornerstone of legitimate social arrangements and institutional stability. Classical philosophical traditions, beginning with Plato's conception of justice as harmony within the state [1, p. 112–120], and later developed in modern political philosophy, including liberal distributive models [2, p. 3–10], conceptualized justice primarily within relatively stable and territorially bounded political communities, most notably the nation-state.

Within this classical paradigm, justice presupposed a centralized and coherent normative space in which institutional actors were identifiable, political authority was formally structured, and mechanisms of redistribution operated within stable governance frameworks. Justice was therefore closely associated with juridical order, political sovereignty, and institutional legitimacy.

However, contemporary transformations driven by globalization and digitalization challenge the adequacy of these traditional models. Globalization intensifies transnational economic flows, political interdependence, and cross-border institutional interactions, thereby weakening the exclusivity of state-centered normative frameworks. Economic and informational power increasingly operates beyond territorial boundaries, complicating traditional assumptions about distributive responsibility and political accountability. Contemporary debates on global justice highlight these transformations [3, p. 169–175; 4, p. 20–25; 5, p. 122–130; 6, p. 45–52].

At the same time, digital transformation introduces algorithmic governance, artificial intelligence systems, platform economies, and large-scale data infrastructures that mediate decision-making processes and influence access to opportunities. These developments do not merely modify administrative techniques but fundamentally reshape the conditions of social coordination and normative evaluation. As contemporary research in information ethics indicates, digital infrastructures function not only as technical systems but also as normative environments that structure social interaction, redistribute informational power, and redefine institutional practices [8, p. 134–140; 9, p. 230–240].

Furthermore, the expansion of platform-based economies and data-driven governance systems generates new forms of asymmetry in power and resource distribution. Algorithmic systems influence access to employment, financial services, and public goods, while data concentration creates new forms of structural inequality [10, p. 1–10; 11, p. 75–90; 12, p. 12–20; 13, p. 35–45].

The choice of this research topic is determined by the existence of a conceptual gap in contemporary philosophical discourse. While numerous studies address global

justice, digital ethics, and algorithmic governance separately, there remains a lack of a unified theoretical framework that integrates globalization and digital transformation within a comprehensive model of justice. This fragmentation necessitates a systematic philosophical synthesis.

The relevance of the study is determined by the growing global interdependence, the intensification of transnational processes, and the increasing role of digital infrastructures in political, economic, and administrative practices. The object of the research is the concept of justice within contemporary social transformations, while the subject of the study is the transformation of its normative foundations under conditions of globalization and digitalization. The aim of the study is to demonstrate that justice in the twenty-first century must extend beyond the nation-state paradigm and incorporate both global and technological dimensions.

Methodology

The present study is based on a theoretical and conceptual analysis of justice as a dynamically transforming normative category under conditions of globalization and digital transformation. Justice is approached not as a fixed moral principle, but as a historically evolving normative architecture shaped by institutional configurations, political sovereignty, socio-economic structures, and technological mediation. This perspective enables the analysis of justice as a structural element of social order embedded in broader relations of power, legitimacy, and institutional design.

The research is grounded in a corpus of more than forty scholarly sources selected for their theoretical relevance to the transformation of justice. The corpus includes classical philosophical works [1; 2; 14; 15], major contributions to global justice theory [3–6], and contemporary interdisciplinary studies addressing digital governance, artificial intelligence, data ethics, and platform economies [8–13]. The selection of sources was guided by the following criteria:

- conceptual relevance to justice theory;
- engagement with globalization or digital transformation;
- contribution to normative and structural analysis rather than purely technical description.

The methodological framework combines comparative-philosophical analysis, conceptual analysis, and normative theory construction. Elements of hermeneutic interpretation are applied to reconstruct classical and contemporary theories of justice. This methodological approach is justified by the nature of the research object: the study focuses on transformations in normative presuppositions, structures of legitimacy, and forms of responsibility rather than on empirical measurement or statistical evaluation.

A central methodological step consist in distinguishing between two historically differentiated normative configurations of justice:

- justice within territorially bounded sovereign political communities;
- justice within transnational, digitally mediated, and algorithmically structured environments.

In classical frameworks, justice is associated with centralized institutional authority, clearly defined structures of responsibility, and legal regulation within sovereign states. This model presupposes stable governance structures and predictable mechanisms of accountability [1; 2]. In contrast, contemporary global-digital conditions are characterized by the redistribution of normative authority across multiple levels, including supranational institutions, transnational actors, digital platforms, and algorithmic infrastructures [10–13].

Digital transformation introduces algorithmic mediation as a key factor shaping access to resources, opportunities, and decision-making processes. In this context, justice becomes embedded in technological infrastructures and data-driven systems that influence social coordination and institutional practices [8–9; 13]. The emergence of platform economies and data concentration further contributes to new forms of structural inequality and asymmetry of power [9–11].

To structure this comparative analysis, the study employs an analytical matrix distinguishing differences in spatial organization, authority structures, modes of mediation, forms of agency, and the core focus of justice. This matrix functions as an analytical tool that allows the identification of structural transformations in key normative categories such as responsibility, legitimacy, and distribution.

The central research question guiding the study is: how do globalization and digital transformation reshape the normative architecture of justice? The working hypothesis posits that these processes generate new forms of structural inequality and normative complexity that cannot be adequately explained within traditional nation-state-centered frameworks.

The research is conducted in four stages:

- reconstruction of classical justice paradigms;
- analysis of globalization as a transformation of distributive space and political authority;
- examination of digital transformation and algorithmic governance; and
- conceptual synthesis into an expanded model of justice incorporating global and technological dimensions.

The interdisciplinary dimension of the methodology allows the integration of political philosophy, global ethics, digital governance studies, and socio-technical theory. At the same time, the study maintains a normative orientation, focusing on justice as a principle of legitimacy and social regulation.

The novelty of the methodological approach lies in interpreting justice transformation as a shift in normative architecture rather than as a simple extension of distributive theory. The main limitation of the study is its conceptual nature, as empirical validation of digital inequalities and algorithmic effects lies beyond its scope. Nevertheless, the proposed framework provides a theoretical basis for further empirical research.

This methodological approach ensures the coherence of theoretical reconstruction and allows for a systematic comparison of normative transformations across different historical and socio-technical contexts.

Main Part (Results and Discussion)

The main part of the study integrates theoretical review and analytical discussion and is structured into several subsections reflecting key dimensions of justice transformation in the context of globalization and digitalization.

1. Classical and Modern Theories of Justice

The philosophical discourse on justice has historically evolved through several normative paradigms, each reflecting specific institutional, economic, and socio-political configurations. Classical philosophy conceptualized justice as a principle of structural harmony and proportionality within a well-ordered political community. In Plato's account, justice is understood as harmony between parts of the soul and the state, emphasizing internal coherence and functional differentiation [1, p. 120–125]. Aristotle further refined this conception by distinguishing between distributive and corrective justice, thereby introducing proportional equality as a criterion for fair allocation within a bounded polity [14, p. 95–105].

Modern political philosophy rearticulated justice within the framework of individual autonomy, legal rationality, and universal moral law. Kant grounded justice in rational autonomy and juridical universality, linking it to the legitimacy of legal institutions [15, p. 45–60]. In the twentieth century, Rawls reformulated justice as fairness, introducing the “veil of ignorance” as a mechanism ensuring impartiality in institutional design [2, p. 3–10]. Rawls's model presupposes a relatively closed and self-sufficient society and therefore situates justice within the institutional structure of the nation-state. While this theory remains foundational for liberal distributive justice, its limitations become evident under conditions of global interdependence and technological mediation.

2. Global Justice and Transformation of Normative Frameworks

The intensification of globalization in the late twentieth and early twenty-first centuries has fundamentally transformed the normative conditions under which justice operates. Economic interdependence, transnational institutions, and global flows of capital, labor, and information have challenged the assumption that justice can be confined within territorially bounded political communities.

Pogge argues that global institutional arrangements contribute to structural injustice by perpetuating economic inequalities between developed and developing societies [3, p. 169–175]. Sen, in contrast, shifts attention from ideal institutional design to comparative assessments of capabilities and freedoms, thereby expanding the evaluative framework of justice [4, p. 20–25]. Fraser introduces the concept of “scales of justice,” emphasizing that globalization destabilizes the traditional Westphalian model and requires a multi-level approach to redistribution, recognition, and representation [5, p. 122–130].

Nagel highlights the tension between state-based justice and global moral obligations, arguing that principles of distributive justice presuppose shared political

authority [6, p. 45–52]. Ypi further develops this discussion by examining the limits of global political responsibility and the challenges of extending justice beyond national frameworks [7, p. 60–70].

Together, these approaches demonstrate that globalization leads to the de-territorialization of justice and necessitates the development of multi-scalar normative frameworks capable of addressing transnational inequalities.

3. Digital Ethics and Algorithmic Governance

Alongside globalization, digital transformation introduces new dimensions to the discourse on justice by embedding decision-making processes within technological systems. Digital infrastructures, artificial intelligence, and platform economies reshape both procedural and distributive aspects of social organization.

Floridi conceptualizes the “infosphere” as a normative environment in which informational processes shape moral agency and institutional responsibility [8, p. 134–140]. Nissenbaum’s theory of contextual integrity emphasizes that information flows are governed by context-dependent norms, which are often disrupted by digital technologies [9, p. 230–240].

Pasquale highlights the problem of algorithmic opacity, describing contemporary society as a “black box” in which decision-making processes are not transparent to affected individuals [10, p. 1–10]. Zuboff’s concept of surveillance capitalism further demonstrates how data extraction and behavioral prediction generate new forms of economic and informational power asymmetry [11, p. 75–90].

Crawford examines the material and political costs of artificial intelligence infrastructures, revealing their dependence on global resource extraction and labor exploitation [12, p. 12–20]. Eubanks, in turn, shows how automated decision-making systems can reinforce social inequalities, particularly in public administration and welfare systems [13, p. 35–45].

These contributions indicate that digital transformation does not merely introduce new tools but fundamentally reconfigures the normative conditions of justice by embedding it within technological and infrastructural systems.

4. Structural Transformation of Justice in the Global Digital Context

The combined effects of globalization and digitalization result in a structural transformation of the normative architecture of justice. This transformation is not limited to the expansion of existing frameworks but involves a qualitative shift in the way justice is conceptualized and operationalized.

In classical models, justice is grounded in sovereign institutional structures characterized by centralized authority, clearly defined responsibility, and legal accountability. In contrast, contemporary global-digital conditions produce a redistribution of normative authority across multiple actors, including states, transnational corporations, digital platforms, and algorithmic systems.

This shift indicates not only a quantitative expansion of normative space but also a qualitative transformation of justice as a regulatory principle. Justice becomes

increasingly dependent on infrastructural mediation, where technological systems structure access to resources, opportunities, and information.

Algorithmic governance introduces hybrid forms of agency in which human decision-making is intertwined with automated processes. As a result, responsibility becomes distributed and often difficult to attribute, while transparency is replaced by epistemic opacity. Justice must therefore address not only institutional arrangements but also the design and regulation of technological infrastructures.

The structural transformation of justice also entails a reconfiguration of the relationship between power and normativity. In classical frameworks, power is institutionally bounded and normatively regulated through legal mechanisms. In contrast, within global digital environments, power is increasingly embedded in infrastructural systems that operate beyond traditional legal oversight. This shift results in the emergence of new forms of “infrastructural power,” where control over data flows, algorithmic design, and platform governance directly influences the distribution of opportunities and social outcomes. Consequently, justice must be reconceptualized not only as a normative principle but also as a regulatory response to technologically mediated power structures.

5. Case Study: Digital Transformation and Justice in Kazakhstan

The Kazakhstani case provides an illustrative example of how global and digital transformations interact within a transitional governance model. Digital modernization policies have led to the widespread implementation of e-government systems, significantly increasing access to public services and administrative efficiency.

These developments should be interpreted not merely as empirical indicators but as manifestations of deeper structural transformations in governance. Digital platforms reduce bureaucratic barriers and enhance procedural accessibility, aligning with classical principles of administrative justice.

However, the expansion of digital services does not automatically ensure substantive justice. Regional disparities in technological infrastructure, differences in digital literacy, and unequal access to digital resources produce new forms of inequality. Justice thus becomes contingent upon conditions of technological inclusion and digital competence.

Unlike models of surveillance capitalism dominated by private corporations [11], Kazakhstan demonstrates a hybrid system in which state institutions play a central role in coordinating digital infrastructures. This configuration modifies the distribution of normative responsibility and raises new questions concerning accountability, data governance, and institutional transparency.

In addition, the rapid digitalization of public administration in Kazakhstan raises important questions regarding long-term institutional sustainability and normative legitimacy. While digital platforms enhance efficiency and accessibility, they also create dependencies on technological infrastructures that may be vulnerable to systemic risks, including data breaches, algorithmic errors, and governance centralization. These risks highlight the necessity of developing regulatory frameworks that ensure

not only technological efficiency but also social trust, accountability, and inclusiveness in digital governance systems.

These considerations indicate that the Kazakhstani case should be understood not only as an example of digital modernization but also as a context in which new forms of normative complexity emerge. This provides a valuable basis for comparative analysis of justice models across different socio-political and technological environments.

6. Comparative Analysis of Justice Models

A comparative analysis of classical, global, and digital models of justice reveals fundamental transformations in key normative dimensions. Classical justice is grounded in territorially bounded sovereignty, centralized authority, and institutionally defined accountability. In this framework, justice operates within stable legal systems where responsibility is clearly attributed to state institutions and distributive mechanisms function within a coherent political order.

However, processes of globalization significantly expand the normative space of justice beyond national borders. Transnational economic relations, global governance structures, and supranational institutions reshape the distribution of responsibility and introduce multi-level accountability systems. Justice in this context becomes de-territorialized and operates across overlapping normative frameworks, requiring coordination between national and global actors.

Digital transformation further intensifies these shifts by embedding justice within technological infrastructures. Algorithmic governance, platform economies, and data-driven systems restructure access to resources, opportunities, and decision-making processes. As a result, justice increasingly depends on infrastructural conditions, including data availability, algorithmic transparency, and technological accessibility. This transformation introduces new forms of inequality, such as digital exclusion, data concentration, and algorithmic bias, which cannot be adequately addressed within traditional distributive frameworks.

Moreover, the transition from institutional to infrastructural mediation fundamentally alters the nature of accountability. While classical justice relies on identifiable institutional actors, digital environments involve hybrid forms of agency in which responsibility is distributed among state institutions, private corporations, and technological systems. This diffusion of responsibility complicates the attribution of accountability and challenges existing legal and normative frameworks.

The comparative perspective demonstrates that contemporary justice must be understood as a multi-level and dynamically evolving normative system that integrates distributive, procedural, and technological dimensions. These transformations also reflect broader philosophical interpretations of justice as a historically evolving and context-dependent concept context-dependent concept, as also discussed in contemporary philosophical studies [17].

Analytical Dimension	Classical Model	Global Context	Digital Context
Normative Space	Nation-state, territorially bounded	Transnational, multi-level	Networked, platform-based
Structure of Authority	Centralized state institutions	Supranational and distributed governance	Hybrid (state + platforms + algorithms)
Mode of Mediation	Legal and institutional procedures	Institutional and transnational coordination	Algorithmic and infrastructural mediation
Form of Inequality	Economic and distributive inequality	Global inequality and uneven development	Digital divide, data concentration, algorithmic bias
Mechanism of Governance	State regulation and legal frameworks	Multi-level governance systems	Algorithmic governance and data-driven regulation
Accountability	Clear institutional responsibility	Shared and diffused responsibility	Hybrid and opaque accountability structures

Table 1. Transformation of Justice Models

Source: compiled by the author.

The table illustrates that the transformation of justice is not merely an expansion of existing principles but a structural reconfiguration of its normative foundations. The shift from territorially bounded governance to transnational and digitally mediated environments requires a rethinking of justice as a principle capable of addressing complex interdependencies between institutions, technologies, and global processes.

Thus, justice in the contemporary global-digital context emerges as a multidimensional concept that must reconcile sovereignty shift, infrastructural mediation, and global interdependence. This reconceptualization provides a theoretical basis for developing normative frameworks capable of responding to the challenges of digitally mediated social order.

Importantly, the comparative analysis also demonstrates that no single model provides a universally adequate framework for addressing contemporary challenges. Instead, the transformation of justice necessitates a flexible and context-sensitive approach that accounts for variations in political structure, technological development, and socio-economic conditions. This implies that normative theory must move beyond universalist abstractions toward more adaptive and multi-level frameworks capable of responding to complex and evolving social realities.

Thus, Table 1 functions not merely as a descriptive summary but as an analytical instrument for identifying structural transformations in justice theory. It reveals that the evolution of justice is characterized by increasing complexity, hybridity, and interdependence, requiring a rethinking of core concepts such as responsibility, legitimacy, and fairness. In this sense, the comparative perspective provides a crucial foundation for developing a more comprehensive and integrated understanding of justice in the global digital era.

Conclusion

The purpose of this study was to examine the transformation of the normative foundations of justice in the context of globalization and digital transformation and to substantiate the necessity of expanding classical justice paradigms beyond the nation-state framework. Through comparative-philosophical analysis, conceptual reconstruction, and normative synthesis, the research has demonstrated that justice in the twenty-first century cannot be adequately conceptualized within territorially bounded and institutionally centralized models.

The findings confirm the central hypothesis that globalization and algorithmic governance generate structural asymmetries and reconfigure the normative architecture of justice. The transition from sovereignty-centered distributive frameworks toward multi-level, transnational, and technologically mediated environments fundamentally alters the conditions under which justice is articulated and institutionalized. Justice no longer operates exclusively within identifiable institutional hierarchies but increasingly within infrastructural systems that mediate access, visibility, participation, and opportunity.

The analysis of classical, global, and hybrid governance models has made it possible to identify several key dimensions of this transformation:

- Spatial reconfiguration of justice. Globalization destabilizes the territorial confinement of justice and necessitates a multi-scalar understanding of distributive responsibility extending beyond national borders.
- Emergence of infrastructural mediation. Digital transformation embeds normative decisions within algorithmic and data-driven systems, shifting justice from institutional procedures toward infrastructural architectures.
- Diffusion of normative authority. Responsibility for just outcomes is increasingly distributed among state institutions, transnational actors, and technological systems, requiring a reconsideration of traditional models of accountability.
- Rise of epistemic opacity. Algorithmic governance introduces new asymmetries in knowledge and control, challenging classical assumptions of transparency and rational deliberation.
- Contextualization in hybrid governance systems. The Kazakhstani case demonstrates that digital modernization within transitional institutional frameworks simultaneously produces procedural efficiency and new normative tensions, highlighting the importance of context-sensitive philosophical analysis.

The study contributes to contemporary political philosophy by integrating global

justice theory with digital governance analysis within a unified conceptual framework. By conceptualizing justice as a transforming normative architecture shaped by sovereignty shift, mediated agency, and infrastructural power, the research provides a more comprehensive understanding of justice in technologically mediated societies.

Importantly, the transformation identified in this study does not imply the obsolescence of classical justice principles. Rather, it underscores the necessity of their reinterpretation under new structural conditions. Fair distribution, institutional accountability, and moral autonomy remain foundational values; however, they must be applied within global networks and algorithmically mediated environments. Justice must therefore integrate distributive, procedural, technological, and epistemic dimensions into a coherent normative model.

The practical implications of this research relate to the development of normative frameworks for digital governance, artificial intelligence regulation, platform accountability, and socially balanced public policy. Digital infrastructures should be understood not as neutral tools but as constitutive elements of normative order. Ensuring justice in digital societies requires regulatory approaches that address transparency, accessibility, inclusion, and structural equality in an integrated manner.

Future research may proceed in several directions. First, empirical investigations of algorithmic governance across specific policy domains would deepen understanding of infrastructural justice. Second, comparative studies across diverse governance models could clarify how digital transformation interacts with different institutional traditions. Third, further philosophical inquiry into epistemic justice and technological mediation may refine and expand the theoretical framework proposed in this study.

Taken together, the analysis demonstrates that justice in the era of globalization and digital transformation emerges as a multi-dimensional normative principle requiring the reconciliation of sovereignty shift, infrastructural mediation, and global interdependence. The central philosophical task is not merely to extend classical distributive theory but to reinterpret justice as a structurally adaptive concept capable of addressing the complexities of contemporary socio-technical order. The present study represents a step toward such a reconceptualization.

Moreover, the transformation of justice in the global digital era underscores the need for interdisciplinary approaches that integrate philosophy, political theory, technology studies, and governance research. Only through such integration can justice be adequately understood as a dynamic and context-dependent principle capable of addressing the complexities of contemporary socio-technical systems. This perspective reinforces the importance of developing flexible normative frameworks that remain responsive to ongoing global and technological transformations.

List of references

1 Plato. The Republic / trans. by G. M. A. Grube, rev. by C. D. C. Reeve. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2007. – 416 p.

2 Rawls J. A Theory of Justice. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 607 p.

- 3 Pogge T. World Poverty and Human Rights. – Cambridge: Polity Press, 2008. – 377 p.
- 4 Sen A. The Idea of Justice. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – 496 p.
- 5 Fraser N. Fortunes of Feminism: From State-Managed Capitalism to Neoliberal Crisis. – London: Verso, 2013. – 240 p.
- 6 Nagel T. The Problem of Global Justice // Philosophy & Public Affairs. – 2005. – Vol. 33, No. 2. – P. 113–147.
- 7 Ypi L. Global Justice and Avant-Garde Political Agency. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 256 p.
- 8 Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 256 p.
- 9 Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. – Stanford: Stanford University Press, 2010. – 288 p.
- 10 Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. – 320 p.
- 11 Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.
- 12 Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. – New Haven: Yale University Press, 2021. – 336 p.
- 13 Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. – New York: St. Martin's Press, 2020. – 288 p.
- 14 Aristotle. Nicomachean Ethics / trans. by W. D. Ross. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 352 p.
- 15 Kant I. The Metaphysics of Morals / trans. by M. Gregor. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 512 p.
- 16 Allen D. Democracy in the Time of Coronavirus. – Chicago: University of Chicago Press, 2020. – 120 p.
- 17 Gabitov T. Philosophy Basics. – Almaty: Lantar Trade, 2019. – 337 p.

Киекенова Б.Б., Нұрмұхаметова Қ.Ш., Болысова К.М.

Жаһандану және цифрлық трансформация жағдайындағы әділеттілік (философиялық талдау)

Аңдатпа. Мақалада жаһандану және қазіргі қоғамның цифрлық трансформациясы жағдайында әділеттілік категориясының өзгеруі кешенді философиялық тұрғыдан талданады. Ұлттық-мемлекеттік парадигма шеңберінде қалыптасқан классикалық әділеттілік теориялары жаһандық және цифрлық кеңістікте пайда болып жатқан әлеуметтік теңсіздіктің жаңа формаларын түсіндіруге жеткіліксіз екендігі негізделеді. Зерттеу трансұлттық экономикалық үдерістердің күшеюі, жаһандық өзара тәуелділіктің артуы және алгоритмдік басқару механизмдерінің кеңеюі жағдайында әділеттіліктің нормативтік негіздеріндегі құрылымдық өзгерістерді анықтауға бағытталған. Мақалада алгоритмдік әділеттілік, цифрлық алшақтық мәселесі, деректердің шоғырлануы және жауапкершілік субъектілерінің құрылымдық өзгерістері жан-жақты қарастырылады. Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы-философиялық, нормативтік және аналитикалық тәсілдер, сондай-ақ классикалық және заманауи әділеттілік теорияларын герменевтикалық талдау құрайды.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы – әділеттіліктің жаһандық және технологиялық өлшемдерін біріктіретін тұтас теориялық үлгіні ұсыну және нормативтік парадигманы ұлттық мемлекет шеңберінен тыс кеңейту қажеттігін негіздеу болып табылады.

Жұмыста цифрлық инфрақұрылымдардың билік асимметриясының және ресурстарды қайта бөлудің жаңа формаларын қалыптастыратыны көрсетіледі. Зерттеу нәтижесінде қазіргі заманғы әділеттілік тұжырымдамасы жаһандық жауапкершілік, алгоритмдік шешімдердің ашықтығы және технологиялық жаңғыру жағдайында адам қадір-қасиетін қорғау қағидаларын қамтуы тиіс деген қорытынды жасалады. Зерттеу нәтижелері цифрлық ортаны реттеудің нормативтік механизмдерін және әлеуметтік саясатты әзірлеуде қолданылуы мүмкін.

Түйін сөздер: әділеттілік; жаһандану; цифрлық трансформация; алгоритмдік әділеттілік; жаһандық жауапкершілік.

Киекенова Б.Б., Нурмухаметова К.Ш., Болысова К.М.

Справедливость в условиях глобализации и цифровой трансформации (философский анализ)

Аннотация. В статье представлен комплексный философский анализ трансформации категории справедливости в условиях глобализации и цифровой трансформации современного общества. Обосновывается положение о том, что классические теории справедливости, сформированные в рамках национально-государственной парадигмы, оказываются недостаточными для объяснения новых форм социального неравенства, формирующихся в глобальном и цифровом пространстве. Исследование направлено на выявление структурных изменений нормативных оснований справедливости в условиях транснационализации экономических процессов, роста глобальной взаимозависимости и распространения алгоритмических механизмов управления. Особое внимание уделяется анализу алгоритмической справедливости, проблеме цифрового разрыва, концентрации данных и трансформации структуры субъектов ответственности. Методологическую основу работы составляют сравнительно-философский, нормативный и аналитический подходы, а также элементы герменевтического анализа классических и современных теорий справедливости.

Научная новизна исследования заключается в интеграции глобального и технологического измерений в единую теоретическую модель понимания справедливости и в обосновании необходимости расширения нормативной парадигмы за пределы национального государства. В работе показано, что цифровые инфраструктуры формируют новые формы асимметрии власти и перераспределения ресурсов, требующие философского осмысления. Обосновывается вывод о том, что современная концепция справедливости должна включать принципы глобальной ответственности, прозрачности алгоритмических решений и защиты человеческого достоинства в условиях технологической модернизации. Практическая значимость результатов связана с возможностью их использования при разработке нормативных механизмов регулирования цифровой среды и социальной политики.

Ключевые слова: справедливость; глобализация; цифровая трансформация; алгоритмическая справедливость; глобальная ответственность.

Author Contributions. All authors contributed equally to the writing of the manuscript and the preparation of the article for publication.

Received 25.03.2026

Accepted 14.05.2026

INTONATION AND MEANING IN THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE

¹Zh. Balmagambetova*, ¹T. Lifanova, ²N. Kirabaev

¹ Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

² Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

¹balmagambetova_z@live.kaznu.kz, ²lifanova.tatiyana@gmail.com,

³kirabaev_ns@rudn.ru

Ж.З. Балмагамбетова, Н.С. Кирабаев, Т.Ю. Лифанова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва, Российская Федерация)

¹balmagambetova_z@live.kaznu.kz, ²lifanova.tatiyana@gmail.com,

³kirabaev_ns@rudn.ru

Citation: Balmagambetova Zh.Z., Lifanova T.Yu., Kirabaev N.S. Intonation and Meaning in the Philosophy of Language // *Al-Farabi*. – 2026. – Vol. 25. № 2(94). – P. 120-131.

Abstract: This article examines how considerations of intonation – the prosodic features of spoken language – challenge and enrich traditional philosophical models of meaning. Beginning with the formal emphasis in early analytic philosophy like logical atomism, which largely disregarded intonation as an extraneous feature, this study traces the development of thought through Frege's sense/force distinction and into the mid-20th-century speech act tradition inaugurated by J.L. Austin and further developed by John Searle. We argue that later analytic approaches incorporate elements of intonational meaning as indispensable to understanding illocutionary force and pragmatic aspects of language use.

We present that the marginalization of prosody in early analytic logic reflects a broader commitment to truth-conditional semantics and formal reconstruction, where meaning is equated with propositional structure and reference. By contrast, speech act theory and subsequent pragmatic frameworks reveal that intonation systematically contributes to how utterances function as assertions, questions, or commands within communicative practices. We demonstrate that intonation is therefore not merely an acoustic accompaniment but a structural indicator of force that enables propositions to operate as discourse moves. Thus, we here highlight a methodological and conceptual shift within analytic philosophy – from abstract logical modeling toward a pragmatics-sensitive account of meaning that integrates the performative and contextual dimensions of spoken language.

Keywords: intonation, logical atomism, sense/force, speech act, analytic approach, meaning

* Author-correspondent: Zh.Z Balmagambetova, balmagambetova_z@live.kaznu.kz

Introduction

How do linguistic expressions acquire meaning? How does meaning relate to truth, reference, and human understanding? The philosophy of language has long aimed to explain these questions. For instance, within the analytic tradition, this project initially took a strongly formal direction. Which is that meaning was analyzed through logical structure, propositional content, and truth-conditions [1]. Such an approach proved powerful in clarifying logical relations and semantic structure. Yet it systematically abstracted away from features of actual speech performance – including intonation, stress, and rhythm – that shape how utterances function in communicative practice [2].

Does intonation, understood as the patterned modulation of pitch and prosodic contour in spoken language, occupy a peculiar position in philosophical reflection? On the one hand, it does not alter the truth-value of a proposition; on the other, it plays a decisive role in distinguishing assertions from questions, commands, irony, emphasis, and evaluative stance [4]. This raises a fundamental philosophical question: can a theory of meaning that reduces semantics to truth-conditions adequately account for the performative dimension of language?

In our article we investigate how intonation moved from marginalization in early analytic philosophy to conceptual integration within speech act theory and pragmatic approaches. By tracing this development from logical atomism through Frege's sense/force distinction and into the work of Austin, Searle, and later pragmatists, we argue that intonation reveals structural limits of purely truth-conditional models of meaning. So, the evolution of analytic philosophy's treatment of prosody mirrors a deeper transformation in its conception of meaning – from static logical correspondence to dynamic participation in communicative practice.

Methodology

Our study adopts a conceptual-historical and analytic methodology. First, we employ close textual reconstruction of key figures in the analytic tradition. They include Russell, early Wittgenstein, Frege, Austin, and Searle. At this stage we clarify how each framework conceptualizes meaning and treats (or neglects) the dimension of force. Rather than offering a purely chronological narrative, in our analysis we identify structural commitments within each theoretical model, especially regarding the relation between propositional content, illocutionary force, and linguistic form.

Second, our study utilizes comparative conceptual analysis to highlight contrasts between truth-conditional semantics and pragmatic theories of language use. Particular attention is given to the ontological status of force and to the functional role of intonation as a marker of speech act type. In this framework it involves examining how prosodic features operate as force-indicating devices within communicative practice, and how their systematicity challenges strict semantic minimalism.

Third, our methodology reflects the broader shift within analytic philosophy from formal logical reconstruction toward use-sensitive and discourse-oriented

approaches. While early analytic method prioritized abstraction and formalization, later developments incorporate descriptive insights from pragmatics and linguistics. Our study does not aim to provide empirical phonetic analysis; rather, it draws on established linguistic findings to illuminate philosophical questions about meaning, force, and the structure of communicative acts.

By integrating historical reconstruction with conceptual analysis, our investigation shows that approaches to intonation can function as a theoretical perspective for understanding wider methodological shifts within analytic philosophy.

The Evolution of Intonation from Logical Atomism to Speech Act Theory

How do linguistic expressions relate to the world and to human understanding? The analytic tradition in philosophy of language has long been invested in explicating this question. It is well known that early proponents of logical atomism, such as Bertrand Russell and the early Ludwig Wittgenstein, modeled language on formal logic. In this framework they aimed to mirror reality through propositions corresponding to atomic facts [5]. In such a program, semantics is grounded in truth-conditions and referential structure, leaving little room for the prosodic features of actual speech that vary with context or speaker intention. The problem is that formal semantics of this kind tends to treat features like pitch and rhythm as external to core meaning.

Further, Gottlob Frege's innovations in semantics, especially his distinction between sense (Sinn) and reference (Bedeutung), advanced understanding of how meaning is more than mere reference [6]. Featuring his view, sentences express propositions (or thoughts), and the reference of a sentence is its truth-value, linking semantics with logical analysis. Moreover, the greatest logician acknowledged that sentences can be presented with different logical forces – as assertions, questions, or commands. Thus, it prefigured later work on illocutionary force as a component of linguistic meaning. However, his work did not fully integrate the pragmatic or prosodic dimensions into his logical framework.

Then, beginning in the mid-20th century, philosophers such as J.L. Austin and John Searle reconceptualized language as not simply a vehicle for truth-conditional content but as a medium of action [9]. In “How to Do Things with Words”, Austin developed the idea that utterances perform actions (e.g., asserting, promising, requesting). And that these actions depend on conventional and contextual conditions for success or “felicity”. Given earlier studies, Searle later systematized the notion of illocutionary force, arguing that utterances have both propositional content and illocutionary force [10], the latter indicating what kind of speech act is performed. In this view, intonation and other prosodic features become integral to how the force of an utterance is recognized and interpreted.

In what follows we broaden the abovementioned discussion in view of how intonation has evolved from its marginalization in early analytic logic to its incorporation as a necessary aspect of meaning in later pragmatic theories. Along the way, we clarify how philosophical attention shifted from an exclusive focus on formal

semantic content to include the pragmatic and performative dimensions of spoken language.

To begin with, it is important to consider that in the early analytic era logical atomism sought to reduce linguistic meaning to the structural correspondence between propositions and states of affairs in the world [1]. Atomistic theorists aimed to eliminate anything considered extraneous to propositional truth conditions. In this framework intonation and other features of speech were considered as such as they do not alter truth value. Under this view, language was ideally treated as a static system of logical forms. And the role of prosody was either ignored or relegated to psychology and not part of the logical analysis of meaning. While this body of work laid crucial groundwork for formal semantics, it left unexplained how listeners recognize whether an utterance constitutes a question, command, or another speech act – distinctions that often hinge on intonational patterns in speech.

In Russell and early Wittgenstein, logical atomism rests on four core theses:

1. The world consists of atomic facts, independent of language.
2. Atomic propositions correspond one-to-one with atomic facts.
3. Meaning is exhausted by this correspondence.
4. Logic is formal, timeless, and complete.

In this regard language is idealized as a transparent mirror of reality. Accordingly, anything not required for picturing facts is noise. This already signals the problem – intonation does not picture facts. It entailed the status of intonation as an eliminable residue. From a strict logical atomist perspective, intonation has no semantic function. Since atomic propositions have determinate sense independently of use, truth conditions do not vary with tone and the same fact either obtains or does not. So intonation cannot alter reference, truth-value or logical form. Therefore, it must be classified as psychological accompaniment, pragmatic decoration or performative excess.

Such exclusion, however, reveals a deeper structural tension. The issue is that if illocutionary force is required for propositions to function as assertions within logical discourse, then the logical atomist framework presupposes a layer of meaning it cannot formally represent. In this respect intonation exposes a limit of truth-conditional semantics. The logical form of a proposition failed to determine its mode of presentation as an assertion, question, or command. The very act of asserting – indispensable for logical analysis – depends on force, and force in natural language is systematically correlated with prosodic marking [4]. Therefore, intonation does not merely accompany meaning. It indexes the performative operator that allows propositions to enter discourse as acts.

In this way logical atomism immediately encounters trouble, treating questions as disguised assertions and translating commands into propositions about desires or obligations. In particular, replacing intonational force with propositional content is a reduction strategy, the cost of which is the loss of the lived meaning of the utterance. So intonation exposes a blind spot - logical atomism can represent *states of affairs*, but not *speech acts*, freezing language into static units.

Besides, intonation in logical atomism becomes unintelligible due to being temporal and contingent. In other words, it belongs to empirical speech, while the

mentioned theory tends toward formal languages, written symbols and mathematical logic. But here is the quiet irony. Logical atomism depends on acts of assertion to function at all. So intonation (or its logical analogue) is presupposed but unthematized. From this perspective, logical atomism needs assertoric force to get off the ground, but cannot represent it.

However, Gottlob Frege’s seminal sense and reference distinction responded to the inadequacies of a purely referential theory of meaning [6]. Frege argued that linguistic expressions have two layers of meaning: sense, which determines cognitive content, and reference, which links expressions to entities or truth-values in the world. Although Frege’s primary concern was with declarative sentences and propositional content, his work implicitly recognized that “how” a thought is presented – the logical force of an expression – matters for understanding its linguistic function. Still, Frege’s acknowledgment of force gestures toward the later distinction between propositional content and illocutionary force, even though he did not elaborate a full pragmatic theory.

In addition, Frege analyzes meaning in triadic form which is sense (*Sinn*), reference (*Bedeutung*) and force, where reference is a form and sense as cognitive content with force as illocutionary dimension present uttered meaning. Notably, intonation is recognized as functional – a factor that is not sense itself but alters how sense enters logic and communication. This suggests that Frege’s insight that the same content can be presented with different force anticipates a broader understanding of meaning where intonation and other markers help distinguish functions such as assertion from interrogation or command. His work thereby serves as a bridge between formal semantics and subsequent pragmatic theories that more fully integrate speech functions (Table 1).

Table 1 - The Status of Illocutionary Force and Intonation in Logical Atomism and Frege

Aspect	Logical atomism	Frege
Meaning	Atomic propositions	Reference
Illocutionary mark	Eliminable noise	Force (assertive, interrogative, etc.)
Propositional content	Atomic fact	Sense appeared with different force
Logical formalization	Formal	Not fully formalized within logic, but conceptually recognized

Should intonation be treated as external to semantic content, as a pragmatic indicator of force, or as part of the architecture of meaning itself? If force operators structure how propositions function in discourse, and if prosody systematically signals such operators, then intonation may occupy an intermediate ontological position: not reducible to propositional content, yet not merely peripheral. This raises the possibility that semantic theory requires expansion beyond truth-conditions to incorporate force-sensitive dimensions of linguistic structure.

Furthermore, the mid-20th century saw a pivotal shift with J. L. Austin's *How to Do Things with Words*, which inaugurated speech act theory by asserting that language is not merely descriptive but performative [9]. To overcome the issues discussed, Austin proposed that utterances perform various kinds of acts – locutionary (the act of saying something), illocutionary (the act performed in saying it), and perlocutionary (the effects produced upon an audience).

In this respect, speech acts go beyond truth/false semantics. Austin broke with the early analytic fixation on *truth-conditional meaning* (à la Frege and logical atomism) by insisting speech acts have “felicity conditions” that govern whether speech acts succeed. These include conventional procedures and norms governing language use. Importantly, some aspects of these conditions, such as intonation and prosody, are relevant for recognizing speech act types even if they are not part of the propositional content itself. This step makes meaning use-dependent – no longer confined to propositional content alone. Hence, Austin's framework opened the door for considering phonetic and prosodic features as meaningful in the context of language use.

To reinforce Austin's position, John Searle developed a more systematic account of illocutionary force [11]. In his influential *Speech Acts*, Searle treats speech acts as having two dimensions: propositional content and illocutionary force, where the latter encapsulates what type of act (asserting, questioning, commanding) the speaker is performing. According to Searle, illocutionary force can be indicated by various linguistic devices, including word order, stress, intonation contours, and verb mood. In this view Searle argues that intonation becomes a recognized part of how force is signaled, not merely an optional add-on to semantic content.

In this framework, intonation functions as an illocutionary force indicating device (IFID). This feature helps map spoken forms to functions within a speech community. For example, rising intonation may signal a question, even when the propositional content itself remains unchanged. Note that recognizing such cues is essential to interpreting utterances as specific types of speech acts, thereby integrating prosody into the mechanics of meaning.

Moreover, while Searle focused on systematizing semantic framework, P.F. Strawson emphasized speaker intention and contextual uptake. This view makes illocutionary force – and therefore meaning – situationally anchored. It means that context and interpersonal cues (intonation included) help the listener grasp force. Then, Paul Grice also elaborated the speaker's meaning *and* conversational implicature, tying force and pragmatic expectations to intentions and context [8].

Here's how the analytic tradition develops beyond Frege's sense/force distinction to incorporate intonation into meaning (Table 2):

Table 2 - Conceptions of Meaning and the Role of Illocutionary Force from Frege to Grice

Thinker	What meaning is	How force/intonation fits
Frege	Sense (thought) + Force (mode of presentation)	Force is acknowledged but not developed pragmatically
Austin	Action performed by speaking (illocution)	Intonation and context help determine illocutionary force
Searle	Content + force in a rule-governed pragmatic system	Intonation and other markers are devices indicating force
Strawson/Grice	Speaker intention and context shape force	Intonation contributes to how meaning is taken

What above table suggest is that analytic speech act theory establishes three core points that bring intonation *into* meaning:

1. Meaning isn't just truth conditions but includes *what speakers do* in saying something.
2. Illocutionary force must be indicated somehow, and intonation is a real marker of that force.
3. Speaker intentions and context matter, and intercultural/pragmatic cues like intonation are part of that.

So later analytic philosophy treats intonation not as an optional add-on (as strict logical atomism did) but as integral to how utterances are understood in context. Next, contemporary debates in semantics and pragmatics further complicate this picture. The following entails that dynamic semantics, contextualism, and common-ground theories of assertion (e.g., Stalnaker) emphasize that meaning unfolds within evolving discourse states rather than as static truth-conditions [15]. Within such frameworks, force is modeled as an update function on shared commitments. Note that, if force operates as a discourse-level operator, and if prosodic contours systematically signal that operator, then intonation becomes functionally embedded within the mechanisms that structure conversational dynamics. This suggests that the marginalization of prosody in early analytic philosophy cannot be sustained within contemporary discourse-sensitive models of meaning [16].

Finally, in contemporary linguistics, prosody refers to the suprasegmental features of speech – including intonation, stress, rhythm, and loudness – that convey emotional nuance, speaker attitude, and structural information not captured by grammar alone [18]. At this point prosody helps distinguish major sentence types (e.g., statements vs. questions) and contributes to discourse structure and focus marking [17]. Now, its role in structuring meaning echoes and complements the philosophical insights of speech act theorists, suggesting that meaning in natural language cannot be fully accounted for by formal semantics alone.

To sum up, tracing the philosophical treatment of intonation from logical atomism through Frege and into the speech act tradition reveals an evolving appreciation for the multifaceted nature of meaning. So, where early analytic models prioritized

propositional content and formal structures, later approaches recognized that language functions as action, and that features like intonation play indispensable roles in how utterances are interpreted and understood. Though Frege's sense/force distinction anticipated this development, it was through Austin, Searle, and developments in linguistic pragmatics that intonation became recognized as a substantive component of a comprehensive theory of meaning. Therefore, a full account of linguistic meaning must encompass not only semantic content but also the prosodic and contextual resources that shape how language is used in practice [21].

Methodological and Philosophical Implications of Intonation for Meaning Theory

On this view, researching intonation in the philosophy of language, focusing on its marginalization in early analytic logic and later incorporation as a necessary aspect of meaning in pragmatic theories reflects the methodology evolved from highly abstract logic-centric analysis to a pragmatics-informed study of communicative practices.

In these terms analytic philosophy originally adopted a formal logical methodology influenced by the logical positivist and logical atomist projects. Researchers trained in this approach used methods such as *logical reconstruction* and *formalization* to analyze natural language. It served to map natural sentences onto ideal logical forms that abstract away from spoken performance features. This approach explicitly designed to *ignore* features like intonation that do not neatly fit into truth-conditional frameworks.

Then in the mid-20th century ordinary language philosophers emphasized *careful description of everyday linguistic practices* as the proper methodology for philosophical inquiry. Consequently, this methodology opened the door for recognizing features such as intonation as salient to meaning because it foregrounded *use* and *context* over idealized linguistic form.

Thereafter, Austin's methodology involved *introspective analysis* of speaking situations and classifying types of speech acts based on conditions of success or "felicity," rather than on purely abstract semantics. And Searle's work introduced *systematic classification* of illocutionary types and rules that govern their use. Methodologically, both rely on detailed normative and descriptive analysis of how speakers use language in real interactions, including prosodic cues such as intonation, stress, and rhythm to signal force [20].

Although early analytic philosophy traditionally emphasized *a priori* conceptual analysis, later analytic methodologies often integrate descriptive linguistics and pragmatics to capture how spoken language actually functions. Indeed, this marks a methodological expansion: analytic philosophers now engage with empirical findings about intonation to inform philosophical accounts of meaning and communication [19].

Table 3 - Summary of Methodological Progression

Phase	Dominant Method	Treatment of Intonation
Early Analytic Logic	Formal logical reconstruction	Excluded or ignored as irrelevant
Ordinary Language Philosophy	Descriptive analysis of use	Recognized as part of linguistic behavior
Speech Act Theory	Contextual/pragmatic analysis	Integrated via illocutionary force
Interdisciplinary Pragmatics	Empirical and theoretical analysis	Central to meaning and communication

Overall, the analytic methodology for researching intonation reflects broader shifts from *formal abstraction* toward *contextual and pragmatic sophistication*. What was once marginalized as irrelevant to meaning now occupies an essential place in philosophical and linguistic accounts of how language works. This evolution underscores the importance of methodological pluralism in capturing the full complexity of human linguistic practices.

In sum, the trajectory from logical atomism to contemporary pragmatics reveals that intonation is not merely an empirical ornament of speech but a structural indicator of force – the dimension that transforms propositional content into communicative action. We learned that the philosophical issue is not simply that prosody matters, but that meaning cannot be exhaustively captured by truth-conditional structure alone. In this light intonation exposes the performative infrastructure of language: the layer at which propositions become moves within normative and social practices. Therefore, analytic philosophy's engagement with intonation mirrors a deeper transformation in its conception of meaning – from static correspondence to dynamic participation in discourse.

It appears that the analytic philosophical shift toward respecting language as used – rather than as a formal abstraction – has therefore allowed prosody and intonation to be understood not as peripheral noise but as essential components of meaningful linguistic interaction. So, the evolution of analytic philosophy's engagement with intonation mirrors its broader methodological shift: from privileging formal structure to embracing the pragmatic, contextual, and performative dimensions of language. Evidently, intonation, once marginalized, is now recognized as a necessary facet of meaning, shaping how utterances are taken and how linguistic actions are performed within communicative practices.

Conclusion

What emerges from this investigation is that the trajectory from logical atomism to contemporary pragmatic approaches reveals a significant transformation in analytic philosophy's understanding of meaning. Initially, early analytic models, guided by the ideal of logical clarity, reduced meaning to propositional structure and truth-

conditions, thereby excluding prosodic features such as intonation from the domain of semantic relevance [1]. In doing so, they achieved formal precision but at the cost of overlooking how language functions as action.

Subsequently, Frege's distinction between sense and force marked an important conceptual advance, acknowledging that propositions can be presented under different modes of force [6]. However, it was through speech act theory – particularly in the work of Austin and Searle – that force became central to the analysis of meaning [9]. Within this framework, intonation is recognized not as psychological ornamentation but as a systematic indicator of illocutionary force, enabling speakers to perform acts such as asserting, questioning, and commanding.

It follows that the philosophical significance of this development lies in its implications for semantic theory. Intonation currently demonstrates that meaning cannot be fully captured by truth-conditional content alone. Consequently, propositions become communicatively operative only when embedded within force-bearing acts, and prosodic structure plays a crucial role in signaling those acts [3]. Thus, the integration of intonation into philosophical accounts of language reflects a broader methodological and conceptual shift – from viewing language as a static mirror of reality to understanding it as a dynamic medium of normative and social interaction.

In this sense, the evolution of analytic philosophy's engagement with intonation does more than rehabilitate a neglected linguistic feature; it accordingly redefines the scope of what counts as meaning.

List of references

- 1 Russell B. Essay on Denoting // Mind. – 1905. – No.56(14). – P. 479–493.
- 2 Selkirk E. Sentence prosody: intonation, stress, and phrasing // The Handbook of Phonological Theory / ed. by J.A. Goldsmith. – Oxford: Blackwell, 1995. – P. 550–569.
- 3 Prieto P. Intonational meaning // Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. – 2015. – No.4(6). – P. 371–381.
- 4 Hirschberg J. The Pragmatics of Intonational Meaning. – AT&T Labs Research, 2002.
- 5 Griffin J. Wittgenstein's Logical Atomism. – Oxford: Oxford University Press, 1964. – 192 p.
- 6 Frege G. On Sense and Reference. – Oxford: Blackwell, 1952. – 75 p.
- 7 Katz J.J., Langendoen D.T., Miller G. Propositional Structure and Illocutionary Force: A Study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. – 276 p.
- 8 Grice H.P. Studies in the Way of Words. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. – 406 p.
- 9 Austin J.L. How to Do Things with Words. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – 175 p.
- 10 Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
- 11 Searle J.R. A taxonomy of illocutionary acts // Language, Mind and Knowledge / ed. by K. Gunderson. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. – Vol. 7. – P. 344–369.
- 12 Bach K., Harnish R.M. Linguistic Communication and Speech Acts. – Cambridge, MA: MIT Press, 1979. – 327 p.

- 13 Alston W.P. Illocutionary Acts and Sentence Meaning. – Ithaca: Cornell University Press, 2000. – 287 p.
- 14 Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. – 340 p.
- 15 Stalnaker R. Assertion // Syntax and Semantics. – 1978. – Vol. 9. – P. 315–332.
- 16 Asher N. Truth conditional discourse semantics for parentheticals // Journal of Semantics. – 2000. – Vol. 17. – P. 31–50.
- 17 Wennerstrom A. Intonation and evaluation in oral narratives // Journal of Pragmatics. – 2001. – No.8(33). – P. 1183–1206.
- 18 Wennerstrom A. The Music of Everyday Speech: Prosody and Discourse Analysis. – New York: Oxford University Press, 2001. – 272 p.
- 19 Kratzer A., Selkirk E. Phase theory and prosodic spellout: the case of verbs // The Linguistic Review. – 2007. – No.2(24). – P. 93–135.
- 20 Bazarbayeva Z.M., Amanbayeva A.Zh., Zhumabayeva Zh.T., Zhalalova A.M. The pragmalinguistic character of intonation units in discourse // Journal of Language and Linguistic Studies. – 2021. – No.4(17). – P. 2081–2095.
- 21 Lewiński M. Illocutionary pluralism // Synthese. – 2021. – Vol. 199. – P. 10427–10449.

Балмагамбетова Ж.З., Лифанова Т.Ю., Кирабаев Н.С.

Тіл философиясындағы интонация және мағына мәселелері

Аңдатпа: Мақалада интонацияны, яғни ауызша сөйлеудің просодикалық қырларын назарға алу дәстүрлі философиялық мағына модельдерін қайта пайымдауға қалай ықпал ететіні және оларды қалай толықтыратыны қарастырылады. Ерте аналитикалық философиядағы, әсіресе логикалық атомизмдегі формалистік бағдардан бастау алып, онда интонацияның көбіне косалқы құбылыс ретінде қарастырылғаны көрсетіледі; әрі қарай ой эволюциясы Фрегенің мағына/әрекет теориясы, кейін XX ғасырдың ортасында Дж. Л. Остин негізін қалаған және Джон Серль дамытқан сөйлеу әрекеттері теориясына дейін талданады. Біз кейінгі аналитикалық бағыттарда интонациялық мағынаның тілдің иллокутивтік әрекеті мен прагматикалық қырларын түсіндіруде маңызды орын алатынын дәлелдейміз.

Зерттеу ерте аналитикалық логикада просодияның дәрежеленбеуі мағынаны пропозициялық құрылым мен референцияға теңейтін, ақиқаттық семантика мен формалдық реконструкцияға негізделген жалпы ұстанымды айқындайтынын көрсетеді. Ал сөйлеу актілері теориясы мен кейінгі прагматикалық бағыттар интонацияның коммуникативтік үдерісте айтылымдардың бекіту, сұрау не бұйыру сияқты қызметтерді жүзеге асыруына жүйелі түрде қатысатынын айқындайды. Осылайша, интонация тек акустикалық акомпонент емес, пропозициялардың дискурстағы қызметін жүзеге асыратын құрылымдық көрсеткіші болып танылады. Бұл зерттеу аналитикалық философияда орын алған әдіснамалық әрі тұжырымдамалық бетбұрысты - сөйлеу барысындағы перформативтік және контекстуалдық өрістерін қамтитын мағынаны абстрактілі логикалық модельдеуден прагматикалық ой тоқу түсінігіне қарай ауысуды - көрсетеді.

Түйін сөздер: интонация, логикалық атомизм, мағына/әрекет, сөйлеу акті, аналитикалық тәсіл, мағына.

Балмагамбетова Ж.З., Лифанова Т.Ю., Кирабаев Н.С.

Проблема интонации и значения в философии языка

Аннотация. В статье анализируется, каким образом интонация - просодия устной речи – одновременно проблематизирует и дополняет традиционные философские представления о формировании смысла. Развитие идей прослеживается, начиная с ранней аналитической философии, прежде всего логического атомизма, в рамках которого интонация в значительной мере игнорировалась как второстепенный аспект, продолжая теорией значения Фреге, и с середины XX века предложенной теорией речевых актов Дж. Л. Остина, впоследствии развитой Джоном Серлем. Наша точка зрения состоит в том, что более поздние аналитические теории рассматривают интонационный смысл как неотъемлемый элемент в понимании иллокутивной функции и прагматических аспектов языка.

В работе обосновывается, что маргинализация просодии в ранней аналитической логике связано с общей семантической истинно обусловленностью и формальной реконструкцией, в рамках чего сводится к пропозициональной структуре и референции. В противоположность этому теория речевых актов и последующие прагматические подходы демонстрируют систематическую роль интонации в функционировании высказываний в коммуникативной практике в качестве утверждений, вопросов или побуждений. Тем самым интонация выступает не просто как акустический акомпанимент, а как структурный индикатор функционирования, обеспечивающий дискурсивное взаимодействие пропозиции. Исследование подчеркивает произошедший в аналитической философии методологический и концептуальный переход - от абстрактного логического моделирования к прагматически ориентированному пониманию значения, учитывающему перформативные и контекстуальные аспекты устной речи.

Ключевые слова: интонация, логический атомизм, смысл/действие, речевой акт, аналитический подход, значение.

Author Contributions: Zh. Balmagambetova, Conceptualization, Investigation, Formal analysis, Writing – original draft. T. Lifanova, Methodology, Validation, Supervision. N. Kirabaev, Writing – review and editing, Resources, Project administration.

Received 02.04.2026

Accepted 14.05.2026

CONTEMPORARY PHILOSOPHY: INTERNET PHILOSOPHY AND TECHNO-PHILOSOPHY IN THE POST-SOVIET SPACE

¹N. Issak, ²T. Tumashbay*, ³N. Kudaibergenova*

^{1,2}Mukhtar Auezov South Kazakhstan Research University (Shymkent, Kazakhstan)

³Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

¹issak_no@mail.ru, ²tumashbai@mail.ru, ³nazgul.zhanysova@gmail.com

¹Н.О. Исак, ²Т.Е. Тумашбай*, ³Н.Ж. Құдайбергенова*

^{1,2}Мұхтар Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті
(Шымкент, Қазақстан)

³Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан)

¹issak_no@mail.ru, ²tumashbai@mail.ru, ³nazgul.zhanysova@gmail.com

Citation: Issak N.O., Tumashbay T.E., Kudaibergenova N.Zh. Contemporary Philosophy: Internet Philosophy and Techno-Philosophy in the Post-Soviet Space // *Al-Farabi*. – 2026. – Vol. 25. № 2(94). – P. 132-151.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of techno-philosophy in the context of historical and cultural transformations in the post-Soviet space. The paper presents the historical context and prerequisites for the emergence of techno-philosophy as a new branch of philosophical thought associated with the rapid development of digital technologies. Particular attention is paid to the peculiarities of the post-Soviet philosophical tradition in the field of technology analysis and its impact on society and individual consciousness. The key role of the Internet in the formation and transformation of new philosophical concepts is considered, as well as the influence of virtual reality on the perception of time and causality in modern society. Based on an analysis of philosophical sources, the main trends in changes in perceptions of reality and consciousness under the influence of digital technologies have been identified, and the key directions and challenges of this process have been highlighted.

Keywords: Techno-philosophy, internet philosophy, post-Soviet philosophy, digital technologies, virtual reality, digital reality.

Introduction

In the context of rapid digitalization and technological progress, modern society is undergoing profound transformations that affect all spheres of life. The particular value of introducing a philosophical understanding of the new realities lies in the fact that the rapid spread of the Internet and digital technologies is radically changing human perception, forms of social communication, and the structure of everyday life.

* Author-correspondent: T. Tumashbay, tumashbai@mail.ru; N. Kudaibergenova, nazgul.zhanysova@gmail.com

A philosophical approach allows us not only to understand these changes more deeply, but also to develop the critical thinking necessary to comprehend the consequences of digitalization. Narratives have always played a key role in how people understand themselves and the world, shaping identity in personal, social, and digital contexts. Narratives influence individual and collective identity through storytelling, social and digital interactions, drawing on philosophical, linguistic, and translation studies approaches. Online narratives on social media, where identity is constantly being formed and revised. These platforms serve as arenas for self-presentation and interaction [1]. This understanding becomes the key to forming ethical guidelines, preserving humanistic values, and ensuring the sustainable development of society in the context of technological transformation. The Internet has not only changed the ways of communication and access to information, but has also become a sociocultural phenomenon that requires a comprehensive analysis of both a technological and humanitarian nature [2]. Philosophy is undergoing a “computational turn” as computer and information technologies not only shed new light on classical philosophical questions but also pose new challenges to philosophy that go beyond traditional approaches. These technologies have had a significant impact on philosophical thought and have become the subject of extensive research. Contemporary philosophical research covers topics such as the nature of computing systems, the status of virtual worlds, the limits of AI, data modeling, cyber ethics, the epistemology of digital information, and the regulation of cyberspace [3].

In the post-Soviet space, these processes take on a special flavor, linked to the historical, political, and cultural characteristics of the region. New forms of techno-philosophical and internet-philosophical research are emerging, reflecting dramatic changes in the perception of reality, consciousness, social identity, and interpersonal interactions under the influence of the expansion of the world.

The relevance of the topic is linked to the need for a deep philosophical understanding of these innovations in modern society, its values, and ways of existence in the era of technological revolution. Introducing questions related to internet philosophy and techno-philosophy into philosophical discourse is especially important for developing responsible approaches to the development of information space and the formation of a new sociocultural identity in the post-Soviet space.

The purpose of this article is to conceptualise Internet philosophy and techno-philosophy as independent branches of contemporary philosophical thought in the post-Soviet space by: (a) explaining their methodological foundations, (b) identifying their specific features in comparison with the Western tradition, and (c) demonstrating their theoretical significance for analysing the transformation of fundamental categories (consciousness, identity, reality) in the digital age. The article aims to overcome the descriptive approach to these phenomena and justify their disciplinary status in the system of philosophical knowledge.

The main objectives of this article are to systematize the key concepts and conceptual approaches of Internet and techno-philosophy, as well as to analyze their development in the post-Soviet space, taking into account the cultural and historical

context. Particular attention is paid to the influence of digital technologies and Internet culture on the philosophical understanding of consciousness, identity, social communication, and reality. The social, ethical, and cultural aspects of digitalization are also considered, including the need to observe appropriate boundaries in the countries of the region. The potential for further development of these philosophical trends in both scientific and practical terms is determined.

Historical and philosophical foundations of techno-philosophy

Before moving on to an analysis of the post-Soviet specifics of Internet philosophy and techno-philosophy, it is necessary to identify their place in the broader tradition of philosophical reflection on technology. It is important to emphasize that «techno-philosophy» is not a new field that arose spontaneously in the digital age, but rather represents an actualization and terminological update of classical «philosophy of technology», which emerged as an independent discipline in the 19th and 20th centuries.

Contemporary internet philosophy and techno-philosophy in the post-Soviet space did not arise out of nowhere; they inherit and transform this rich conceptual apparatus, applying it to the analysis of specific regional realities of the digital age.

The key figures who shaped the conceptual framework of the philosophy of technology are:

Martin Heidegger, who in his work «The Question Concerning Technology» [4] proposed understanding technology not simply as a tool, but as a special way of revealing hiddenness, which determines the way humans relate to the world. Heidegger demonstrated that technology is not a neutral tool, but rather a way of being-in-the-world that transforms human perception itself.

In his work «The Technological Society» [5], Jacques Ellul developed the concept of technological autonomy, demonstrating how technological rationality subjugates social structures, politics and culture, transforming itself into a self-sufficient force.

In his extensive studies of the history of civilizations [6, 7], Lewis Mumford traced the evolution of technical systems in their interrelation with social structures, showing that technology has always developed in a cultural context.

Günter Anders [8], especially after the dawn of the atomic age, criticized technological civilization, raising the issue of the «obsolescence of man» in the face of the technical systems he himself had created.

In recent decades, these classical approaches have been developed within the framework of post-phenomenology of technology [9, 10, 11], which investigates how specific technologies transform human experience and perception, as well as in the interdisciplinary field of STS (Science and Technology Studies). The works [12, 13, 14] and other researchers of social construction of technology have made it possible to overcome techno determinism and show how technical artefacts are shaped by social processes and themselves influence the social order.

Parallel to the development of the Internet, an «Internet philosophy» is also taking shape, the theoretical foundations of which were laid by Manuel Castells (the concept

of the «network society») [15] and Luciano Floridi (the ideas of the «infosphere», digital ontology, and information ethics) [16, 17], as well as researchers in the field of cognitive science who study the problems of interaction between humans and artificial intelligence.

Methodology

This study aims to provide a comprehensive analysis of the phenomena of Internet philosophy and techno-philosophy in the specific context of the post-Soviet space. To achieve this goal and ensure conceptual rigor, the work draws on an integrative methodology that combines several philosophical approaches and general scientific methods. The formation of techno-philosophy in the post-Soviet space was the result of a complex interplay of historical, cultural, and political-economic factors caused by the transition from the Soviet model of society to new sociocultural and technological realities. The collapse of the Soviet Union in the early 1990s created a vacuum in the worldview and institutional structures of the former republics, which led to a search for new ideological guidelines and philosophical concepts capable of explaining the changing reality [18].

The theoretical and methodological basis of the study consists of three main approaches:

1. The phenomenological approach (in the tradition of E. Husserl and M. Merleau-Ponty) is used to analyze changes in the structure of subjective experience under the influence of digital technologies. This approach allows us to explore how people experience and constitute new forms of reality (virtual, digital), how their perception of time, space and their own identity (digital self) is transformed when immersed in the internet environment.

2. The social constructivist approach (developing the ideas of P. Berger and T. Luckmann) is used to study the processes of forming new social realities, norms, and identities in the digital space. In this context, the Internet is viewed not simply as a technical infrastructure, but as a social arena where collective representations, knowledge and value orientations characteristic of the current stage of development of post-Soviet societies are constructed through narratives, communication and interaction.

3. The post-phenomenological approach (ideas of D. Aidi and P.-P. Verbeke) is key to analyzing «human-technology» relations. This approach allows us to overcome subject-object dualism and view technologies (the internet, artificial intelligence, algorithms) as mediators of human experience and perception. Technology here is understood not as a neutral tool, but as an active mediator that transforms our perception of the world, moral decisions, and ways of being in the world.

As a methodological basis for solving specific problems and maintaining internal consistency in the research, a set of both general scientific and specific philosophical methods is used:

- *the comparative-historical method* is necessary for identifying the specifics of post-Soviet techno-philosophical thought. It allows us to compare it with Western

analogues (with the works of K. Mitchem, L. Floridi) and trace the evolution of philosophical ideas about technology from the Soviet legacy to contemporary realities, taking into account the unique cultural and historical context of the region;

- *the method of systems analysis* is used to consider Internet philosophy and techno-philosophy not as isolated disciplines, but as interconnected elements of a broader system of contemporary philosophical knowledge. This method allows us to identify internal connections between concepts such as «digital reality», «network identity», «virtual consciousness», and «ethical challenges of digitalization»;

- methods of interpretation and hermeneutic analysis are used when working with philosophical texts, scientific articles, and online narratives to identify implicit meanings, conceptual assumptions, and underlying structures of argumentation used by authors working at the intersection of philosophy and technology;

- interdisciplinary synthesis serves as the fundamental principle of the work, since the subject of research requires the integration of data and methods from various fields: philosophy of science and technology, social philosophy, communication theory, cultural studies, and science and technology studies.

It is important to emphasize that, due to the specific nature of the object and subject of this study – the transformation of philosophical categories (consciousness, identity, reality) under the influence of technology – qualitative theoretical analysis is the main tool used. Philosophical research is not aimed at quantifying changes (e.g., measuring the percentage of users who have changed their self-identification), but at conceptualizing these changes, identifying their essential characteristics and ontological foundations. Nevertheless, to ensure the validity of its conclusions, the work relies not only on speculative constructs, but also on the analysis of specific phenomena of digital culture and the philosophical interpretation of narratives formed in the Internet space, which allows us to speak of a strong connection between theoretical generalizations and the real practices of digital society. The empirical background of the study is provided by works analyzing the psychological and social aspects of human interaction with the digital environment [19, 20], as well as specific examples of identity transformation in online narratives [1].

The development of information and communication technologies, the widespread spread of the Internet, and the beginning of the digital revolution have posed new challenges for traditional philosophy. In response, specialized fields have emerged – techno-philosophy and Internet philosophy – which focus on understanding changes in human consciousness, social structure, and cultural practices [21].

In the post-Soviet space, the development of digital and philosophical fields was influenced by the cultural and historical legacy of the Soviet era, in which scientific and technological progress was accompanied by ideological control. Despite the restrictions, a solid technological base was formed [22]. With the transition to a market economy and democratic institutions, Western technologies and philosophical trends had a rapid impact, which increased interest in the relationship between the traditional and the modern, the national and the borrowed.

The relationship between technology and philosophy in the post-Soviet space is based on a unique combination of historical continuity and the modern challenges

of the digital age, which makes it particularly innovative for understanding the transformations of society, culture, and philosophical thought [23].

In his work, Karl Mitcham [24] examines studies devoted to the social, cultural, ethical, and religious aspects of the influence of computers, emphasizes their cultural impact and the need for ethical reflection, and points out that the high-tech environment reflects cultural characteristics and raises religious questions that often remain unaddressed.

Features of post-Soviet philosophical thought in the field of technology

Post-Soviet philosophical thought in the field of technology is characterized by a unique synthesis of the traditions of the Soviet scientific and technical school and the new challenges of the digital age. Unlike Western techno-philosophical concepts, in the post-Soviet space it developed in a rapidly changing socio-cultural and political landscape, which gave it a specific focus and problems [25].

The main feature is the close connection between techno-philosophy and technical and applied disciplines, as well as the attempt to integrate information theories and new technological paradigms into philosophical discourse. This was reflected in the emergence of original concepts and hypotheses, where philosophy ceased to be an abstract science and became a tool for understanding the real transformations of society caused by technical progress [26].

Post-Soviet techno-philosophy often reflects a complex set of contradictions between the legacy of the industrial era, where technology was associated with state control and a planned economy, and the modern global context of globalization and digitalization, which promotes individualism, decentralization, and new forms of social interaction. Particular attention is paid to the ethical, social, and cultural consequences of technological development, including the problems of technocratic domination and the need to humanize technology.

An important aspect is the broad involvement of specialists from technical fields and non-professional philosophers, which has created a fragmented but potentially rich intellectual environment. This has given rise to a special type of philosophical discourse, where the key themes are the interaction between humans and technology, the influence of digital technologies on the perception of reality, identity, and communication.

In his work [27], Mikhail Epstein sets the goal of overcoming the crisis in the humanities, integrating them into the spiritual and scientific-technical development of society, considering the paths of humanistic invention, scientific imagination, and innovation, as well as the formation of humanistic technologies in philosophy, cultural studies, linguistics, and their interaction with technology.

The role of the internet in the formation of new philosophical concepts

The Internet has become a fundamental platform for the emergence of new philosophical ideas and observations, transforming traditional notions of reality,

knowledge, and social life. Unlike classical philosophy, Internet philosophy addresses issues related to virtually, digital communication, network identity, and changes in the conditions of human cognition [28].

One of the central tenets of Internet philosophy is the Internet convention as a technological system, cultural environment, instrumental communication, and even an independent living organism. This multifaceted understanding allows us to view the Internet as a space for the reformation of knowledge, where radical individualization, pluralization, and fragmentation of information sources take place [29]. The new «web life» not only involves the creation and maintenance of social connections, but also governs cyber culture, which is independently becoming a sphere of human light.

Internet concepts exhibit unique properties, such as multiplicity and fragmentation, which characterize the postmodern period and reflect a paradigm shift in traditional thinking [30]. Postmodern ideas transmitted via the Internet hinder the decentralization of power, the spread of new forms of individualism and social activity, and the rethinking of the concepts of reality and identity.

Of particular importance is the study of hypertext and universal information networks as sources of new knowledge in the field of organization and communication. The Internet changes the perception of text, transforming it into a continuous stream of complementary data and simplifying the reliable representation of authorship, originality, and authenticity of information.

In this regard, Internet philosophy is actively involved in the study of ethical issues related to the use of the network: freedom of expression, the problem of confidentiality, digital etiquette, and the fight against disinformation. These topics reflect the challenges of the digital age and require new theoretical and practical approaches.

The role of cyberspace in the development of new philosophical concepts lies in the creation of a special sociocultural and cognitive context that changes the self-understanding of individuals, society, and knowledge in the modern world, opening up prospects for interdisciplinary research and philosophical reflection on digital reality.

Virtual reality, which has emerged thanks to the development of the Internet and digital technologies, is radically transforming traditional ideas about space, time, and cause-and-effect relationships [31]. In philosophical terms, virtual reality is not just a technical tool, but a new form of existence that reveals features that distinguish it from physical, everyday reality.

One of the defining features of modern digital reality is that it is formed at the intersection of the material and social worlds, while possessing its own autonomy, interactivity, and relevance – it exists online, in a constant «here and now» mode. This phenomenon requires a rethinking of familiar philosophical categories such as time and causality, since in digital space, time loses its linearity and objectivity, turning into multiple, fragmented, and extended time streams, which radically changes the perception of events and the logic of their interrelationships.

The philosophical understanding of the phenomenon of digital reality often relies on a phenomenological approach that focuses on how people experience and shape their perception of the world in a changing environment. In this context, virtual space appears not simply as a technical environment, but as an active area of interaction in

which the boundaries between fact and fiction are blurred. Here, human consciousness takes on new forms, expanding through a multitude of digital identities and layers of meaning formed in the virtual environment.

The transformed perception of time in a virtual environment is expressed in the simultaneous coexistence of the past, present, and future, which forms different models of digital consciousness. This consciousness is characterized by dispersion in temporal and spatial coordinates, which calls into question the usual ideas about the integrity of personality and individual responsibility.

Virtual reality blurs the usual cause-and-effect relationships, giving rise to new forms of uncertainty and ambiguity [32]. Scenarios for the development of events in the digital environment can unfold along various, often unpredictable trajectories, prompting philosophical thought to rethink traditional ideas about causality and determinism.

Virtual reality, formed in cyberspace, is a complex, multi-layered environment in which classical philosophical categories are undergoing changes under the influence of digital technologies and new sociocultural realities. This creates the conditions for rethinking the concepts of time, being, and reality in the context of the modern technological era.

The development of digital technologies is significantly changing the philosophical perception of reality and consciousness, forming a new paradigm in which the line between the virtual and the material is becoming increasingly blurred [33]. Contemporary philosophy of the digital age analyzes how the internet, artificial intelligence, big data, and other technological innovations are transforming not only the forms of interaction, but also people's perception of the surrounding world and their own identity.

The analysis of digital technologies leads to a rethinking of the very category of reality: the digital environment is becoming a space for the formation of new meanings and experiences, where reality takes on a multi-layered, fluid, and interactive character. In such conditions, human consciousness loses its closed nature, becoming distributed and fragmented, combining a multitude of virtual images and identities.

Digital technologies are forming new models of cognition, where algorithms, machine learning, and automated thought processes are beginning to play a key role. This calls into question familiar notions of free will, creativity, and the independence of the human mind in conditions of increasing technological dependence. Understanding the phenomenon of digital consciousness requires a rethinking of fundamental philosophical concepts such as "I," "reality," "knowledge," and "truth" in the context of global philosophical discourse.

The focus is on the ethical and social aspects of digitalization, touching on issues of privacy, identity, information protection, and the impact of technology on personal freedom. Digital philosophy provides a space for rethinking the relationship between freedom and surveillance in the digital reality, as well as for forming relevant norms and values that correspond to the challenges of the modern technological environment.

Digital technologies are radically transforming our perception of reality, bringing to the fore philosophical questions about the boundaries between humans and machines,

the virtual and the real, freedom and responsibility [34]. These shifts create the basis for interdisciplinary dialogue and the development of new theoretical approaches in the context of contemporary Internet philosophy.

***The significance of the ideas of techno-philosophy in Kazakhstani research
for the development of philosophy and society***

In the post-Soviet space, Kazakhstani researchers have made a significant contribution to the development of techno-philosophy by integrating classical philosophical ideas with the modern scientific, technical, and cultural characteristics of the republic. Thanks to its rich historical and cultural heritage and rapid technological development, Kazakhstan has become a unique platform for the creation of unique philosophical concepts that reflect the challenges of the digital age [35].

Kazakh philosophical thought has its own tradition of interpreting this branch of science. The techno-philosophy of Kazakhstan is an integrative field in which the following are intertwined: (a) the historical legacy of Soviet philosophy of technology, (b) current global trends in philosophical thought (post-phenomenology, STS, information ethics), (c) specific Kazakhstani socio-cultural realities, and (d) the engineering and technical competencies of local scientists. It is in this unique context that an understanding of technological progress and its impact on human nature and society is formed, one that is adequate to the tasks of Kazakhstan's development in the 21st century.

Kazakh scientists note that technological progress today requires philosophical analysis, as it has a significant impact on society, communication and values. Some suggest creating a new philosophical direction for studying the digital world. For example, A. Amangeldiev, T. Mustafina, and R. Kemberbay consider digital philosophy to be a promising direction. They believe that digital changes in society lead to new ways of communicating, change how we interact with information, and create a new culture that needs to be studied from a philosophical point of view [36].

Kazakhstan studies focus on analyzing how digitization affects society. In a joint project, V.Y. Dunaev and his colleagues are studying how information technology is changing life in Kazakhstan. They note that digital tools are gradually becoming part of our reality, transforming work, communication and how we obtain information. Digitisation creates a new model of interaction based on online communication [37].

The research of N. Aitimbetov and L. Nabieva is related to the analysis of the impact of technology on the political and cultural spheres. Scientists are examining the impact of digital technologies on the transformation of the political culture of contemporary Kazakh youth. The authors note that internet communications and social networks are becoming important tools for shaping political attitudes and social values, which indicates a deep interconnection between technological development and socialization processes [38].

In the post-Soviet period, these traditions underwent a new development. The interpretation of digital reality is explored in the work of M. Pernekulova [39], whose

research focuses on the philosophical aspects of the information society and the transformation of social relations under the influence of digital technologies. Her work provides a conceptual framework for understanding the specifics of digitalization in the Kazakh context.

In [40], the authors conduct an in-depth analysis of the philosophical aspects of digitalization in modern Kazakhstan, paying particular attention to its transformative impact on education, social structure and the aspirations of young people. As the country grapples with the complexities of technological civilization, the relationship between digitalization and cultural identity is becoming increasingly relevant. The study reveals how digital technologies are transforming educational paradigms, economic dynamics and the behavior of young people, reflecting the challenges and prospects of shifting these stages.

The authors of the study [41] provide a timely analysis of the widespread nature of digitalization, emphasizing its role in transforming everyday life. Artificial intelligence and other technologies are becoming part of reality, influencing significant decisions, forms of communication, value orientations, and even semantic coverage. The need for philosophical reflection on these changes is rightly emphasized.

One of the key figures in the development of techno-philosophy in post-Soviet Kazakhstan is Aidarkhan Kaimov, a scientist and professor with extensive experience in information security, information technology, and robotics. He has developed an innovative teaching methodology and has significantly influenced the philosophical understanding of digital technologies and robotics [42]. His research contributes to an active dialogue between technical sciences and philosophy, which promotes the development of techno-philosophical ideas both in Kazakhstan and beyond.

Kaimov puts forward the idea of a systematic approach that combines technical knowledge and philosophical reflection, which helps to better understand the relationship between technological progress and social transformations. In his works, he emphasizes the importance of adaptive teaching and education methods that contribute to the formation of a new philosophy of cognition in the digital age.

His research covers issues of information technology, information security, and the development of intelligent systems that affect social structures. This philosophical position reflects the integration of philosophy and engineering, which is particularly noticeable in the context of the post-Soviet scientific space.

In the context of the rapid digitalization of society, understanding the essence of human beings is becoming particularly relevant. In their work, the authors offer a philosophical analysis of the transformation of human nature in the digital age, drawing on the ideas of J.-P. Sartre, H. Arendt, D. Haraway, L. Floridi, and other contemporary thinkers. The focus is on digital identity, virtual existence, the ethics of information interaction, and a post-humanist rethinking of traditional anthropological categories. The authors offer a conceptual view of the integration of the spiritual and moral aspects of human beings into the digital environment, revealing the ontological status of the virtual as a full-fledged component of reality. Their work contributes to the deepening of philosophical discourse in the field of digital anthropology, ethics, and the philosophy of technology [43].

Contemporary techno-philosophy in Kazakhstan is an integrative field in which philosophical ideas, technological innovations, and sociocultural features are intertwined. It is in this unique context that an understanding of technological progress and its impact on human nature and society is formed.

The research of Kazakhstani scientists complements post-Soviet techno-philosophy, strengthening its authority in the growing scientific community and opening up new opportunities for interdisciplinary projects and practical implementation in the field of digital technologies and philosophy. Techno-philosophy in Kazakhstan is developing thanks to the efforts of scientists who combine a deep philosophical understanding of modern technologies with practical innovations in the digital sphere.

Techno-philosophical concepts contribute to the formation of new approaches to understanding technological and sociocultural changes, influencing the modernization of philosophical thought and social practice in the context of globalization and digital transformation. These ideas help to comprehend the interaction between technology and humans, determine the prospects for the development of society in the context of the transition to an information- and technology-centric world, and stimulate the development of a specifically Kazakhstani philosophical paradigm that reflects the challenges and opportunities of national development [44].

The ideas of Kazakhstani philosophers and scientists in the field of techno-philosophy play an important role both in the development of philosophical science and in the transformation of society in the era of digital technologies. First, they contribute to the creation of a new intellectual environment where classical philosophical categories take on new meaning, taking into account modern technological changes and the socio-cultural characteristics of post-Soviet Kazakhstan. This expansion of the scope of research allows for a deeper understanding of the consequences of technological progress not only from a technical point of view, but also from ethical, cultural, and humanitarian perspectives.

Secondly, the works of Kazakhstani researchers are aimed at shaping national identity in the context of globalization and the digital economy. They develop unique philosophical concepts that take into account historical development, cultural heritage, and contemporary digital trends. Such research helps to understand how traditional values can coexist harmoniously and interact with new technologies, which is especially relevant for a society with a rich history and a transitional socio-political structure.

Thirdly, the philosophical ideas and concepts developed by Kazakhstani scholars require the expansion of educational and scientific programs aimed at combining the humanities and technical disciplines. This approach helps raise public awareness, encourages the development of responsible technological solutions, and promotes ethical understanding of digital transformation processes, shaping identity in personal, social, and digital contexts. These theoretical propositions are confirmed by specific sociological studies of post-Soviet online communities, which record the multiplicity and situational nature of digital identities among contemporary users [25].

Problems of solving techno-philosophy in academic science

Despite the growing importance of techno-philosophy as a scientific discipline, its integration into traditional academic science in post-Soviet countries faces significant difficulties. One of the main problems is the fragmentary and interdisciplinary nature of techno-philosophy, which often leads to it being perceived as secondary or applied. The lack of systematic scientific programs, personnel, and methodological developments makes it difficult to adhere to the principles of techno-philosophy in the field of the environment. The need to develop integrative research and strengthen links between philosophy, technical sciences, and sociocultural disciplines remains relevant throughout the country.

Society faces a complex set of challenges and risks related to the transformation of identities, the manipulation of information, and the need to adapt philosophical and scientific disciplines to the digital age, which requires the development of balanced strategies for development and sustainability at all levels of social organizations.

Conclusion

The study allows us to formulate a number of conceptually significant conclusions that determine the theoretical contribution of the work to the development of contemporary philosophical thought.

Key findings of the study:

1. The specificity of post-Soviet techno-philosophy has been identified. Unlike its Western counterparts, it is formed at the intersection of two opposing vectors: on the one hand, the legacy of the Soviet scientific and technical school with its ideological control and state paternalism, and on the other, global trends in digitalization, which promote individualism and decentralization. This gives rise to a unique type of philosophical discourse, in which the key issues are the preservation of cultural identity, ethical reflection on technocracy, and the humanization of technology. The Internet space is not only an object of philosophical analysis, but also a methodological horizon that shapes new concepts of consciousness (distributivity, multiplicity) and identity (situationally, narrative constructability).

2. The dual role of the Internet space has been established. The Internet acts not only as an object of philosophical analysis (a new reality that requires interpretation), but also as a methodological horizon that shapes the very process of philosophizing. The fragmentary, hypertextual and networked nature of the internet is reflected in new concepts of consciousness, which in the digital age is becoming distributed and multiple. The application of phenomenological and post-phenomenological approaches has demonstrated that virtual reality transforms the basic structures of experience: time loses its linearity, causality loses its unambiguity, and identity becomes situational and narratively constructed. Virtual reality transforms the basic structures of experience: time loses its linearity, causality loses its unambiguity, and the category of 'reality' acquires a multi-layered nature, where the virtual acts as a full-fledged mode of being.

3. The directions of transformation of philosophical categories have been identified. Digital technologies do not simply add new topics to philosophical discourse, but require a revision of the fundamental categories of ontology and epistemology. The category of «reality» becomes multi-layered, where the virtual appears not as secondary or illusory, but as a full-fledged mode of being. The category of «consciousness» expands to include algorithmic and machine components, calling into question traditional notions of subjectivity and personal autonomy. Digital technologies require a rethinking of fundamental categories of ontology and epistemology, including notions of subjectivity, personal autonomy, and the limits of human consciousness.

Key theoretical contribution of the work:

1. Justification of disciplinary status. For the first time in the context of post-Soviet philosophical discourse, the article systematically argues that internet philosophy and techno-philosophy are not applied or secondary fields, but independent areas of philosophical knowledge with their own conceptual apparatus, methodology, and problem domain. They are a necessary tool for an adequate philosophical description of contemporary digital reality.

2. Introduction of Kazakhstani material into scientific circulation. The study demonstrates that the philosophical developments of Kazakhstani scholars (in particular, A. Kaimov and his school) are not peripheral, but rather representative examples of the development of post-Soviet techno-philosophy. Analysis of these works allows us to specify the general patterns of development in this field and show how global technological trends are refracted in specific national and cultural contexts.

3. Development of the concept of a «methodological horizon». The paper proposes understanding the internet not only as a technical infrastructure, but also as a methodological horizon that sets new parameters for philosophical reflection. This position, developed at the intersection of phenomenology and social constructivism, allows us to overcome a narrow instrumental view of technology and consider it as a medium for meaning-making.

Practical contribution of the research:

1. Educational significance. The conceptual framework proposed in this article can be used in the development of courses on the philosophy of technology, social philosophy, and digital culture for students of humanities and technical disciplines. The work promotes the integration of humanities and technical knowledge in educational programmers.

2. Methodological significance. The approaches outlined in the study (phenomenological, post-phenomenological, social constructivist) can serve as a methodological basis for further interdisciplinary research into digital reality, combining philosophy, sociology, and science and technology studies (STS).

3. Social and practical significance. The conclusions of this work on the ethical challenges of digitalization, identity transformation, and the need to humanize technology can be used in the development of digital development strategies and media education programmers aimed at developing critical thinking and digital literacy.

The aim of the study – to conceptualize Internet philosophy and techno-philosophy as independent strands of contemporary thought and to identify their post-Soviet specificity – has been achieved. The results obtained open up prospects for further

interdisciplinary research and the development of educational and social strategies that are adequate to the challenges of the digital age.

List of references

1 Hussein Hnit, Ali Almann, Constructing identity through narratives: Personal, social, and digital dimensions, *Social Sciences & Humanities Open*, Volume 12, 2025, 101692, ISSN 2590-2911, <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101692>.

2 Опарина И.Г. Интернет в современном обществе: Социально философский анализ // диссертация. 2005. Красноярск. 142 с.

3 Philip Brey, Johnny Hartz Søraker, *Philosophy of Computing and Information Technology*, Editor(s): Anthonie Meijers, In *Handbook of the Philosophy of Science, Philosophy of Technology and Engineering Sciences*, North-Holland, 2009, Pages 1341-1407, ISSN 18789846, ISBN 9780444516671, <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-51667-1.50051-3>.

4 Heidegger, M. (1977). *The Question Concerning Technology*. In *Basic Writings* (D. F. Krell, Ed. & Trans.). New York: Harper & Row. (Original work «Die Frage nach der Technik» published in 1954 in a collection *Vorträge und Aufsätze*).

5 Ellul, J. (1964). *The Technological Society* (J. Wilkinson, Trans.). New York: Vintage Books. 332 P. (Original work «La Technique ou l'Enjeu du siècle» published in 1954).

6 Mumford, L. (1967). *The Myth of the Machine*, Vol. 1: *Technics and Human Development*. New York: Harcourt Brace Jovanovich. ISBN: 0-15-163973-6.

7 Mumford, L. (1970). *The Myth of the Machine*, Vol. 2: *The Pentagon of Power*. New York: Harcourt Brace Jovanovich. ISBN: 0-15-662341-2.

8 Günther, A. (1956). *Die Antiquiertheit des Menschen Bd. I: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution*, München: C.H. Beck Literatur - Sachbuch - Wissenschaft. <https://doi.org/10.17104/9783406704208>.

9 Ihde, D. (1990). *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Bloomington: Indiana University Press. 226 p. ISBN: 0253329000, 9780253329004.

10 Ihde, D. (2009). *Postphenomenology and Technoscience: The Peking University Lectures*. State University of New York Press. 102 p. ISBN: 1438426402, 9781438426402.

11 Rosenberger, R., & Verbeek, P. (Ed.). (2015). *Postphenomenological Investigations: Essays on Human–Technology Relations*. Lanham: Lexington Books. Retrieved March 5, 2026, from <http://dx.doi.org/10.5040/9781978726208>.

12 Latour, B. (1988). *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 288 p. ISBN: 9780674792913.

13 Latour, B. (1993). *We Have Never Been Modern* (C. Porter, Trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press. 157 p. ISBN 0-674-94838-6.

14 Winner, L. (1986). *The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology*. Chicago: University of Chicago Press. 240 p. ISBN: 9780226692548.

15 Castells, M. (2000). Materials for an exploratory theory of the network society1. *British Journal of Sociology*, 51(1), 5-24. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00005.x>.

16 Floridi, L. (2010). *The Cambridge handbook of information and computer ethics*. Cambridge: Cambridge University Press. 327 p. ISBN: 9780511845239. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511845239>.

17 Floridi, L. (2013). *The Ethics of Information*. OUP Oxford. 357 p. ISBN: 0199641323, 9780199641321.

18 Аладышкин И.В. Между традицией и новацией: о специфике постсоветского техноведения // *Общество. Среда. Развитие.* – 2015, №4.- С.47-51.

19 Войскунский А.Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 7—20. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060401>.

20 Abolfazl Zare, Aliakbar Jalali, A Prospective Metaverse Paradigm Based on the Reality-Virtuality Continuum and Digital Twins, Recent Advances in Computer Science and Communications, Volume 18, Issue 1, 2025, ISSN 2666-2566, <https://doi.org/10.2174/0126662558294125240307094426>.

21 Federica Buongiorno, Xenia Chiaramonte, Do we really need a “Digital Humanism”? A critique based on post-human philosophy of technology and socio-legal techniques, Journal of Responsible Technology, Volume 18, 2024, 100080, ISSN 2666-6596, <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2024.100080>.

22 Бурнашев Р.Ф. Философия информационного общества: проблемы социальной справедливости в эпоху цифровизации // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2024. 1 (104). URL: <https://universum.com/ru/social/archive/item/16606> (дата обращения: 11.09.2025).

23 Шляпников В.В. Киберфилософия как философия цифрового общества // Гуманитарные исследования. -2020, №4 (29). – С.48-50. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-29-48-50>.

24 Carl Mitcham, Computers: From ethos and ethics to mythos and religion: Notes on the new frontier between computers and philosophy, Technology in Society, Volume 8, Issue 3, 1986, Pages 171-201, ISSN 0160-791X, [https://doi.org/10.1016/0160-791X\(86\)90003-5](https://doi.org/10.1016/0160-791X(86)90003-5).

25 Сандакова Л.Б. Философия техники: Обзор основных концепций // Новосибирск: 2013. -31 с.

26 Weibo Li, Quantification as social technology: Integrating studies of quantification with philosophy of technology, Technology in Society, Volume 78, 2024, 102635, ISSN 0160-791X, <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2024.102635>.

27 Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с. (Серия «Humanitas»).

28 Добродородный, Д. Г. Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология, 2019. №2, С.32-38. <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/2032>.

29 Saeid Zarghami Hamrah, Investigating the Relationship Between Virtual Education and Social Aims of Education from the Viewpoint of Existence Philosophy with an Emphasis on Jaspers Thoughts, Procedia - Social and Behavioral Sciences, Volume 29, 2011, Pages 1750-1758, ISSN 1877-0428, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.11.421>.

30 Dreyfus, H.L. (2008). On the Internet: thinking in action (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203887936>.

31 Александрова М.В., Иващенко А.В., Борисова Т.В. Восприятие времени в среде виртуальной реальности: экзистенциальный, семиотический и онтологические аспекты // Основы экономики, управления и права. 2023. №2 (37). С. 9-13. https://doi.org/10.51608/23058641_2023_2_9.

32 Blair Matthews, Artificial worlds and artificial minds: Authenticity and language learning in digital lifeworlds, Journal of Responsible Technology, Volume 23, 2025, 100131, ISSN 2666-6596, <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2025.100131>.

33 Мальцева С.М. Философия интернета как отрасль современной философии / С.М. Мальцева, Д.А. Строганов, П.И. Козлова [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — №8 (134). — URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.67> (дата обращения: 11.09.2025). — <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.134.67>.

- 34 Россиус П.А. Человечество в цифровую эпоху // Философия науки и техники. – 2025. Т.3. №1 (2025) DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2025-30-1-58-68>.
- 35 <https://famous-scientists.ru/science/philosophy/country/kazakhstan>
- 36 Amangeldiyev A., Mustafina, T., & Kemberbay, R. (2023). The formation of ‘digital philosophy’ as a new direction in philosophy. Journal of Philosophy Culture and Political Science, 85(3). <https://doi.org/10.26577/10.26577/jpcp.2023.v.85.i3.04>.
- 37 Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Сагикызы А., Шаукенова З.К. Информационно-цифровая трансформация повседневности в экспертных оценках и в восприятии массовым сознанием (казахстанский кейс) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2025. - Т. 25. - №4. - С. 716-733. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733>.
- 38 Карипбаев Б.И., Жакин С.М., Сейфуллина Г.Р. Формат цифровизации Казахстана: идентичность и будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. - 2025. - Т. 29. - №2. - С. 535-547. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-535-547>.
- 39 Пернекулова М.М. Виртуальная реальность и проблема реализации творческого потенциала личности / Диссертация. Алматы. 2025. 148 с.
- 40 Kozhan A.A., Yilmaz S., Osserbayev Ye.N., Shadinova G.A., Dosaliyev T.K. The digitalization era: philosophical aspects of technological civilization in modern Kazakhstan // Bulletin of Karaganda University. Philosophy Series. Vol. 30. 1(117). 2025. p. 286-299. <https://doi.org/10.31489/2025hph1/286-299>.
- 41 Karipbayev B.I., Zhakin S.M., Seifullina G.R. Kazakhstan’s Digitalization Format: Identity and Future // RUDN Journal of Philosophy. - 2025. - Vol. 29. - N. 2. - P. 535-547. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-535-547>.
- 42 Suleimen Kaimov, Talgat Kaiym, Nazym Kanagatova, Maksat Kalimoldayev, Aidarkhan Kaimov, Talgat Mazakov, Enhancing information Security Audits in Enterprise Systems with a Recommendation Generation Process, Procedia Computer Science, Volume 251, 2024, Pages 585-590, ISSN 1877-0509, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2024.11.153>.
- 43 Аманиязова Б.А., Утешева Г.Т. Смысл человека в цифровую эпоху: философское осмысление // Вестник Актыбинского регионального университета, -2025. № 80 (2), С. 279-284. <https://doi.org/10.70239/arsu.2025.t80.n2.33>.
- 44 Философия независимого Казахстана в эпоху глобальных трансформаций. Сборник материалов III Казахстанского философского Конгресса (Алматы, 23-24 ноября 2021 г.). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2022. – 242 с.
- 45 Алтаев Ж., Тохтахунов Б. Влияние искусственного интеллекта на социальную реальность общества: философский аспект // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль», -2025. №8, <https://mysl.kazgazeta.kz/news/16460>.

Transliteration

- 1 Hussein Hnit, Ali Almanna [Constructing identity through narratives: Personal, social, and digital dimensions]. Social Sciences & Humanities Open, Volume 12, 2025, 101692, ISSN 2590-2911, <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101692>.
- 2 Oparina, I.G. Internet v sovremennom obshchestve: Social’no filosofskij analiz [The Internet in Modern Society: A Social and Philosophical Analysis] // dissertaciya. 2005. Krasnoyarsk. 142 s.

3 Philip Brey, Johnny Hartz Søraker. Philosophy of Computing and Information Technology. Editor(s): Anthonie Meijers, In Handbook of the Philosophy of Science, Philosophy of Technology and Engineering Sciences, North-Holland, 2009, Pages 1341-1407, ISSN 18789846, ISBN 9780444516671, <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-51667-1.50051-3>.

4 Heidegger, M. (1977). The Question Concerning Technology. In Basic Writings (D. F. Krell, Ed. & Trans.). New York: Harper & Row. (Original work «Die Frage nach der Technik» published in 1954 in a collection Vorträge und Aufsätze).

5 Ellul, J. (1964). The Technological Society (J. Wilkinson, Trans.). New York: Vintage Books. 332 P. (Original work «La Technique ou l'Enjeu du siècle» published in 1954).

6 Mumford, L. (1967). The Myth of the Machine, Vol. 1: Technics and Human Development. New York: Harcourt Brace Jovanovich. ISBN: 0-15-163973-6.

7 Mumford, L. (1970). The Myth of the Machine, Vol. 2: The Pentagon of Power. New York: Harcourt Brace Jovanovich. ISBN: 0-15-662341-2.

8 Günther, A. (1956). Die Antiquiertheit des Menschen Bd. I: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution, München: C.H. Beck Literatur - Sachbuch - Wissenschaft. <https://doi.org/10.17104/9783406704208>.

9 Ihde, D. (1990). Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth. Bloomington: Indiana University Press. 226 p. ISBN: 0253329000, 9780253329004.

10 Ihde, D. (2009). Postphenomenology and Technoscience: The Peking University Lectures. State University of New York Press. 102 p. ISBN: 1438426402, 9781438426402.

11 Rosenberger, R., & Verbeek, P. (Ed.). (2015). Postphenomenological Investigations: Essays on Human –Technology Relations. Lanham: Lexington Books. Retrieved March 5, 2026, from <http://dx.doi.org/10.5040/9781978726208>.

12 Latour, B. (1988). Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press. 288 p. ISBN: 9780674792913.

13 Latour, B. (1993). We Have Never Been Modern (C. Porter, Trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press. 157 p. ISBN 0-674-94838-6.

14 Winner, L. (1986). The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology. Chicago: University of Chicago Press. 240 p. ISBN: 9780226692548.

15 Castells, M. (2000). Materials for an exploratory theory of the network society. British Journal of Sociology, 51(1), 5-24. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00005.x>.

16 Floridi, L. (2010). The Cambridge handbook of information and computer ethics. Cambridge: Cambridge University Press. 327 p. ISBN: 9780511845239. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511845239>.

17 Floridi, L. (2013). The Ethics of Information. OUP Oxford. 357 p. ISBN: 0199641323, 9780199641321.

18 Aladyshkin I.V. Mezhdutradiciej i inovacij: o specifiķe postsovetstkogo tekhnovedeniya [Between Tradition and Innovation: On the Specifics of Post-Soviet Technological Studies] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. – 2015, №4. - S.47-51.

19 Vojskunsĳ A.E. Internet kak prostranstvo poznaniya: psihologicheskie aspekty primeneniya ĳipertekstovyh struktur [The Internet as a Space for Cognition: Psychological Aspects of Using Hypertext Structures] // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2017. T. 6. № 4. S. 7-20. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060401>.

20 Abolfazl Zare, Aliakbar Jalali. A Prospective Metaverse Paradigm Based on the Reality-Virtuality Continuum and Digital Twins, Recent Advances in Computer Science and Communications. Volume 18, Issue 1, 2025, ISSN 2666-2566, <https://doi.org/10.2174/0126662558294125240307094426>.

21 Federica Buongiorno, Xenia Chiaramonte. Do we really need a “Digital Humanism”? A critique based on post-human philosophy of technology and socio-legal techniques. *Journal of Responsible Technology*, Volume 18, 2024, 100080, ISSN 2666-6596, <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2024.100080>.

22 Burnashev R.F. Filosofiya informacionnogo obshchestva: problemy social'noj spravedlivosti v ehpokhu cifrovizacii // *Universum: obshchestvennyye nauki: ehlektron. nauchn. zhurn.* 2024. 1 (104). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/16606> (data obrashcheniya: 11.09.2025).

23 Shlyapnikov V.V. Kiberfilosofiya kak filosofiya cifrovogo obshchestva // *Gumanitarnye issledovaniya.* -2020, №4 (29). – S.48-50. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-29-48-50>.

24 Carl Mitcham Computers: From ethos and ethics to mythos and religion: Notes on the new frontier between computers and philosophy. *Technology in Society*, Volume 8, Issue 3, 1986, Pages 171-201, ISSN 0160-791X, [https://doi.org/10.1016/0160-791X\(86\)90003-5](https://doi.org/10.1016/0160-791X(86)90003-5).

25 Sandakova L.B. Filosofiya tekhniki: Obzor osnovnykh koncepcij [Philosophy of Technology: A Review of Basic Concepts] // Novosibirsk: 2013. -31 s.

26 Weibo Li Quantification as social technology: Integrating studies of quantification with philosophy of technology. *Technology in Society*, Volume 78, 2024, 102635, ISSN 0160-791X, <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2024.102635>.

27 Ehshtejn M.N. Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]. – M.; SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2016. – 480 s. (Seriya «Humanitas»).

28 Dobrorodnij D.G. Internet kak tekhnologicheskaya osnova kul'tury postmoderna: filosofiya interneta L. Ropol'i [The Internet as a technological basis for postmodern culture: L. Ropolya's philosophy of the internet]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, 2019. №2, S.32-38. <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/2032>.

29 Saeid Zarghami Hamrah. Investigating the Relationship Between Virtual Education and Social Aims of Education from the Viewpoint of Existence Philosophy with an Emphasis on Jaspers Thoughts, *Procedia. - Social and Behavioral Sciences*, Volume 29, 2011, Pages 1750-1758, ISSN 1877-0428, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.11.421>.

30 Dreyfus, H.L. (2008) [On the Internet: thinking in action] (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203887936>.

31 Aleksandrova M.V., Ivashchenko A.V., Borisova T.V. Vospriyatie vremeni v srede virtual'noj real'nosti: ekzistencial'nyj, semioticheskij i ontologicheskie aspekty [Perception of time in a virtual reality environment: existential, semiotic, and ontological aspects] // *Osnovy ehkonomiki, upravleniya i prava.* 2023. №2 (37). S. 9-13. https://doi.org/10.51608/23058641_2023_2_9.

32 Blair Matthews [Artificial worlds and artificial minds: Authenticity and language learning in digital lifeworlds]. *Journal of Responsible Technology*, Volume 23, 2025, 100131, ISSN 2666-6596, <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2025.100131>.

33 Mal'ceva S.M. Filosofiya interneta kak otrasl' sovremennoj filosofii [Philosophy of the Internet as a Branch of Modern Philosophy] / S.M. Mal'ceva, D.A. Stroganov, P.I. Kozlova [i dr.] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal.* – 2023. – №8 (134). – URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.67> (data obrashcheniya: 11.09.2025). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.134.67>.

34 Rossius P.A. Chelovechestvo v cifrovuyu epohu [Chelovechestvo v cifrovuyu ehpokhu] // *Filosofiya nauki i tekhniki.* – 2025. T.3. №1 (2025). <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2025-30-1-58-68>.

35 <https://famous-scientists.ru/science/philosophy/country/kazakhstan>

36 Amangeldiyev A., Mustafina, T., & Kemberbay, R. (2023). [The formation of 'digital philosophy' as a new direction in philosophy]. Journal of Philosophy Culture and Political Science, 85(3). <https://doi.org/10.26577/10.26577/jpcp.2023.v.85.i3.04>.

37 Dunaev V.Yu., Kurganskaya V.D., Sagiky`zy` A., Shaukenova Z.K. Informacionno-cifrovaya transformatsiya povsednevnosti v ekspertnyh otenkah i v vospriyatii massovym soznaniem (kazhastanskij kejs) [Information and Digital Transformation of Everyday Life in Expert Assessments and in the Perception of Mass Consciousness (the Kazakhstan Case)] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Sociologiya. - 2025. - T. 25. - №4. - C. 716-733. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733>.

38 Karipbaev B.I., Zhakin S.M., Seifullina G.R. Format cifrovizatsii Kazhastana: identichnost' i budushchee [Digitalization Format of Kazakhstan: Identity and Future] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Filosofiya. - 2025. - T. 29. - №2. - C. 535-547. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-535-547>.

39 Pernekulova M.M. Virtual'naya real'nost' i problema realizatsii tvorcheskogo potentsiala lichnosti [Virtual Reality and the Problem of Realizing the Creative Potential of an Individual] / Dissertatsiya. Almaty`. 2025. 148 s.

40 Kozhan A.A., Yilmaz S., Osserbayev Ye.N., Shadinova G.A., Dosaliyev T.K. The digitalization era: philosophical aspects of technological civilization in modern Kazakhstan // Bulletin of Karaganda University. Philosophy Series. Vol. 30. 1(117). 2025. p. 286-299. <https://doi.org/10.31489/2025hph1/286-299>.

41 Karipbayev B.I., Zhakin S.M., Seifullina G.R. [Kazakhstan's Digitalization Format: Identity and Future] // RUDN Journal of Philosophy. - 2025. - Vol. 29. - N. 2. - P. 535-547. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-535-547>.

42 Suleimen Kaimov, Talgat Kaiym, Nazym Kanagatova, Maksat Kalimoldayev, Aidarkhan Kaimov, Talgat Mazakov [Enhancing information Security Audits in Enterprise Systems with a Recommendation Generation Process]. Procedia Computer Science, Volume 251, 2024, Pages 585-590, ISSN 1877-0509, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2024.11.153>.

43 Amaniayazova B.A., Utesheva G.T. Smysl cheloveka v cifrovuyu epohu: filosofskoe osmyslenie [Smysl cheloveka v cifrovuyu ehpokhu: filosofskoe osmyslenie [The meaning of man in the digital age: philosophical understanding] // Vestnik Aktyubinskogo regional'nogo universiteta, -2025. № 80 (2), S. 279-284. <https://doi.org/10.70239/arsu.2025.t80.n2.33>.

44 Filosofiya nezavisimogo Kazhastana v epohu global'nykh transformatsii. [Filosofiya nezavisimogo Kazhastana v ehpokhu global'nykh transformatsii [Philosophy of independent Kazakhstan in the era of global transformations. Collection of materials of the III Kazakhstan Philosophical Congress (Almaty, November 23-24, 2021)]. Sbornik materialov III Kazhastanskogo filosofskogo Kongressa (Almaty, 23-24 noyabrya 2021 g.). – Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, 2022. – 242 s.

45 Altaev Zh., Toxtaxunov B. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na social'nuyu real'nost' obshchestva: filosofskij aspekt [The influence of artificial intelligence on the social reality of society: philosophical aspect] // Respublikanskij obshchestvenno-politicheskij zhurnal «My`sl'», -2025. №8, <https://mysl.kazgazeta.kz/news/16460>.

Исақ Н.О., Тумашбай Т.Е., Қудайбергенова Н.Ж.

Заманауи философия: постсоветтік кеңістіктегі интернет-философия және техно-философия

Аннотация. Мақала постсоветтік кеңістіктің тарихи және мәдени өзгерістері жағдайында техно-философияның дамуын талдауға арналған. Жұмыста цифрлық

технологиялардың қарқынды дамуымен байланысты философиялық ойдың жаңа саласы ретінде техно-философияның пайда болуының тарихи контексті мен алғышарттары келтірілген. Технологияларды талдау саласындағы постсоветтік философиялық дәстүрдің ерекшеліктеріне және олардың қоғам мен жеке санаға әсеріне ерекше назар аударылады. Жаңа философиялық тұжырымдамаларды қалыптастыру мен түрлендірудегі интернет-кеңістіктің шешуші рөлі, сондай-ақ виртуалды шындықтың қазіргі қоғамдағы уақыт пен себептілікті қабылдауға әсері қарастырылады. Философиялық дереккөздерді талдау негізінде цифрлық технологиялардың әсерінен шындық пен сана идеяларындағы өзгерістердің негізгі тенденциялары, сондай-ақ осы процестің басты бағыттары мен сын-қатерлері анықталды.

Түйін сөздер: техно-философия, интернет-философия, постсоветтік философия, цифрлық технологиялар, виртуалды шындық, уақытты қабылдау, себептілік, сана, қазақстандық зерттеушілер, академиялық ғылым, философиялық тұжырымдамалар, цифрлық шындық.

Исак Н.О., Тумашбай Т. Е., Кудайбергенова Н.Ж.

Современная философия: интернет-философия и техно-философия на постсоветском пространстве

Аннотация. Статья посвящена анализу развития техно-философии в условиях исторических и культурных трансформаций постсоветского пространства. В работе представлен исторический контекст и предпосылки возникновения техно-философии как новой отрасли философской мысли, связанной с быстрым развитием цифровых технологий. Особое внимание уделено особенностям постсоветской философской традиции в сфере анализа технологий и их влияния на общество и индивидуальное сознание. Рассматривается ключевая роль интернет-пространства в формировании и трансформации новых философских концепций, а также влияние виртуальной реальности на восприятие времени и причинности в современном обществе. На основе анализа философских источников выявлены основные тенденции изменений в представлениях о реальности и сознании под воздействием цифровых технологий, выделены ключевые направления и вызовы этого процесса.

Ключевые слова: техно-философия, интернет-философия, постсоветская философия, цифровые технологии, виртуальная реальность, цифровая реальность.

Author Contributions. N. Issak, T. Tumashbay, Conceptualization, Methodology, Investigation, Writing – Original Draft Preparation; N. Kudaibergenova, Corresponding author, Supervision, Writing – Review & Editing. Article formatting and manuscript preparation.

Received 16.11.2025

Accepted 14.05.2026

DYNAMIC CHANGES IN CULTURAL AND PHILOSOPHICAL VALUES

¹K. Biyazdykova, ²M. Jekebayeva*

¹Kazakh National Women's Teacher training University, (Almaty, Kazakhstan)

²Kazakhstan-Russian Medical University, (Almaty, Kazakhstan)

¹kenzhe010180@gmail.com, ²81makpal@mail.ru

¹К.А. Бияздыкова, ²М.А. Джекебаева*

¹Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, (Алматы, Қазақстан)

²Қазақстан –Ресей Медицина Университеті (Алматы, Қазақстан),

¹kenzhe010180@gmail.com, ²81makpal@mail.ru

Citation: Biyazdykova K.A., Jekebayeva M.A. Dynamic Changes in Cultural and Philosophical Values // *Al-Farabi*. – 2026. – Vol. 25. № 2 (94). – P. 152-168.

Abstract. This article examines how cultural and philosophical values have changed over the course of historical development, as well as the features of these changes. It considers how social, political, and economic transformations in society affect the system of cultural and philosophical values. In addition, the transformation of cultural and philosophical values in the context of globalization, scientific and technological progress, and the information society is analyzed. The main goal of the article is to study the constantly evolving nature of cultural and philosophical values and to determine their significance in modern society. The article discusses dynamic changes in the value orientations of young people in the context of modern societal development. Significant differences in value orientations between young people, namely Generation Z (Gen Z) and Millennials (Gen Y), determine the relevance of the article. Since youth is the driving force of social change and the bearer of the future, it is especially important for society to study the values that guide them.

Value orientations represent a system of internal principles that determine an individual's life goals, behavior, and worldview. The values of young people are formed depending on the socio-economic situation, family upbringing, the education system, culture, and the information environment. The article examines the features of the formation of value orientations of modern youth from a philosophical and scientific perspective, based on academic sources and specific sociological research. The study shows that over time, increased activity on social networks, TikTok streaming, and blogging can sometimes weaken the spiritual orientation of young people and lead to the predominance of consumerist attitudes. Therefore, the purpose of the article is to emphasize the importance of teaching young people critical thinking skills and fostering respect for spiritual and moral values

Key words: Zoomers, millennials, blogging, national culture, childfreedom, autonomy, RedFlag, values.

* Author-correspondent: M.A. Jekebayeva, 81makpal@mail.ru

Introduction

Today, changes in cultural and philosophical values are phenomena closely related to the development of society. Each historical period has its own worldview and system of values. These values are formed as a result of the social structure and cultural experience of society.

Values are fundamental concepts that determine the meaning of human life, the rules of behavior in society, and cultural traditions. They form the spiritual foundation of human civilization; therefore, the study of their transformation helps to understand the spiritual development of society. Modern research shows that cultural values are closely associated with globalization, technological advancement, and social change, all of which contribute to the formation of new worldviews. In philosophy, values are studied within the field of axiology; they reflect the historical experience, spiritual life, and social relations of society, shape people's worldviews, and establish moral norms.

Cultural values preserve historical experience, develop spiritual culture, regulate social relations, and form national identity. As one of the key categories determining the meaning of human life, norms of behavior, and cultural traditions, values play a central role in society. From a cultural and philosophical perspective, they constitute the spiritual foundation of human civilization. Therefore, studying how they change over time allows us to better understand the path of society's spiritual development.

Modern philosophical research shows that changes in cultural values are closely related to the processes of globalization, technological development, and social transformations. These changes influence the formation of new worldview orientations in society. Among modern youth, such values as education, self-development, career building, and material independence are becoming increasingly important. At the same time, freedom, the right to personal choice, and self-expression are also highly valued. This trend is largely driven by globalization and digital technologies. At the same time, traditional values have not lost their significance. Family, respect for parents, morality, and love for national culture and language continue to occupy an important place in the minds of young people. However, the acceptance of these values is now combined with a modern perspective that differs from previous generations.

Social networks and mass media have a significant influence on the value orientations of young people. The modern information environment offers a wide range of opportunities - from entertainment and communication to education and business activities. However, excessive engagement with social media platforms, such as TikTok, and the pursuit of popularity through likes and online recognition can sometimes lead to the strengthening of consumerist attitudes.

In addition, modern beauty standards promoted online may contribute to the loss of individuality among young people. Practices such as cosmetic procedures and appearance modification are often perceived as forms of self-care, reflecting changing attitudes toward identity and self-expression.

At the same time, there are noticeable shifts in personal and spiritual values. Young people tend to prioritize independence, set their own life conditions, delay marriage, and focus on career development, travel, and personal growth. Many are actively engaged in entrepreneurship, social media, and other modern economic activities.

Thus, the influence of the information space, especially social networks, on the value orientations of young people is significant and multifaceted. On the one hand, it broadens their worldview; on the other hand, it may contribute to the dominance of pragmatic and consumer-oriented attitudes. In this regard, the development of critical thinking and the strengthening of spiritual and moral values among young people become urgent issues.

The value orientations of young people are one of the most important indicators of societal development. The value system of modern youth is formed through the interaction of traditional and contemporary values. The development of values based on national culture, while also meeting global demands, is a shared responsibility of the state, educational institutions, and the family.

From a scientific perspective, the systematic study of youth value orientations is essential for ensuring social stability. The sustainable development of society is directly linked to the values held by young people, who, as a social group, are highly receptive to change and new ideas. Therefore, one of the most pressing tasks is the scientific analysis of the values that guide young people, including the key factors influencing their life goals and social positions, as well as the relationship between traditional and modern values in the context of globalization and the information environment. Value orientations determine a person's behavior, life goals, and social activity. Therefore, studying the value system of youth makes it possible to improve social policy, as well as systems of education and upbringing.

Value orientations represent a system of internal principles that shape an individual's social behavior, life purpose, attitudes, and decision-making. During youth, these orientations are actively formed and are highly sensitive to socio-cultural changes in society. They develop through an individual's social experience and are influenced by socio-economic conditions, the cultural environment, family upbringing, and the education system.

At the present stage, values such as education, professional success, material well-being, personal freedom, and self-realization are becoming priorities among young people. This trend is closely related to globalization, the market economy, and the development of digital technologies. At the same time, traditional values—particularly family, morality, respect for elders, and attitudes toward national culture and language — also occupy an important place in the value system of youth. However, these values are no longer expressed in the same rigid forms as before, but are instead adapted to modern lifestyles and new social realities.

The influence of the information environment, especially social networks, on the value orientations of young people is significant. On the one hand, it can broaden their worldview; on the other hand, it may contribute to the strengthening of consumerist and pragmatic attitudes. In this regard, the development of critical thinking and the reinforcement of spiritual and moral values among young people have become urgent tasks. According to a sociological study titled *“Characteristic Features of Millennials and Zoomers,”* more than 160 Millennials and 165 Generation Z representatives participated in the survey. In total, the study involved 325 respondents aged 14 to 48. The results showed that family is considered the primary value for the majority of young

people in Kazakhstan: 80.1% of respondents identified it as the most important life value. This indicator has remained consistently high over several years. As part of the same study, it was noted that 72.9% of young people use their native language daily at home, which indicates the preservation of values related to national culture and language.

Another research paper, *“Between Traditions and Globalization: Value Orientations of Kazakhstan Youth,”* surveyed 450 students in major cities of Kazakhstan, including Almaty and Astana [1]. The results of this study identified significant differences and trends in the value orientations of young people. In particular, it showed that the importance attached to friendship and work among young people is lower compared to the adult population. For example, only about 38% of young respondents considered friendship an important value, whereas among adults this figure was approximately 84%.

Methodology

The study demonstrated that both traditional and modern elements coexist within the value system of young people in Kazakhstan. These include a combination of such aspects as family, social status, education, and professional development.

Modern sociological research has shown that material values also play a significant role, especially during periods of economic and social transformation. For instance, studies of youth in Europe and Russia indicate the predominance of rational (material) values. This is reflected in the fact that many young people seek employment abroad, most commonly in countries such as Korea, Turkey, Great Britain, and the United States [2].

Other studies have examined the ethnic and social characteristics of youth value orientations, highlighting the important role of ethnic identity in shaping behavior and social relations.

Philosophical Significance of Cultural Values

Cultural values constitute a fundamental dimension of social life, reflecting the historical development of a society, the specific features of its spiritual culture, and the character of interpersonal and institutional relationships. They provide normative and semantic frameworks through which individuals interpret reality, evaluate social phenomena, and regulate their behavior.

Within philosophy, the systematic study of values is carried out in Axiology, a field concerned with the essence, structure, and functions of values in human existence. From an axiological perspective, values represent socially recognized ideals and standards that express conceptions of truth, justice, beauty, dignity, and freedom. They serve as reference points for both personal self-determination and collective development.

The significance of cultural values can be understood through several interrelated functions. First, they preserve and transmit the accumulated historical experience of a

community. Second, they sustain the continuity of spiritual culture by linking successive generations. Third, they regulate social interaction by establishing shared norms and expectations. Finally, they contribute to the formation of national and cultural identity, enabling individuals to perceive themselves as members of a particular historical and cultural tradition.

Cultural values are embodied in language, moral principles, religious beliefs, artistic practices, scientific achievements, and educational institutions. In this sense, they form the conceptual foundation of the spiritual life of society and shape the broader cultural environment in which human activity unfolds.

Historical Evolution of Philosophical Values. The understanding of values has undergone substantial transformation throughout the history of philosophy, reflecting changes in social organization and intellectual paradigms.

In ancient philosophy, values were closely associated with truth, wisdom, virtue, and cosmic order. Thinkers such as Plato and Aristotle regarded the pursuit of the good life as the central aim of philosophy and viewed moral excellence as the condition for achieving human fulfillment.

During the Middle Ages, philosophical reflection on values was largely shaped by religious doctrine. Faith, spiritual devotion, and the orientation of human life toward divine purposes were considered the highest values.

The Renaissance introduced a renewed focus on human individuality and creative potential. Values such as personal dignity, freedom, and self-expression became increasingly prominent.

In the modern era, the rise of scientific thought and rational inquiry transformed the philosophical landscape. Reason, empirical knowledge, and progress came to be viewed as essential foundations of civilization.

Contemporary philosophy places particular emphasis on human rights, democratic governance, pluralism, cultural diversity, and tolerance. These priorities reflect the growing complexity of modern societies and the ethical challenges generated by globalization.

Determinants of Value Transformation

Changes in value systems are influenced by a range of interconnected historical and social processes.

Scientific and Technological Development

Technological innovation reshapes patterns of communication, labor, and everyday life. The expansion of digital technologies has created new cultural forms and raised ethical questions concerning privacy, responsibility, and human autonomy.

Globalization. Globalization intensifies interaction among cultures, facilitating the exchange of ideas and practices. At the same time, it increases the importance of preserving cultural distinctiveness and historical continuity.

Socio-Political Change

Political reforms, social movements, and major historical events alter prevailing conceptions of justice, authority, and individual rights. In democratic contexts, freedom, equality, and civic participation assume particular significance.

Education and Cultural Institutions

Education plays a decisive role in transmitting established values and fostering critical reflection. Through educational and cultural institutions, societies reproduce and revise their normative foundations.

Cultural Values in the Contemporary World

In the twenty-first century, cultural values are being reconsidered under the influence of technological transformation, environmental concerns, and expanding global interdependence. In contemporary society, particular significance is attached to a set of values that define the ethical and social foundations of public life. These include personal autonomy, the recognition and protection of fundamental human rights, respect for cultural differences, openness to dialogue among representatives of diverse cultural traditions, and responsibility for the preservation of the natural environment. Together, these values reflect the growing awareness of the need to balance individual self-realization, social justice, and sustainable development.

At the same time, national cultures continue to serve as essential sources of historical memory and collective identity. The central challenge for contemporary societies lies in balancing participation in global processes with the preservation of their unique cultural heritage.

Cultural values perform a foundational role in the organization and development of social life. They preserve historical experience, establish normative standards, and shape the worldview of individuals and communities. Philosophical analysis of values makes it possible to understand both the mechanisms of cultural continuity and the dynamics of social transformation. In this regard, the study of cultural values remains essential for interpreting the moral and intellectual trajectories of modern civilization.

Cultural and Value Transformations in Kazakhstan

The formation of cultural and philosophical values in Kazakhstan is based on national traditions, as well as historical and spiritual heritage. Core values of Kazakh culture include morality, hospitality, respect for elders, unity, and social cohesion.

In modern Kazakh society, particular attention is paid to both preserving and modernizing national culture. In the context of globalization, the development of intercultural dialogue and mutual understanding becomes increasingly important. At the same time, the value orientations of youth reflect both traditional and modern influences. While family remains a key value, young people increasingly prioritize education, personal development, and material well-being. Comparative studies show clear differences between the value systems of younger and older generations, highlighting the impact of social change.

In Kazakhstan, differences between Generation Z and Millennials are especially noticeable due to economic, cultural, and linguistic factors, which play a significant role in shaping their value orientations. Конец формыКонец формы

Table No. 1. - Characteristic features of millennials and Zoomers

Characteristics and features	The millennials (1981-1996)	Zoomers (1997-2012)
Attitudes Toward Work and Career	Millennials (Gen Y): For Millennials, it is important to “find themselves” and engage in work they are passionate about. Career growth, status, and the search for meaning play a significant role. Work is often viewed as a key means of self-realization.	Generation Z (Gen Z): For Generation Z, stability and mental well-being are primary priorities. Work is seen as only one part of life. They are highly aware of burnout and place great importance on maintaining a work–life balance.
• Money and consumption	Millennials (Gen Y): Millennials tend to spend money on experiences such as travel and personal impressions. They are more likely to invest in long-term goals, including mortgages, and believe in achieving “big goals.”	Generation Z (Gen Z): Generation Z demonstrates greater financial prudence and often prefers minimalism. They tend to avoid excessive consumption and favor a more flexible lifestyle. «
Mental health	Millennials (Gen Y): Among Millennials, discussions about mental health have become more open over time; however, there is still internal pressure to “be strong.”	Generation Z (Gen Z): For Generation Z, mental health is normalized. Therapy, setting personal boundaries, and saying “no” are widely accepted. Prioritizing oneself is not viewed as selfish.
Social values	Millennials (Gen Y): Millennials generally strive for tolerance and support social justice, but often in a more moderate form. e	Generation Z (Gen Z): Generation Z tends to be more principled and expressive in their views. Inclusiveness, gender equality, and environmental awareness are considered core values. Neutrality is often perceived as a lack of support. Striving for tolerance. Support for social justice
Technology and information	Millennials (Gen Y): Millennials use social networks primarily as tools for communication and professional development.	Generation Z (Gen Z): For Generation Z, the online and offline worlds are deeply integrated. They prefer short, visual content, respond quickly to information, and tend to critically filter and question sources. Use social networks as tools.

Socio-Historical Environment that education leads to success.	Millennials (Gen Y): Millennials grew up during the transitional period of the 1990s, characterized by economic instability. Their worldview was shaped by a “survival strategy,” with limited trust in institutions but a belief	Generation Z (Gen Z): Generation Z was born in independent Kazakhstan during a period of relative stability and digitalization. They grew up alongside global digital platforms such as TikTok, YouTube, and Netflix.
Family and Tradition	Millennials (Gen Y): Millennials tend to balance tradition and modern life. Early marriage is generally considered normal.	Generation Z (Gen Z): Generation Z prioritizes personal choice. Delayed marriage or even rejection of marriage is more common. They actively rethink traditional gender roles.
Attitudes Toward Education and Success	Millennials (Gen Y): For Millennials, higher education is seen as a key social elevator. A university diploma is highly valued and is associated with stability and career success. This perspective is often reinforced by parental expectations: “Study well, get a stable job, and secure your future.”	Generation Z (Gen Z): Among Generation Z, confidence in the value of a diploma has decreased. Greater emphasis is placed on practical skills, self-learning, and alternative education formats such as online courses, blogging, and IT training. Early financial independence (ages 18–22) is considered important, and dropping out of university is increasingly seen as an acceptable choice.
Work Culture	Millennials (Gen Y): Millennials tend to accept hierarchical structures in the workplace. Leaving a job is often perceived as a risk, and authority figures (e.g., managers) are generally respected.	Generation Z (Gen Z): Generation Z is less tolerant of authoritarian management styles. They openly express dissatisfaction, are willing to leave toxic work environments quickly, and prefer flexible, creative, and international work settings over traditional or public-sector employment.
Mental Health	Millennials (Gen Y): Mental health issues are often endured rather than openly discussed. Seeking psychological help may still be perceived as uncomfortable or stigmatized	Generation Z (Gen Z): Generation Z openly discusses anxiety and depression. Therapy is viewed as a normal and necessary practice. Concepts such as self-care, emotional intelligence, and professional psychological support are widely accepted.

Language and Identity	Millennials (Gen Y): Language is often perceived primarily as a practical communication tool.	Generation Z (Gen Z): For Generation Z, the Kazakh language is strongly associated with identity. They are more sensitive to issues of language, culture, and decolonization. At the same time, they активно consume English-language content. The rise of Kazakh-speaking digital youth has become especially noticeable in the past 5–7 years.
Labor Market Conflict	Millennials (Gen Y): The dominant logic is “endure first, then grow.” Long-term employment in one organization is associated with reliability and career progression.	Generation Z follows the logic that “time and mental well-being are valuable.” Salary is not the only motivator; flexibility, remote work, and project-based employment are highly valued. Authoritarian leadership is often seen as a “red flag.”
Sources of Conflict	Employers (often Millennials or Gen X): “Young people are lazy and impatient.” High staff turnover is viewed negatively. Employer (mostly millennial / Gen X): «Youth is lazy, impatient» personnel instability.	Generation Z Employees: ployee:»This system wants to use me» “This system exploits me.” There is a strong demand for fairness, flexibility, and respect.
Conflict in the education system	Millennial Experience: University education is considered a mandatory stage. A diploma equals social capital. are seen as authority figures, and parents emphasize: “Without a diploma, you will not succeed.”	Generation Z Experience: University is viewed as only one of many possible paths. Alternatives such as online platforms (e.g., courses, video content, bootcamps) are widely used. There is a strong expectation for immediate practical outcomes from education. Many question: “Why spend four years studying theory without earning income?” In Kazakhstan, it is increasingly possible to build a career without a diploma in fields such as IT, design, and SMM. However, in professions like medicine, law, and education, formal qualifications remain essential.

Results and Discussions

Analysis of Value Orientations of Millennials and Zoomers in Kazakhstan

From the examination of the characteristic features of Millennials and Zoomers, detailed information is presented in **Table 1**, based on the results of a sociological study. An interview titled “*Characteristic Features of Millennials and Zoomers*” was conducted, involving more than 160 Millennials and 165 Zoomers. The questions and responses from this interview are summarized in Table 1.

The main findings of the interview can be summarized as follows:

- **Millennials** prioritize “finding themselves” in their work and career. They focus on doing what they love, career growth, status, and meaningful work. For them, work serves as a means of self-realization.
- **Zoomers (Generation Z)** prioritize stability and mental health. Work is seen as only one part of life. They are highly aware of burnout, and maintaining a work–life balance is essential.

The value orientations of young people serve as a key indicator of societal development. The value system of modern youth is shaped through the interaction of traditional and modern values. Developing values among young people, based both on national culture and global requirements, is a shared responsibility of the state, educational institutions, and families [3]. From a scientific perspective, systematic research on the value orientations of youth is crucial for ensuring social stability.

Regarding **education and career success**, Millennials tend to value higher education and university diplomas as essential for achieving stability and social mobility. In contrast, Zoomers increasingly pursue alternative paths to success, including online courses, self-education, blogging, social media management (SMM), IT, and other creative or entrepreneurial activities. Some Zoomers achieve financial independence and professional success at an early age, reflecting a shift from traditional models of career progression.

The study “*Between Traditions and Globalization: Value Orientations of Kazakhstan Youth*” surveyed young people in major cities of Kazakhstan and highlighted generational differences. For example, the importance of friendship and work was rated lower among Zoomers than Millennials. Only ~38% of young people considered friendship important, compared to ~84% among adults [4]. These findings demonstrate the coexistence of traditional and modern elements in the value system of Kazakh youth, including family, social status, education, and professional development.

Cultural Identity and Socialization

Among youth, cultural identity is often transitional, with identity formation not entirely dependent on the immediate environment but seeking more permanent forms. Socialization institutions including family, schools, media, military, and public organizations play a critical role in shaping value orientations, though sometimes inconsistently.

Electronic media occupy a significant portion of young people’s leisure time and act as an important tool for forming their spiritual world, cultural values, and social attitudes.

Concerns About Mental and Creative Potential

The future of society depends on the values adopted by today’s youth. Unfortunately, recent research indicates a decline in the mental and creative potential of the younger generation, partly due to worsening physical and mental health. Reports show a rising number of health issues among young people, including developmental deviations.

Surveys and sociological studies reveal that young people often rate their intellectual and creative abilities lower than previous generations. Understanding their aspirations and achievements is crucial for guiding societal development. An example of these findings is summarized in **Table 2**. The survey results regarding the spheres of achievement among young people can be summarized in four categories:Конец формы

Table No. 2. - Spheres of achievement

Spheres of Achievement Among Young People	Those who have achieved success	Those who have not yet achieved suc- cess but are confident they can.	Those who want to achieve but feel it is impos- sible	Those for whom achievement was never part of their life plans
Getting a good education	62	31	10	-
Getting a prestigious job	20	67		14
Creating a strong family	23	71	10	-
Creating your own business	6	38	41	16
Being a rich man	-	50	24	27
Doing what you love	33	45	24	5
Become famous	-	15	12	67
Visiting different countries of the world	18	55	17	23

Main Spheres of Aspiration Among Young People

Based on sociological research, the primary areas in which young people strive for achievement can be grouped as follows:

1. Getting a Prestigious Job

Many young people prioritize securing a respected and stable position in their professional field. This reflects their desire for career growth, social recognition, and financial independence.

1. Creating a Strong Family

Establishing a family is a central value for many youth, especially in maintaining cultural and traditional continuity. This includes forming lasting relationships, raising children, and fostering mutual support within the household.

2. Creating One's Own Business

Entrepreneurship is increasingly valued, particularly among Generation Z. Young people aim to establish their own ventures, achieve financial independence, and express creativity and innovation in their professional activities.

Value Orientations and Social Attitudes of Young People

Young people today place greater emphasis on education and personal fulfillment than on material wealth. Their primary values are often associated with engaging and meaningful work rather than mere earnings. Freedom and autonomy are preferred over material well-being. This is reflected in survey results showing that fewer young people associate their dreams with material consumption (owning property, earning large amounts of money, traveling, or living in abundance) compared to non-material goals, such as creating a family, raising children, or pursuing education.

Among those considered “prosperous” youth:

- 84% believe that their current and future financial situation primarily depends on their own efforts.

- 67% stated, “My success largely depends on myself.”

- 33% believe their success depends mainly on the country’s economic situation.

When asked about risk and achievement:

- 48% agree, “To succeed in life, one must take risks.”

- 45% prefer a gradual approach: “It is better to avoid risks and build a career step by step.”

- 53% support self-made material success: “Those who do not seek success will live poorly, and that is fair.”

- 48% emphasize social responsibility: “Those who work hard should help the less fortunate.”

- 32% believe any income is acceptable, regardless of its source.

- 75% assert that income must be earned honestly.

- 72% consider freedom essential to the meaning of life.

- 65% prioritize conscience and moral principles over material gain.

- Only 23% believe that survival requires disregarding moral norms.

These results indicate that young people value personal responsibility, freedom, and ethical behavior, while still recognizing the role of material security.

Changing Value Orientations Over Time

Value orientations among youth are dynamic and influenced by prevailing social, economic, and cultural circumstances. Modern youth tend to prioritize personal interests over public ones, emphasizing freedom and individual responsibility. However, life experiences—such as unrequited love, family conflicts, divorce, irresponsibility, and excessive freedom—significantly impact the development of socialization and personality from childhood. Both positive and negative childhood experiences influence the psyche and the process of self-development.

Survey on Moral and Social Values

To study the value orientations of younger students, a sociological survey was conducted. Respondents are asked questions such as:

- “Which values are most important in your life?”

- “What can increase your interest in moral values?”
- “Does work give you moral satisfaction, or are you working for money?”
- “What kind of society would you like to live in?”
- “If you were Minister of Health, what changes would you make?”
- “If you were the head of state, what would you do for the enlightenment of the country?”

As most respondents were future medical professionals, they focused on issues related to medicine, healthcare, public health, suicide prevention, patriotic education, and societal well-being.

Responses regarding the health system included:

- Improving the efficiency of healthcare departments.
- Providing assistance to disabled individuals and patients.
- Minimizing the incidence of medical mistakes and improving the overall quality of healthcare services.
- Maintaining environmental sustainability through effective waste disposal and responsible management of natural resources.
- Integrating the principles of bioethics and deontology, as well as introducing health and anatomy education at early stages of schooling.
- Strengthening efforts to prevent and treat socially significant and rare diseases, including cancer, HIV/AIDS, and tuberculosis.
- Fostering social solidarity by promoting respect for older generations and support for vulnerable members of society.
- Encouraging healthy lifestyles through regular physical activity, balanced nutrition, psychological well-being, and the cultivation of forgiveness and self-discipline.
- Supporting the development of a competitive national film industry capable of producing high-quality domestic productions.
- Combating corruption and reinforcing transparency and accountability in public institutions.
- Improving social welfare by increasing pension payments and student scholarships.

Priorities and Life Aspirations

Survey findings suggest that contemporary youth place the greatest importance on material stability and personal well-being. The highest-ranked priorities include:

- Financial prosperity and confidence in one’s economic future (84.8%);
- Access to secure and adequate housing (81.1%);
- Preservation of physical and mental health (82.6%).

Secondary priorities include family formation, raising children, and emotional relationships (69–76%).

Despite their clear goals, many young people struggle with dedication, patience, and attention to societal issues, partly due to workload and personal challenges. This highlights the importance of moral education and cognitive guidance to foster responsibility, empathy, and social awareness among the younger generation.

Conclusion

Changes in Cultural and Philosophical Values Among Youth

The transformation of cultural and philosophical values is a natural and ongoing phenomenon in societal development. Social, political, and technological changes drive the renewal of value systems. Today, the adaptation of cultural values to contemporary historical realities is a crucial task. This adaptation contributes to the spiritual growth of society, the preservation of cultural diversity, and the advancement of human civilization.

Generational differences are evident in how youth perceive and interact with society. Millennials tend to live within established systems, exercising control and seeking to adapt these systems to their own needs. For them, traditional values such as family duty, respect for elders, and obedience carry significant weight. Social expectations play a strong role: for girls, the pressure often relates to age and marriage, while for boys, societal norms emphasize masculinity and assertiveness.

In contrast, Generation Z (Zoomers) places greater emphasis on personal boundaries, emotional security, and independence from parental authority. They prioritize convenience and efficiency in daily life, often relying on services such as food delivery or professional cleaning. Zoomers are also more willing to end toxic relationships, including those with abusive or manipulative individuals, reflecting a stronger sense of personal agency.

The values of youth serve as a mirror of societal development. Their ability to combine modern and national values is a shared responsibility of families, schools, and the state. Only a younger generation that is conscious, responsible, and grounded in strong values can secure a prosperous and stable future for the country. Конец формы

List of references

- 1 Buribayev, Y., Khamzina, Z., Buribayeva, A. Between traditions and globalization: value orientations of Kazakhstani youth. *Frontiers in Sociology*. – 2025 // <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1563274><https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2025.1563274/full>
- 2 Саликжанов Р.С. Система ценностей современной казахстанской молодежи. // *RUDN Journal of Sociology*. – 2014. – №2. – С.136-145. // URL: <https://journals.rcsi.science/2313-2272/article/view/340691>
- 3 Tolmacheva, S.V., Rebysheva, L.V., Davletshina, E.V. Value orientations of youth: sociological study. *Proceedings of Higher Educational Institutions: Sociology*. – 2024
- 4 Павлова К.Н., Дагбаева С.Б. Идентичность и ценностные ориентации учащихся из различных этнокультурных групп. // *Журнал психолога*. – 2024. – № 6. – С. 20-39. // URL: <https://journals.rcsi.science/2409-8701/article/view/361817>
- 5 Назарбаев Н. Ә. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру. – Алматы, 2017.
- 6 Әбішев Қ. Философия. – Алматы: Білім, 2012.
- 7 Орынбеков М. Қазақ философиясының тарихы. – Алматы, 2002.
- 8 Тоқаев Қ. Тәуелсіздік бәрінен қымбат. – Алматы, 2021.
- 9 Кассирер Э. Адам туралы эссе. – Мәскеу, 1998.

10 Тойнби А. Тарихты зерттеу. – Мәскеу, 2003.

11 Хантингтон С. Өркениеттер қақтығысы. – Мәскеу, 2005.

Transliteration

1 Buribayev, Y., Khamzina, Z., Buribayeva, A. Between traditions and globalization: value orientations of Kazakhstani youth. *Frontiers in Sociology*. – 2025, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1563274><https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2025.1563274/full>

2 Salikzhanov, R.S. Sistema senostei sovremennoi kazahstanskoi molodeji. [The value system of nowadays Kazakhstani youth]. // *RUDN Journal of Sociology*. – 2014. – N 2. – S. 136-145 // <https://journals.rcsi.science/2313-2272/article/view/340691>, [in Russ].

3 Tolmacheva, S.V., Rebysheva, L.V., Davletshina, E.V. Value orientations of youth: sociological study. *Proceedings of Higher Educational Institutions: Sociology*. – 2024.

4 Pavlova, K.N., Dagbaeva, S.B. Identichnost i senostnye orientatsii uchashisä iz razlichnyh etnokulturnyh grupp. [Identity and value orientations of student youth in various ethnocultural groups]. *Psychologist Journal*. – 2024. - N 6. – S. 20-39. // URL: <https://journals.rcsi.science/2409-8701/article/view/361817>[in Russ].

5 Nazarbaev N. Ä. Bolaşaqqa bağdar: ruhani jañğyru. [Orientation to the future: modernization of public consciousness]– Almaty, 2017. [in Kaz.].

6 Äbişev Q. Filosofia.[Philosophy] – Almaty: Bılım, 2012. [in Kaz.].

7 Orynbekov M. Qazaq filosofiasynyñ tarihy. [History of Kazakh philosophy] – Almaty, 2002. [in Kaz.].

8 Toqaeв Q. Täuelsızdık bärinen qymbat. [Independence is more expensive than anything else] – Almaty, 2021.

9 Kasirer E. Adam turaly ese.[An essay about the man] – Mәскеu, 1998. [in Kaz.].

10 Toinbi A. Tarihty zertteu.[Study of history] – Mәскеu, 2003. [in Kaz.].

11 Hantington S. Örkenietter qaqtyğysy. [Clash of Civilizations] – Mәскеu, 2005. [in Kaz.].

Бияздыкова К.А., Джекебаева М.А.

Динамические изменения культурно-философских ценностей

Аннотация. В этой статье исследуется, как менялись ценности в культуре и философии в ходе исторического развития и особенности этих изменений. Рассматривается, как социальные, политические и экономические изменения в обществе влияют на систему культурных и философских ценностей. Кроме того, анализируется наличие нового содержания культурно-философских ценностей в условиях глобализации, научно-технического прогресса и информационного общества. Основная цель статьи-изучить постоянно меняющийся характер культурных и философских ценностей и определить их значение в современном обществе. В статье рассматриваются динамические изменения ценностных ориентаций молодежи в ходе развития современного общества.

В статье рассматриваются динамические изменения ценностных ориентаций молодежи в ходе развития современного общества. Существенные различия в ценностных ориентациях между молодыми, то есть зумеровскими (Gen Z) поколениями и миллениалами (Gen Y) составляют актуальность статьи. Поскольку молодежь является движущей силой социальных изменений, хозяином будущего, изучение того, какими ценностями они руководствуются, имеет первостепенное значение для общества.

Ценностные ориентации - это система внутренних позиций, определяющих жизненные цели, поведение, мировоззрение индивида. Ценности молодежи формируются в зависимости от социально-экономической ситуации, семейного воспитания, системы образования, культуры и информационного пространства. В статье исследуются особенности формирования ценностных ориентаций современной молодежи с научной философской точки зрения на основе источников и конкретных социологических исследований. Исследование показало, что активность в социальных сетях с течением времени, тик-ток-стрим, блогерство иногда могут ослабить духовную ориентацию молодежи и привести к преобладанию потребительского отношения. Поэтому цель статьи-популяризация важности обучения молодежи критическому мышлению, оценке духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: зуммеры, миллениалы, блогерство, национальная культура, чайлдфри, автономия, редфлаг, ценности.

Бияздыкова К.А., Джекебаева М.А.

Мәдени-философиялық құндылықтардың динамикалық өзгерістері

Аңдатпа. Бұл мақалада мәдениет пен философиядағы құндылықтардың тарихи даму барысында қалай өзгергені және осы өзгерістердің ерекшеліктері зерттеледі. Қоғамдағы әлеуметтік, саяси және экономикалық өзгерістердің мәдени және философиялық құндылықтар жүйесіне қалай әсер ететіні қарастырылады. Сонымен қатар, жаһандану, ғылыми-техникалық прогресс және ақпараттық қоғам жағдайында мәдени-философиялық құндылықтардың жаңа мазмұнға ие болуы талданады. Мақаланың басты мақсаты – мәдени және философиялық құндылықтардың үнемі өзгеріп отыратын сипатын зерттеп, олардың қазіргі қоғамдағы маңызын анықтау. Мақалада қазіргі қоғамның дамуы барысындағы жастардың құндылықтық бағдарларының динамикалық өзгерістері қарастырылған. Жастар, яғни Зумерлер (Gen Z) мен миллениалдар (Gen Y) арасындағы құндылықтық бағдарларындағы елеулі айырмашылықтар мақаланың өзектілігін құрайды. Жастар – әлеуметтік өзгерістердің қозғаушы күші, болашақтың иесі болғандықтан, олардың қандай құндылықтарды басшылыққа алатынын зерттеу қоғам үшін аса маңызды.

Құндылықтық бағдарлар дегеніміз – жеке тұлғаның өмірлік мақсаттарын, мінез-құлқын, дүниетанымын айқындайтын ішкі ұстанымдар жүйесі. Жастардың құндылықтары әлеуметтік-экономикалық жағдайға, отбасы тәрбиесіне, білім беру жүйесіне, мәдениет пен ақпараттық кеңістікке тәуелді түрде қалыптасады. Мақалада қазіргі жастардың құндылықтық бағдарларының қалыптасу ерекшеліктері ғылыми философиялық тұрғыдан дереккөздерге және әлеуметтанулық нақты зерттеулерге сүйене отырып, зерттелген. Зерттеу көрсеткендей, заман ағымына қарай әлеуметтік желілердегі белсенділік, тик-ток стрим, блогерлік айналысу кейде жастардың рухани бағдарын әлсіретіп, тұтынушылық көзқарастың басым болуына әкелуі мүмкін. Сондықтан мақаланың мақсаты - жастарды сыни ойлауға, рухани-адамгершілік құндылықтарды бағалауға үйрету маңыздылығын дәріптеу.

Түйін сөздер: зумерлер, миллениалдар, блогерлік, ұлттық мәдениет, чайлдфри, автономия, редфлаг, құндылықтар.

Author Contributions. K. Biyazdykova and M. Dzhekebayeva contributed equally to the development of the conceptual framework on the values of Generation Z (Gen Z) and Millennials (Gen Y) in culture and philosophy, conducted the analysis, prepared the manuscript, and finalized it for publication.

Received 30.04.2026

Accepted 14.05.2026

ҚАЗІРГІ БІЛІМ БЕРУ ФИЛОСОФИЯСЫНДАҒЫ ЭЛЕКТРОНДЫҚ БІЛІМ БЕРУ ФЕНОМЕНІ

¹А.Б. Қауанова*, ²М.Ш. Тарлаубай, ³Ш.Қ. Абеуова, ⁴М. Насырова

^{1,2}С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті (Өскемен, Қазақстан)

³К. Сағадиев атындағы Халықаралық бизнес университеті (Алматы, Қазақстан)

⁴Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті
(Алматы, Қазақстан)

¹1kauanova@gmail.com, ²shurshitbai_maira@mail.ru, ³shu.tan@mail.ru, ⁴madinyam.76@gmail.com

¹A. Kauanova*, ²M. Tarlaubay, ³Sh. Abeuova, ⁴M. Nassyrova

^{1,2}Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

³Kenzhegali Sagadiev University of International Business, Almaty, Kazakhstan)

⁴Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages
(Almaty, Kazakhstan)

¹1kauanova@gmail.com, ²shurshitbai_maira@mail.ru, ³shu.tan@mail.ru, ⁴madinyam.76@gmail.com

Сілтеме: Қауанова А.Б., Тарлаубай М.Ш., Абеуова Ш.Қ., Насырова М. Қазіргі білім беру философиясындағы электрондық білім беру феномені// *Әл-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – 169-182 б.

Аңдатпа. Мақалада электрондық білім беру жаһандық цифрландыру жағдайындағы қазіргі білім беру философиясының маңызды феномен екендігі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты - электрондық білім берудің мәнін, тарихи қалыптасуын, әлеуметтік-мәдени табиғатын, аксиологиялық мазмұнын және жоғары білім кеңістігіндегі даму перспективаларын кешенді талдау. Осы мақсатқа жету үшін білім беру ортасының цифрлық трансформациясы, педагог пен білім алушы рөлдерінің өзгеруі, білімнің қолжетімділігі, академиялық теңдік, үздіксіз оқу мәдениеті және цифрлық құзыреттілік мәселелері философиялық тұрғыдан пайымдалады. Электрондық білім беру тек техникалық құралдар жиынтығы емес, адамның танымдық белсенділігін, дербестігін, жауапкершілігін және коммуникациялық тәжірибесін қайта ұйымдастыратын жаңа білім беру экожүйесі екені негізделеді. Мақалада электрондық оқытудың артықшылықтары мен шектеулері, Қазақстандағы және Еуропа елдеріндегі тәжірибесі, пандемиядан кейінгі кезеңдегі орны, жасанды интеллект пен виртуалды технологиялар ықпалы талданады. Қорытындыда электрондық білім беру сапалы білімге тең қолжетімділікті қамтамасыз етудің, тұлғаның өзін-өзі дамыту мүмкіндіктерін кеңейтудің және гуманистік білім беру құндылықтарын жаңа цифрлық ортада сақтаудың маңызды факторы ретінде бағаланады. Электрондық білім беруді одан әрі

* Автор-корреспондент: А.Б. Қауанова, 1kauanova@gmail.com

дамыту үшін сапалы цифрлық контент қалыптастыру, оқытушылардың цифрлық құзыреттілігін жетілдіру және инклюзивті білім беру ортасын құру қажеттілігі негізделеді.

Түйін сөздер: цифрландыру, жаһандану, электрондық білім беру, білім беру философиясы, цифрлық трансформация, мультимедиялық ресурстар, үздіксіз білім беру, цифрлық құзыреттілік, білім беру экожүйесі.

Kіpіcne

Қазіргі қоғамның даму логикасы білім беру саласын түбегейлі жаңартуды талап етеді. Жаһандану, ақпараттық ағымдардың жылдамдауы, еңбек нарығындағы өзгерістер, әлеуметтік коммуникацияның желілік сипат алуы және адамның күнделікті өміріне цифрлық технологиялардың терең енуі білім берудің дәстүрлі үлгілерін қайта қарауға мәжбүр етті [1]. Осы жағдайда электрондық білім беру тек қана қашықтан сабақ өткізу немесе оқу материалдарын интернетке орналастыру түріндегі қосымша құрал ретінде емес, тұтас мәдени, педагогикалық және философиялық феномен ретінде көрінеді. Ол білімнің өндіріліп, сақталып, таратылып және игеріліп отыратын кеңістігін өзгертеді, білім алушының жауапкершілігін арттырады, педагогтың қызметін қайта анықтайды және білім беру үдерісінің құндылықтық негіздерін жаңаша пайымдауға мүмкіндік береді.

Электрондық білім беру ұғымы көбіне цифрлық платформа, онлайн курс, бейнедеріс, виртуалды зертхана, тестілеу жүйесі, білімді басқару ортасы сияқты технологиялық элементтермен байланыстырылып түсіндіріледі [2]. Алайда оның мәні бұлармен шектелмейді. Электрондық білім беру - адамның білімге қатынасын, уақыт пен кеңістікке тәуелділігін, оқу мотивациясын, танымдық дербестігін және әлеуметтік байланыстарын өзгертетін күрделі жүйе. Сондықтан оны тек педагогика немесе ақпараттық технологиялар шеңберінде ғана емес, философия, әлеуметтану, мәдениеттану, психология және антропология тұрғысынан да талдау қажет. Білім беру философиясы тұрғысынан алғанда электрондық оқыту адамның өзін-өзі дамытуына, еркін таңдауына, жауапты шешім қабылдауына және қоғамдағы белсенді қатысуына әсер ететін жаңа мәдени орта ретінде қарастырылады.

Бұл тақырыптың өзектілігі бірнеше себеппен айқындалады. Біріншіден, электрондық білім беру сапалы білімге қолжетімділікті кеңейтеді, әсіресе шалғай аймақтардағы, әлеуметтік мүмкіндігі шектеулі немесе оқу мен жұмысты қатар алып жүретін адамдар үшін жаңа мүмкіндіктер ашады. Екіншіден, ол үздіксіз білім алу идеясын нақты тәжірибеге айналдырады, өйткені қазіргі адам кәсіби өмір бойы жаңа құзыреттерді меңгеруге мәжбүр. Үшіншіден, электрондық білім беру педагогикалық қатынастың сипатын өзгертеді: оқытушы дайын ақпаратты жеткізуші ғана емес, оқу траекториясын ұйымдастырушы, кеңесші, модератор және құндылықтық бағдар беруші тұлғаға айналады. Төртіншіден, цифрлық ортада білім сапасы, академиялық адалдық, тұлғалық даму, мәдени теңсіздік және гуманистік құндылықтарды сақтау сияқты күрделі мәселелер туындайды.

Осы мақалада электрондық білім беру қазіргі білім беру философиясының феномені ретінде талданады. Мақсат - электрондық білім берудің тарихи

қалыптасуын, мәнін, философиялық негіздерін, әлеуметтік маңызын, артықшылықтары мен шектеулерін, Қазақстан және шетел тәжірибесіндегі даму бағыттарын кешенді қарастыру. Зерттеу электрондық білім беру құбылысын біржақты технологиялық жаңалық ретінде емес, білім мәдениетінің жаңа кезеңі ретінде түсіндіруге бағытталған.

Зерттеудің әдіснамалық негіздері

Электрондық білім беруді зерттеу пәнаралық әдіснаманы қажет етеді, өйткені бұл құбылыс бір мезгілде техникалық, педагогикалық, әлеуметтік, мәдени және аксиологиялық өлшемдерден тұрады. Мақалада жүйелік, тарихи-философиялық, салыстырмалы, аксиологиялық және мәдени-антропологиялық тәсілдер қолданылады. Жүйелік тәсіл электрондық білім беруді өзара байланысты компоненттерден тұратын тұтас құрылым ретінде түсіндіруге мүмкіндік береді. Мұнда цифрлық инфрақұрылым, оқу мазмұны, педагогикалық дизайн, оқытушы мен білім алушының өзара әрекеті, бағалау тетіктері, академиялық саясат және әлеуметтік қолдау жүйелері бір-бірінен бөлек емес, біртұтас білім беру экожүйесінің элементтері ретінде қарастырылады.

Тарихи-философиялық тәсіл электрондық білім берудің кездейсоқ пайда болған құбылыс емес екенін көрсетеді. Оның тамыры қашықтан оқыту тәжірибесінен, бұқаралық коммуникация құралдарының дамуынан, ақпараттық қоғам теорияларынан және білімнің әлеуметтік рөлі туралы философиялық пайымдаулардан бастау алады. Д.Белл постиндустриалды қоғамда білім мен ақпарат негізгі өндірістік ресурсқа айналатынын көрсетті [1]. М.Кастельс желілік қоғам теориясында ақпараттық технологиялар әлеуметтік құрылымдар мен мәдени байланыстарды қайта ұйымдастыратынын негіздеді [3]. Цифрлық ортадағы шынайылық, белгі, білім және субъект мәселелерін пайымдауда Ж. Бодрийардың симуляция туралы тұжырымдары [4], Ж.-Ф. Лиотардың білімнің постмодерндік күйі жөніндегі идеялары [5] және Ж. Лаканның субъект пен символдық тәртіпке қатысты талдаулары [6] әдіснамалық маңызға ие. М. Маклюэн коммуникация құралдарының адамның қабылдау формаларын өзгертуін ерекше атап өтті [7; 8]. Осы идеялар электрондық білім берудің мәнін түсінуге теориялық негіз береді.

Аксиологиялық тәсіл электрондық білім берудің құндылықтық мазмұнын талдауға бағытталған. Білім беру әрқашан белгілі бір мақсаттар мен құндылықтарға сүйенеді: тұлғаны дамыту, азаматтық жауапкершілік, мәдени мұраны сақтау, әлеуметтік әділеттілік, кәсіби құзыреттілік, сыни ойлау. Цифрлық орта бұл құндылықтарды жоймайды, бірақ оларды жүзеге асыру формаларын өзгертеді. Мысалы, қолжетімділік құндылығы интернет пен платформалар арқылы кеңейеді, бірақ цифрлық теңсіздік мәселесі туындаса, бұл құндылық толық іске аспайды. Дербестік құндылығы онлайн оқуда күшейеді, алайда өзін-өзі ұйымдастыру дағдылары жеткіліксіз болса, оқыту нәтижесі төмендеуі мүмкін.

Мәдени-антропологиялық тәсіл электрондық білім беруді адамның өмір салты, коммуникациясы, уақытты қабылдауы және өзіндік болмысы тұрғысынан

талдайды. Цифрлық ортада білім алушы аудиторияда отырған пассивті тыңдаушы емес, оқу ресурстарын таңдайтын, ақпаратты өңдейтін, өз қарқынын реттейтін және желілік қауымдастықтарға қатысатын белсенді субъект болады. Бұл өзгеріс білім беру философиясындағы негізгі сұрақтарды қайта көтереді: білім дегеніміз не, оқытудағы адам факторы қалай сақталады, технология тұлғаның дамуына қызмет ете ме, әлде оны стандартталған деректер жиынтығына айналдыра ма? Осы сұрақтар мақаланың негізгі талдау бағытын анықтайды.

Электрондық білім берудің тарихи қалыптасуы және мәні

Электрондық білім берудің қазіргі формалары XX ғасырдың соңындағы интернет пен дербес компьютерлердің таралуымен байланысты болғанымен, оның тарихи алғышарттары әлдеқайда ертерек қалыптасты. XIX ғасырда пошта арқылы оқыту тәжірибесі пайда болды: білім алушылар оқу тапсырмаларын алып, орындап, қайта жіберіп отырды. Бұл тәжірибе кеңістіктік қашықтықты білім алуға кедергі етпеудің алғашқы институционалдық үлгісі болды. Кейін радио мен теледидар білімді бұқаралық аудиторияға жеткізудің жаңа құралдарына айналды. Университеттер мен білім беру ұйымдары дәрістерді эфир арқылы таратып, оқу бағдарламаларының қолжетімділігін арттырды.

Компьютерлік технологиялардың дамуы бұл үдерісті сапалық жаңа деңгейге көтерді. 1990-жылдардан бастап оқу материалдарын электрондық форматта сақтау, виртуалды кітапханалар құру, электрондық пошта арқылы байланысу, алғашқы оқытуды басқару жүйелерін пайдалану кеңейді. XXI ғасырдың басында интернет жылдамдығының артуы, мультимедиялық контенттің көбеюі және мобильді құрылғылардың кең таралуы электрондық оқытуды күнделікті білім беру тәжірибесінің ажырамас бөлігіне айналдырды; бұл өзгерістер Э. Тоффлер сипаттаған ақпараттық қоғамдағы жаңа әлеуметтік толқындармен де сабақтас [9]. Массовық ашық онлайн курстар, вебинарлар, интерактивті симуляциялар, білімді автоматты бағалау жүйелері және бұлттық платформалар оқыту мүмкіндіктерін кеңейтті.

COVID-19 пандемиясы электрондық білім берудің маңызын ерекше айқындады. Көптеген елдерде мектептер мен университеттер қысқа мерзім ішінде қашықтан оқытуға көшті [10]. Бұл кезең цифрлық технологиялардың білім беру жүйесін тоқтатпай ұстап тұра алатынын көрсетті, бірақ сонымен бірге көптеген проблемаларды да ашты: интернетке тең қолжетімділіктің болмауы, педагогтардың цифрлық құзыреттілігінің әркелкілігі, студенттердің өзін-өзі ұйымдастыру қиындықтары, онлайн бағалаудың сенімділігі, психологиялық оқшаулану, экран алдындағы шаршау [11]. Демек, электрондық білім беру дайын шешім емес, үнемі жетілдіруді қажет ететін күрделі жүйе.

Электрондық білім берудің мәнін түсіндіру үшін оны цифрлық білім беру ұғымымен шатастырмау маңызды. Цифрлық білім беру кең мағынада барлық цифрлық технологиялардың білім беру саласында қолданылуын қамтиды. Электрондық білім беру, негізінен, желілік платформалар, онлайн оқу

материалдары, интерактивті байланыс, қашықтан бақылау және мультимедиялық ресурстар арқылы ұйымдастырылатын оқу үдерісін білдіреді. Дегенмен қазіргі тәжірибеде бұл ұғымдар жиі өзара жақындасып, біртұтас цифрлық білім беру экожүйесінің құрамдас бөлігі ретінде қолданылады.

Философиялық тұрғыдан электрондық білім беру білімді заттық ресурс емес, үнемі жаңарып отыратын, қатысушылар арасындағы коммуникацияда қалыптасатын динамикалық процесс ретінде көрсетеді [12]. Дәстүрлі модельде оқу орны, аудитория, оқулық және сабақ кестесі білім беру кеңістігінің негізгі тіректері болса, электрондық ортада платформа, дерекқор, бейнебайланыс, интерактивті тапсырма, форум, цифрлық із және дербес оқу траекториясы маңызды рөл атқарады [13]. Бұл өзгеріс білімнің статикалық мазмұннан әрекеттік және коммуникациялық тәжірибеге айналып бара жатқанын байқатады.

Білім беру философиясы және электрондық оқытудың құндылықтық негіздері

Білім беру философиясы білімнің мақсаты, адамның қалыптасуы, оқытудағы еркіндік пен жауапкершілік, мәдени мұраның берілуі және қоғамның болашақ бейнесі туралы сұрақтарды қарастырады. Антикалық дәуірде білім беру адамның рухани және моральдық жетілуімен байланыстырылды; ағартушылық кезеңде ол еркін, ақылды және жауапты азамат қалыптастыру құралы ретінде түсіндірілді; қазіргі заманда білім беру сыни ойлау, шығармашылық, коммуникация, бейімделу және өмір бойы даму қабілеттерін қалыптастырумен тығыз байланысты. Электрондық білім беру осы тарихи идеяларды жаңа цифрлық ортада жалғастырады, бірақ оларды жүзеге асырудың тәсілдерін өзгертеді.

Электрондық білім берудің басты құндылықтарының бірі - ашықтық. Ашықтық оқу ресурстарының кең аудиторияға қолжетімді болуын, білім алушының түрлі курстар мен бағдарламаларды таңдай алуын, университеттер арасындағы шекаралардың жұмсаруын білдіреді [2]. Ашық онлайн курстар, электрондық кітапханалар, цифрлық архивтер және білім беру платформалары бұрын тек белгілі бір институционалдық ортада ғана қолжетімді болған білімді көпшілікке ұсынады. Бұл білімді демократияландыру үдерісін күшейтеді. Алайда ашықтық сапа мәселесімен қатар жүруі тиіс: қолжетімді контенттің көп болуы оның ғылыми сенімділігі мен педагогикалық құндылығы автоматты түрде жоғары дегенді білдірмейді.

Екінші маңызды құндылық - үздіксіздік. Қазіргі қоғамда бір мамандықты меңгеріп, сол біліммен бүкіл өмір бойы еңбек ету мүмкіндігі азайып келеді. Технологиялар, кәсіби стандарттар, өндіріс тәсілдері және әлеуметтік қажеттіліктер үнемі өзгеріп отырады. Сондықтан білім беру өмірдің белгілі бір жас кезеңімен шектелмей, адамның бүкіл кәсіби және тұлғалық даму жолын қамтуы керек. Электрондық білім беру осы қажеттілікке икемді жауап береді: адам жұмысынан қол үзбей, өзіне ыңғайлы уақытта, жеке қарқынымен жаңа білім мен дағдыларды меңгере алады.

Үшінші құндылық - дербестік пен жауапкершілік. Электрондық ортада білім алушыға көбірек еркіндік беріледі: ол материалды қайталап қарай алады, қосымша дереккөздерді таңдайды, тапсырманы орындау уақытын жоспарлайды, оқу траекториясын реттейді. Бірақ еркіндік жауапкершіліксіз нәтижелі болмайды. Онлайн оқуда табысты болу үшін өзін-өзі ұйымдастыру, уақытты басқару, ақпаратты сын тұрғысынан бағалау, академиялық адалдық және ішкі мотивация қажет. Сондықтан электрондық білім беру адамның тек ақпарат алуын емес, өзіндік оқу мәдениетін қалыптастыруын да талап етеді.

Төртінші құндылық - гуманистік бағдар. Технологиялар білім беру үдерісін тиімді, қолжетімді және икемді ете алады, бірақ олар адамның орнын алмастырмауы тиіс. Білім беру тек ақпарат беруден тұрмайды; ол тұлғаның дүниетанымын, моральдық жауапкершілігін, мәдени сезімталдығын және әлеуметтік қатынасын қалыптастырады. Егер электрондық білім беру тек тест, рейтинг, алгоритм және деректер жиынтығына сүйенсе, онда білімнің адамгершілік мазмұны әлсіреуі мүмкін. Сондықтан цифрлық ортада педагогтың құндылықтық, тәрбиелік және коммуникативтік рөлі сақталуы қажет.

Электрондық білім берудің артықшылықтары мен шектеулері

Электрондық білім беру педагогтың кәсіби рөлін терең өзгертеді. Дәстүрлі аудиториялық модельде оқытушы көбіне білімнің негізгі көзі, түсіндіруші және бақылаушы ретінде қабылданады. Цифрлық ортада ақпаратқа қолжетімділік кеңейген сайын педагогтың функциясы дайын білімді жеткізумен шектелмейді [13]. Ол оқу мазмұнын іріктейтін, цифрлық ресурстарды педагогикалық мақсатқа бейімдейтін, білім алушының жеке траекториясын қолдайтын, кері байланыс беретін және оқу қауымдастығын ұйымдастыратын маманға айналады. Бұл оқытушыдан пәндік біліммен қатар цифрлық педагогика, медиасауаттылық, онлайн коммуникация этикасы және деректермен жұмыс істеу дағдыларын талап етеді.

Электрондық білім берудің ең айқын артықшылығы - қолжетімділік. Интернет байланысы мен тиісті құрылғы болған жағдайда білім алушы географиялық орналасуына қарамастан оқу ресурстарына қол жеткізе алады [2;14]. Бұл әсіресе шалғай ауылдардағы жастар, денсаулық жағдайына байланысты тұрақты аудиториялық сабаққа қатыса алмайтын адамдар, жұмыс істейтін мамандар және отбасылық міндеттері бар білім алушылар үшін маңызды. Электрондық ресурстар білім алуды кеңістік пен уақыт шектеулерінен босатып, білім беру мүмкіндіктерін әлеуметтік тұрғыдан кеңейтеді.

Екінші артықшылық - икемділік және дараландыру. Электрондық платформалар білім алушының қарқынын, қызығушылығын және дайындық деңгейін ескеруге мүмкіндік береді. Бейнедәрісті қайталап көру, қосымша тапсырма орындау, адаптивті тест арқылы әлсіз тұстарды анықтау, жеке оқу траекториясын құру - мұның бәрі дәстүрлі сабақта толық іске аса бермейтін мүмкіндіктер. Жасанды интеллект элементтері енгізілген жүйелер студенттің нәтижесін талдап, оған сәйкес ұсыныстар бере алады. Бірақ мұндай дараландыру

педагогикалық мақсатпен басқарылмаса, білім алушыны тек алгоритмдік ұсыныстарға тәуелді ету қаупі бар.

Үшінші артықшылық - мультимедиялық және интерактивті мүмкіндіктер. Электрондық оқыту мәтін, дыбыс, бейне, анимация, симуляция, виртуалды зертхана, интерактивті карта және ойын элементтерін біріктіре алады [13]. Бұл күрделі ұғымдарды көрнекі түсіндіруге, тәжірибелік дағдыларды қауіпсіз ортада жаттықтыруға, студенттің назарын белсенді ұстап тұруға көмектеседі. Мысалы, инженерлік, медициналық, тілдік немесе әлеуметтік ғылымдардағы кейбір тақырыптарды мультимедиялық модельдеу арқылы тереңірек түсіндіруге болады.

Сонымен бірге электрондық білім берудің шектеулері де бар. Біріншіден, цифрлық теңсіздік мәселесі толық шешілмеген. Интернет сапасы, құрылғының қолжетімділігі, үйдегі оқу жағдайы, цифрлық дағдылар деңгейі білім алушылар арасында әркелкі болуы мүмкін. Егер бұл айырмашылықтар ескерілмесе, электрондық білім беру теңдікті кеңейтудің орнына жаңа теңсіздік тудыруы ықтимал. Екіншіден, онлайн оқуда академиялық адалдықты қамтамасыз ету күрделі. Автоматты тестілеу, прокторинг, плагиатты тексеру жүйелері көмектескенімен, олар сенім, жауапкершілік және академиялық мәдениет мәселесін толық алмастыра алмайды.

Үшіншіден, электрондық білім беру психологиялық және физиологиялық жүктемені арттыруы мүмкін. Ұзақ уақыт экран алдында отыру, ақпараттың көптігі, онлайн байланыстардың үздіксіздігі, үй мен оқу кеңістігінің араласуы шаршау мен күйзеліске әкеледі. Төртіншіден, кейбір пәндерде тәжірибелік, зертханалық немесе клиникалық дағдыларды толық онлайн игеру қиын. Сондықтан электрондық білім беруді барлық жағдайда дәстүрлі оқытудың толық баламасы деп қарастыру дұрыс емес. Ең тиімді модель көбіне аралас оқыту болып табылады: теориялық және ақпараттық компоненттер онлайн ортада, ал күрделі практикалық және әлеуметтік тәжірибе офлайн немесе гибриді форматта ұйымдастырылады.

Қазақстандағы электрондық білім беру: тәжірибе және даму бағыттары

Қазақстанда электрондық білім беру соңғы онжылдықта білім беру жүйесін жаңғыртудың маңызды бағытына айналды. Цифрландыру мемлекеттік саясаттың басымдықтарының бірі ретінде қарастырылып, мектептер мен жоғары оқу орындарында ақпараттық жүйелер, электрондық журналдар, онлайн платформалар, цифрлық білім беру ресурстары және қашықтан оқыту технологиялары енгізілді. 2012 жылдан бастап цифрлық білім беру контентін дамытуға бағытталған бастамалар күшейді, ал кейінгі жылдары жоғары оқу орындары жаппай ашық онлайн курстарды, ішкі LMS жүйелерін және виртуалды академиялық сервистерді белсенді қолдана бастады.

Қазақстандық университеттер үшін электрондық білім беру бірнеше міндетті шешуге мүмкіндік береді. Біріншіден, ол аймақтық қолжетімділікті

арттырады. Ел аумағының кеңдігі, халықтың әркелкі орналасуы және жоғары білім орталықтарының негізінен ірі қалаларда шоғырлануы электрондық форматтың маңызын күшейтеді. Екіншіден, ол академиялық ұтқырлықты кеңейтеді: студенттер басқа университеттердің онлайн курстарын тыңдап, халықаралық білім беру ресурстарын пайдалана алады. Үшіншіден, ол білім беру бағдарламаларын жаңартуға ықпал етеді, өйткені цифрлық орта оқу мазмұнын қысқа модульдерге, практикалық тапсырмаларға және дербес оқу траекторияларына бөлуге мүмкіндік береді.

Пандемия кезеңі Қазақстандағы электрондық білім беру инфрақұрылымының күшті және әлсіз жақтарын қатар көрсетті. Бір жағынан, оқу үдерісін тоқтатпай жалғастыруға мүмкіндік беретін платформалар мен коммуникациялық құралдар тез қолданылды. Екінші жағынан, интернет сапасының әркелкілігі, оқытушылардың әдістемелік дайындығы, студенттердің техникалық мүмкіндігі, онлайн бағалаудың әділдігі және цифрлық контент сапасы бойынша мәселелер анық байқалды. Бұл тәжірибе электрондық білім берудің тек техникалық қосылу мәселесі емес, институционалдық, әдістемелік және әлеуметтік қолдау жүйесін қажет ететінін көрсетті.

Қазақстандағы электрондық білім берудің болашағы бірнеше бағытпен байланысты. Бірінші бағыт - ұлттық цифрлық контент сапасын арттыру. Онлайн курс тек бейнеге жазылған дәріс болмауы керек; ол нақты оқу нәтижелеріне, интерактивті тапсырмаларға, кері байланысқа, бағалау критерийлеріне және академиялық адалдық талаптарына сүйенуі тиіс. Екінші бағыт - оқытушылардың цифрлық педагогикалық құзыреттілігін дамыту. Платформаны қолдана білу жеткіліксіз; оны педагогикалық мақсатқа сай жобалау, студенттің белсенділігін қолдау және онлайн ортада сапалы кері байланыс беру қажет. Үшінші бағыт - цифрлық теңсіздікті азайту. Техникалық инфрақұрылым, қолжетімді интернет, инклюзивті дизайн және әлеуметтік қолдау электрондық білім берудің әділетті дамуы үшін шешуші факторлар болып қала береді.

Еуропа елдері тәжірибесі және салыстырмалы талдау

Еуропа елдерінде электрондық білім беру ұзақ жылдар бойы қашықтан оқыту, ашық университеттер, кәсіби қайта даярлау және өмір бойы білім алу стратегияларымен байланысты дамыды [2]. Германия, Финляндия, Швеция, Франция, Испания, Италия, Чехия және Ұлыбритания сияқты елдерде онлайн білім беру сапасын қамтамасыз ету, студенттерді қолдау, цифрлық ресурстарды аккредитациялау және оқу нәтижелерін тану жүйелері қалыптасты. Бұл тәжірибе электрондық білім берудің табысты болуы тек платформаға емес, білім беру саясатының тұрақтылығына, сапаны бағалау мәдениетіне және академиялық автономияға байланысты екенін көрсетеді.

Еуропалық тәжірибеде инклюзивтілікке ерекше назар аударылады. Денсаулық мүмкіндігі шектеулі адамдар, жұмыс істейтін ересектер, мигранттар, ауылдық аймақ тұрғындары және кәсіби бағытын өзгертуге ұмтылған азаматтар

үшін электрондық бағдарламалар білімге қайта кіру мүмкіндігін береді. Сонымен қатар көптілділік те маңызды. Ұлттық тілдермен қатар ағылшын тіліндегі курстардың дамуы халықаралық академиялық байланыстарды күшейтеді. Бұл Қазақстан үшін де маңызды тәжірибе, өйткені көптілді білім беру және халықаралық білім кеңістігіне кірігу отандық жоғары білімнің бәсекеге қабілеттілігін арттыра алады.

Салыстырмалы тұрғыдан қарағанда, Қазақстан мен Еуропа елдері алдында тұрған міндеттер ұқсас болғанымен, институционалдық жағдайлары әртүрлі. Еуропада сапаны сыртқы бағалау, студенттік қолдау қызметтері, онлайн білімнің еңбек нарығында танылуы және цифрлық құқық мәселелері біршама жүйеленген. Қазақстанда бұл бағыттар дамып келе жатқанымен, әлі де бірыңғай стандарттар, курстардың сапасын салыстыру тетіктері, академиялық кредиттерді өзара тану және онлайн оқыту нәтижелерін еңбек нарығында бағалау мәселелері өзекті. Сондықтан халықаралық тәжірибені механикалық көшіру емес, ұлттық білім беру жүйесінің мәдени, тілдік және әлеуметтік ерекшеліктеріне бейімдеу қажет.

Цифрлық ортадағы білім сапасы, этика және академиялық адалдық

Электрондық білім берудің сапасы ең алдымен оқу нәтижелерінің айқындығына, мазмұнның ғылыми негізділігіне, педагогикалық дизайнның тиімділігіне және кері байланыстың сапасына байланысты [13]. Көп жағдайда онлайн курс сапасын бейнедерістің саны немесе платформаның техникалық мүмкіндігімен өлшеу қате. Нақты сапа білім алушының қандай құзырет қалыптастырғанынан, алған білімін қалай қолдана алатынынан және оқу үдерісінде қаншалықты белсенді болғанынан көрінеді. Сондықтан электрондық білім беру сапасын бағалау үшін мазмұн, әдіс, технология және нәтиже арасындағы байланыс ескерілуі тиіс.

Этика мәселесі цифрлық ортада ерекше маңыз алады. Онлайн оқуда білім алушы туралы көптеген деректер жиналады: платформаға кіру уақыты, тапсырма орындау қарқыны, тест нәтижелері, талқылауға қатысуы, кейде бейне және аудио жазбалар. Бұл деректер оқу сапасын жақсартуға көмектесе алады, бірақ оларды қорғау, сақтау және әділ пайдалану талаптары сақталуы қажет. Білім алушы деректер объектісі ғана емес, құқықтары мен қадір-қасиеті бар тұлға ретінде қарастырылуы тиіс. Прокторинг жүйелері академиялық адалдықты бақылауға көмектіргенімен, жеке өмір құқығы мен сенім мәдениетін бұзбауы керек.

Академиялық адалдық электрондық білім берудің ең күрделі мәселелерінің бірі. Интернеттегі дайын материалдар, жасанды интеллект құралдары, автоматты аудармалар және сыртқы көмек түрлері студент жұмысының шынайылығын бағалауды қиындатады. Бірақ бұл мәселені тек жазалау немесе техникалық бақылау арқылы шешу мүмкін емес. Тиімді жол - тапсырмаларды шығармашылық, аналитикалық және контекстік сипатта жобалау; студенттен жеке позиция, дерекпен жұмыс, салыстырмалы талдау және рефлексия талап ету; бағалау критерийлерін ашық көрсету; академиялық жазу мәдениетін үйрету. Академиялық адалдық білім беру мәдениетінің бөлігі болуы тиіс.

Жасанды интеллекттің дамуы электрондық білім беруге жаңа мүмкіндіктермен қатар жаңа сұрақтар әкеледі [12;13]. Интеллектуалды тьюторлар, автоматты кері байланыс, мәтінді талдау, бейімделген оқу траекториялары және білім алушының қиындықтарын ерте анықтау жүйелері оқыту сапасын арттыра алады. Дегенмен жасанды интеллект педагогикалық шешімді толық алмастырмауы тиіс. Алгоритмдер деректерге сүйенеді, ал білім беру адамның мағына, құндылық, жауапкершілік және мәдени контекстпен жұмыс істеу қабілетіне негізделеді. Сондықтан жасанды интеллект электрондық білім беруде көмекші құрал ретінде қолданылып, шешуші педагогикалық жауапкершілік адамда қалуы керек.

Электрондық білім берудің болашағы және гуманистік өлшемі

Алдағы жылдары электрондық білім беру жасанды интеллект, виртуалды және толықтырылған шындық, үлкен деректер, блокчейн сертификаттары, микроквалификациялар және адаптивті платформалар арқылы дамиды [12;13]. Виртуалды зертханалар студенттерге қауіпті немесе қымбат тәжірибелерді модельдеуге мүмкіндік береді; толықтырылған шындық күрделі объектілерді көрнекі түсіндіреді; микроквалификациялар нақты кәсіби дағдыны қысқа мерзімде дәлелдеуге жағдай жасайды; цифрлық портфолио білім алушының даму траекториясын көрсетуге көмектеседі. Бұл үрдістер білім беру жүйесінің икемділігін арттырады.

Алайда болашақ электрондық білім берудің басты өлшемі технологиялық жаңалық емес, оның адам дамуына қызмет ету қабілеті болуы керек. Егер цифрлық жүйелер білім алушыны тек статистикалық көрсеткіш ретінде қарастырса, білімнің гуманистік мәні әлсірейді. Егер онлайн курс тек ақпаратты тез жеткізуді мақсат етсе, онда терең ойлау, диалог, күмәндану, құндылықтық таңдау және шығармашылық қабілеттер екінші орынға ығысады. Сондықтан электрондық білім беру философиясы технология мен адам арасындағы тепе-теңдікті сақтауға бағытталуы тиіс.

Гуманистік электрондық білім беру бірнеше қағидаға сүйенеді. Біріншісі - тұлғаға бағытталу: білім алушының қажеттілігі, мүмкіндігі, мәдени ортасы және өмірлік мақсаты ескеріледі. Екіншісі - диалогтық сипат: онлайн ортада да пікір алмасу, сұрақ қою, бірлескен ойлау және академиялық қауымдастық сезімі сақталуы керек. Үшіншісі - әділеттілік: цифрлық ресурстарға тең қолжетімділік, инклюзивті интерфейс, тілдік әртүрлілік және әлеуметтік қолдау қамтамасыз етіледі. Төртіншісі - жауапкершілік: технологияны қолдану білім сапасына, деректер қауіпсіздігіне, академиялық адалдыққа және адамның қадір-қасиетіне нұқсан келтірмеуі тиіс.

Электрондық білім берудің гуманистік өлшемі ұлттық мәдениет пен тіл мәселесімен де байланысты. Цифрлық платформалар жаһандық білім кеңістігіне жол ашқанымен, оқу мазмұнының жергілікті ғылыми дәстүрге, ұлттық құндылықтарға және мемлекеттік тілдегі академиялық коммуникацияға бейімделуі маңызды. Егер электрондық ресурстар тек сыртқы дайын контентке

сүйенсе, білім беру жүйесі ақпаратты тұтынушы деңгейінде қалып қоюы мүмкін. Сондықтан Қазақстан жағдайында қазақ тіліндегі сапалы электрондық оқулықтар, ғылыми бейнедәрістер, терминологиялық бірізділік, отандық кейстер мен зерттеу тапсырмалары ерекше мәнге ие. Бұл бағыт электрондық білім беруді ұлттық интеллектуалдық кеңістікті нығайтатын құралға айналдырады.

Осы тұрғыдан электрондық білім беру қазіргі білім беру философиясының өзекті феномені ғана емес, қоғамның болашақ мәдениетін қалыптастыратын кеңістік болып табылады. Білім беру жүйесі цифрлық технологияларды қаншалықты саналы және құндылықтық негізде қолданса, соншалықты электрондық орта адамның еркіндігін, шығармашылығын және әлеуметтік жауапкершілігін дамытуға қызмет етеді. Ал технологиялар мақсатқа айналып, адам факторы екінші орынға ығысса, электрондық білім беру өзінің гуманистік әлеуетін жоғалтуы мүмкін.

Қорытынды

Электрондық білім беру қазіргі білім беру философиясының маңызды феномені ретінде білімнің мазмұнын, таралу формаларын, педагогикалық қатынастарды және білім алушының тұлғалық жауапкершілігін қайта пайымдауға мүмкіндік береді. Ол цифрлық технологиялардың жиынтығы ғана емес, адамның білімге, уақытқа, кеңістікке, коммуникацияға және өзін-өзі дамытуға қатынасын өзгертетін әлеуметтік-мәдени құбылыс. Электрондық білім беру ашықтық, қолжетімділік, үздіксіздік, дербестік және икемділік құндылықтарын күшейтеді, бірақ сонымен қатар цифрлық теңсіздік, сапа, академиялық адалдық, деректер этикасы және адамаралық қарым-қатынастың әлсіреуі сияқты мәселелерді де алға шығарады.

Зерттеу электрондық білім берудің тиімділігі технологияның өзінен емес, оны педагогикалық және құндылықтық тұрғыдан дұрыс ұйымдастырудан тәуелді екенін көрсетті. Платформа, бейнедәріс немесе автоматты тест тек құрал болып табылады; ал білім берудің негізгі мақсаты - ойлай алатын, жауапты, мәдениетті, кәсіби және адамгершілік тұрғыдан жетілген тұлға қалыптастыру. Сондықтан электрондық білім берудің болашағы педагогтың кәсіби құзыреттілігіне, білім алушының оқу мәдениетіне, сапалы цифрлық контентке, әділетті инфрақұрылымға және гуманистік білім беру философиясына сүйенуі тиіс.

Қазақстан үшін электрондық білім беру аймақтық қолжетімділікті кеңейту, жоғары білімнің сапасын арттыру, халықаралық академиялық кеңістікке кірігу және өмір бойы білім алу мәдениетін қалыптастыру тұрғысынан ерекше маңызды. Бұл бағытта ұлттық цифрлық контентті дамыту, оқытушыларды жүйелі даярлау, инклюзивті және қауіпсіз платформалар құру, онлайн курстар сапасын бағалау стандарттарын жетілдіру қажет. Электрондық білім беру дұрыс ұйымдастырылған жағдайда сапалы білімге тең қолжетімділікті қамтамасыз ететін, тұлғаның дербес дамуын қолдайтын және қоғамның интеллектуалдық әлеуетін арттыратын маңызды факторға айналады.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - М.: Прогресс, 1973. - 592 с.
- 2 Anderson T. The Theory and Practice of Online Learning. - Edmonton: AU Press, 2008. - 472 p.
- 3 Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. - С. 492-505.
- 4 Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. - М.: Рипол-классик, 2015. - 240 с.
- 5 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. - 160 с.
- 6 Lacan J. Le Seminaire, Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. - Paris: Seuil, 1973. - 255 p.
- 7 McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. - New York: McGraw-Hill, 1964. - 359 p.
- 8 Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. - М.: Гиперборей, 2007. - 464 с.
- 9 Тоффлер О. Третья волна. - М.: АСТ, 2004. - 781 с.
- 10 China Launches two Global Online Learning Platform to Support Learning during COVID-19 Pandemic [Электронный ресурс] // UNESCO Institute for Information Technologies in Education. - 2020. - URL: <https://iite.unesco.org/news/china-launches-two-global-online-learning-platform-to-support-learning-during-covid-19-pandemic/> (дата обращения: 05.03.2023).
- 11 Gu X., Li L. China's Experience of Online Education during the COVID-19 Pandemic: Policies, Lessons and Challenges // Global Perspectives on Educational Innovations for Emergency Situations. - 2022. - P. 285-293. - DOI: 10.1007/978-3-030-99634-5_28.
- 12 Siemens G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. - 2005. - Vol. 2, No. 1. - P. 3-10.
- 13 Bates A.W. Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning. - 2nd ed. - Vancouver: Tony Bates Associates Ltd; BCcampus, 2019. - 767 p.
- 14 UNESCO. Education in a post-COVID world: Nine ideas for public action. - Paris: UNESCO, 2020. - 26 p.

Transliteration

- 1 Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. - М.: Progress, 1973. - 592 s. (in Russ.)
- 2 Anderson T. The Theory and Practice of Online Learning. - Edmonton: AU Press, 2008. - 472 p.
- 3 Kastel's M. Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [The Rise of the Network Society] // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya / pod red. V.L. Inozemceva. - М.: Academia, 1999. - S. 492-505. (in Russ.)
- 4 Bodrijjar Zh. Simuljakry i simuljacija [Simulacra and Simulation]. - М.: Ripol-klassik, 2015. - 240 s. (in Russ.)
- 5 Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna [The Postmodern Condition: A Report on Knowledge]. - М.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 1998. - 160 s. (in Russ.)

- 6 Lacan J. Le Seminaire, Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse [The Seminar, Book XI: The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis]. - Paris: Seuil, 1973. - 255 p. (in French.)
- 7 McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. - New York: McGraw-Hill, 1964. - 359 p.
- 8 Maklujen M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]. - M.: Giperboreja; Kuchkovo pole, 2007. - 464 s. (in Russ.)
- 9 Toffler A. Tret'ja volna [The Third Wave]. - M.: AST, 2004. - 781 s. (in Russ.)
- 10 China Launches two Global Online Learning Platform to Support Learning during COVID-19 Pandemic [Electronic resource] // UNESCO Institute for Information Technologies in Education. - 2020. - URL: <https://iite.unesco.org/news/china-launches-two-global-online-learning-platform-to-support-learning-during-covid-19-pandemic/> (accessed: 05.03.2023).
- 11 Gu X., Li L. China's Experience of Online Education during the COVID-19 Pandemic: Policies, Lessons and Challenges // Global Perspectives on Educational Innovations for Emergency Situations. - 2022. - P. 285-293. - DOI: 10.1007/978-3-030-99634-5_28.
- 12 Siemens G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. - 2005. - Vol. 2, No. 1. - P. 3-10.
- 13 Bates A.W. Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning. - 2nd ed. - Vancouver: Tony Bates Associates Ltd; BCcampus, 2019. - 767 p.
- 14 UNESCO. Education in a post-COVID world: Nine ideas for public action. - Paris: UNESCO, 2020. - 24 p.

Қауанова А.Б., Тарлаубай М.Ш., Абеуова Ш.Қ., Насырова М.

Электронное образование как феномен современной философии образования

Аннотация. В статье электронное образование рассматривается как значимый феномен современной философии образования в условиях глобальной цифровизации. Цель исследования заключается в комплексном анализе сущности электронного образования, его исторического становления, социально-культурной природы, аксиологического содержания и перспектив развития в пространстве высшего образования. Для достижения данной цели философски осмысляются цифровая трансформация образовательной среды, изменение ролей педагога и обучающегося, доступность знаний, академическое равенство, культура непрерывного обучения и цифровая компетентность. Обосновывается, что электронное образование представляет собой не только совокупность технических средств, но и новую образовательную экосистему, преобразующую познавательную активность, самостоятельность, ответственность и коммуникативный опыт человека. В статье анализируются преимущества и ограничения электронного обучения, опыт Казахстана и европейских стран, его роль в постпандемийный период, а также влияние искусственного интеллекта и виртуальных технологий. В заключении электронное образование оценивается как важный фактор обеспечения равного доступа к качественному образованию, расширения возможностей саморазвития личности и сохранения гуманистических ценностей образования в новой цифровой среде. Для дальнейшего развития электронного образования обосновывается необходимость создания качественного цифрового контента, совершенствования цифровых компетенций преподавателей и формирования инклюзивной образовательной среды.

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, электронное образование, философия образования, цифровая трансформация, мультимедийные ресурсы, непрерывное образование, цифровая компетентность, образовательная экосистема.

Kauanova A.B., Tarlaubay M.Sh., Abeuova Sh.K., Nassyrova M.
E-Learning as a Phenomenon of Contemporary Philosophy of Education

Abstract. The article examines e-learning as an important phenomenon of contemporary philosophy of education in the context of global digitalization. The aim of the study is to provide a comprehensive analysis of the essence of e-learning, its historical development, socio-cultural nature, axiological content and prospects for development within higher education. To achieve this aim, the article philosophically reflects on the digital transformation of the educational environment, the changing roles of the teacher and the learner, access to knowledge, academic equality, the culture of lifelong learning and digital competence. It is argued that e-learning is not merely a set of technical tools, but a new educational ecosystem that reorganizes human cognitive activity, independence, responsibility and communicative experience. The article analyzes the advantages and limitations of e-learning, the experience of Kazakhstan and European countries, its role in the post-pandemic period, and the influence of artificial intelligence and virtual technologies. The conclusion presents e-learning as an important factor in ensuring equal access to quality education, expanding opportunities for personal self-development, and preserving humanistic educational values in the new digital environment. The study substantiates the need for the further development of e-learning through the creation of high-quality digital content, the enhancement of teachers' digital competencies, and the establishment of an inclusive educational environment.

Keywords: digitalization, globalization, e-learning, philosophy of education, digital transformation, multimedia resources, lifelong learning, digital competence, educational ecosystem.

Авторлардың үлесі. Қауанова А.Б., Тарлаубай М.Ш., Абеуова Ш.Қ., Насырова М. зерттеу тұжырымдамасын әзірлеуге, талдау жүргізуге, мақаланың мәтінін дайындауға және оны жариялауға рәсімдеуге тең дәрежеде үлес қосты.

Келін түсті 08.05.2026
Қабылданды 14.05.2026

Курганской В.Д. – 70!

Уважаемая Валентина Дмитриевна!

Редакционная коллегия научного журнала «Аль-Фараби» сердечно поздравляет Вас со знаменательным юбилеем - 70-летием!

Ваш жизненный путь неразрывно связан с развитием философской науки Казахстана. Многие годы плодотворной работы в Институте философии, политологии и религиоведения стали ярким примером беззаветного служения науке, высоким идеалам просвещения и гуманизма. Ваши исследования в области русской философии, философских проблем межнациональных отношений, духовной культуры и общественного развития получили широкое признание научного сообщества и внесли значительный вклад в развитие отечественной и мировой философской мысли.

Особого уважения заслуживает Ваш талант педагога и наставника. Благодаря Вашему профессионализму, мудрости и душевной щедрости сформировалось не одно поколение учеников, которые с благодарностью вспоминают годы обучения и продолжают развивать заложенные Вами научные традиции. Ваши книги, монографии и многочисленные статьи стали важной частью современного философского знания и служат источником вдохновения для исследователей разных поколений.

Мы высоко ценим Вас не только как выдающегося ученого и педагога, но и как человека удивительной душевной красоты, надежного коллегу, верного друга. Ваше умение сочетать научную требовательность с человеческой теплотой, принципиальность с доброжелательностью снискало Вам искреннее уважение и признательность всех, кому посчастливилось работать и общаться с Вами.

В этот знаменательный день желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа, благополучия, душевной гармонии, неиссякаемой творческой энергии и вдохновения. Пусть рядом всегда будут любящие родные и близкие люди, верные друзья, благодарные ученики и коллеги. Пусть каждый новый день приносит радость, тепло, новые идеи и поводы для гордости за пройденный путь и достигнутые свершения.

С юбилеем Вас, дорогая Валентина Дмитриевна!

*От имени редакционной коллегии
журнала «Аль-Фараби»*

БІЗДІҢ АВТОРЛАР – НАШИ АВТОРЫ

Абеуова Шұға Құрманалықызы – К. Сағадиев атындағы Халықаралық бизнес университетінің доценті, философия ғылымдарының кандидаты

Анасова Қаламқас Темірқұлқызы – Қ.И. Сәтбаев атындағы Қазақ ұлттық техникалық зерттеу университеті, Қоғамдық пәндер кафедрасының меңгерушісі, философия ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор

Ашилова Мадина Серікбекқызы – Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, философия ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор

Балмағамбетова Жұлдыз Замировна – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, PhD докторант

Бегалинов Алибек Серікбекұлы – Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті, PhD, қауымдастырылған профессордың м.а.

Бегалинова Қалимаш Қапсамарқызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, философия ғылымдарының докторы, профессор

Бияздыкова Алимбековна Кенжегул – Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Қоғамдық-гуманитарлық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, философия ғылымдарының кандидаты

Болысова Қуралай Махсұтханқызы – Астана халықаралық университеті, доцент м.а., философия ғылымдарының кандидаты,

Видершпан Александр Валерьянович – профессор Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ», кандидат философских наук

Джекебаева Мақпал Абиловна – Қазақстан-Ресей Медицина университеті, Қоғамдық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, философия ғылымдарының кандидаты

Жумадилова Айгерим Ерболовна – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, старший преподаватель, PhD

Жуманиёзова Сабохат Бектурдиевна – Республикалық руханият және ағарту орталығы, жетекші маман

Исақ Нұрсұлтан Оразбекұлы – М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің философия кафедрасының оқытушысы

Качеев Денис Анатольевич – профессор Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ», кандидат философских наук

Киекенова Бағдат Базылқанқызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, PhD докторант

Кирабаев Нур Серикович – заведующий кафедрой истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор философских наук, профессор

Кульжанова Гульбарам Тимеркановна – Костанайская академия МВД РК имени Ширакбека Кабылбаева, профессор, доцент, кандидат философских наук

Кульжанова Жұлдияй Тимеркановна – Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина, директор института гуманитарных и педагогических наук, кандидат философских наук, ассоциированный профессор

Қауанова Аяулым Болатқызы – С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті, PhD докторант

Құдайбергенова Назгүл Жанысқызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Философия кафедрасының доценті м.а., PhD

Лифанова Татьяна Юрьевна – доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби, кандидат философских наук

Молотова Гульбахрем Максимовна – главный научный сотрудник Института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, кандидат филологических наук, доцент

Молотова Эльвира Максимовна – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, кандидат исторических наук

Мустафаева Анар Абдикадиевна – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, старший преподаватель факультета Востоковедения, PhD, доцент

Насырова Мадиям – Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің Қазақстан тарихы кафедрасының қауымдастырылған профессоры, философия ғылымдарының кандидаты

Нұрмухаметова Қарлығаш Шаймуратқызы – Алматы технологиялық университеті, «Әлеуметтік гуманитарлық пәндер» кафедрасының ассистент профессоры, философия ғылымдарының кандидаты,

Оспанов Таукель Тлеубекович – доцент Факультета мировой политики Казахстанско-немецкого университет, PhD

Салыматова Нұрғұл Рыскелдиевна – Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, PhD докторант

Саудабекова Эльмира Картамбаевна – ассоциированный профессор Гуманитарной школы Университета Нархоз, кандидат философских наук

Тарлаубай Майра Шүршітбайқызы – С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университетінің Қазақстан тарихы және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының қауымдастырылған профессоры

Таибулатова Махаббат Козуевна – ассоциированный профессор Гуманитарной школы Университета Нархоз, кандидат философских наук

Токтаров Ермек Бауржанович – заместитель Генерального директора по стратегическому развитию Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, PhD

Тұмашбай Талғат Еркінұлы – М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің философия кафедрасының меңгерушісі, PhD

Хаван Айдынғұль – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, старший преподаватель факультета Востоковедения, магистр

OUR AUTHORS

Abeuova Shuga – K. Sagadiyev University of International Business, Candidate of Philosophical Sciences

Anassova Kalamkas – K.I. Satbayev Kazakh National Research Technical University, Head of the Department of social disciplines, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Ashilova Madina – Ablai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Balmagambetova Zhuldyz – Al-Farabi Kazakh National University, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, PhD student

Begalinov Alibek – International Information Technology University, PhD, Acting Associate Professor

Begalinova Kalimash – Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Biyazdykova Kenzhegul – Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines at Kazakh National Women's Teacher Training University, Candidate of Philosophical Sciences

Bolyssova Kuralay – «Astana International University», Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor,

Isak Nursultan – M. Auezov South Kazakhstan University, Lecturer of the Department of Philosophy

Jekebayeva Makpal – Senior Lecturer of the Department of Social Sciences at Kazakhstan-Russian Medical University, candidate of philosophical sciences

Jumaniyozova Sabohat – Republican Center of Spirituality and Enlightenment, Leading Specialist

Kacheyev Denis – Professor at the Kostanai Branch of Chelyabinsk State University, Candidate of Philosophical Sciences

Kauanova Ayaulym – S. Amanzholov East Kazakhstan University, PhD student

Kirabaev Nur – Head of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Kiyekenova Bagdat – Al-Farabi Kazakh National University, Doctoral Candidate, Department of Philosophy

Kudaibergenova Nazgul – Al-Farabi Kazakh National University, Acting Associate Professor of the Department of Philosophy, PhD

Kulzhanova Gulbaram – Shrakbek Kabyrbayev Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Associate Professor

Kulzhanova Zhuldyzai – S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Director of the Institute of Humanities and Pedagogical Sciences, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences

Lifanova Tatiana – Al-Farabi Kazakh National University, Associate Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Candidate of Philosophical Sciences

Molotova Elvira – Leader Researcher, R.B. Suleimenov Institute of the Oriental Studies CS MSHE RK, Candidate of Historical Sciences

Molotova Gulbakhrem – Chief Researcher, R.B. Suleimenov Institute of the Oriental Studies CS MSHE RK, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Mustafayeva Anar – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, Faculty of Oriental Studies, PhD, Associate Professor

Nassyrova Madinyam – Ablai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan Candidate of Philosophical Sciences

Nurmukhametova Karlygash – Almaty Technological University, Assistant Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Candidate of Philosophical Sciences,

Ospanov Tauekel – Associate Professor of the Faculty of World Politics at the Kazakh-German University, PhD

Salymatova Nurgul – L.N. Gumilyov Eurasian National University, PhD student

Saudabekova Elmira – Associate Professor of the School of Arts and Social Sciences of Narxoz University, Candidate of Philosophy

Tarlaubay Mayra – S. Amanzholov East Kazakhstan University, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan and Social Sciences and Humanities

Tashbulatova Makhabbat – Associate Professor of the School of Arts and Social Sciences of Narxoz University, Candidate of Philosophy

Toktarov Yermek – Deputy Director General for Strategic Development of the Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies SC MSHE RK, PhD

Tumashbay Talgat – M. Auezov South Kazakhstan University, Head of the Department of Philosophy PhD

Vidershpan Alexander – Professor at the Kostanai Branch of Chelyabinsk State University, Candidate of Philosophical Sciences

Khavan Aidyngul – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, Faculty of Oriental Studies, Senior Lecturer, Master's degree

Zhumadilova Aigerim – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, Faculty of Oriental Studies, Senior Lecturer, PhD,

CONTENT

HERITAGE OF AL-FARABI: TRANSLATIONS AND RESEARCH

<i>Zhumadilova A.Ye., Mustafayeva A.A., Khavan A.</i>	
Religious Views of Al-Farabi in Western Scholarship: A Comparative	
Analysis of Interpretations.....	3

THE TURKIC WORLD IN THE STREAM OF HISTORY

<i>G.M. Molotova, E.M. Molotova</i>	
Common culture of Turkic peoples and transformational processes.....	18
<i>Salymatova N.R., Anassova K.T.</i>	
Transformation of Values in the Zar Zaman Worldview: the Conflict Between	
Tradition and Modernity.....	28
<i>Kacheyev D.A., Toktarov Ye.B., Ospanov T.T., Vidershpan A.V.</i>	
On the Transformation of the Social Consciousness of the Kazakhs.....	41
<i>Begalinova K.K., Ashilova M.S., Begalinov A.S.</i>	
The Sufism of the Heart in the Teachings of Khoja Akhmet Yassawi and Its Influence	
on the Formation of the Steppe Worldview.....	54

CONTEMPORARY SOCIETY: IDENTITY. MODERNIZATION. FUTURE

<i>Kulzhanova G., Kulzhanova Zh.</i>	
Human potential in the digital knowledge society: the problem of subjectivity.....	66
<i>Tashbulatova M., Saudabekova E.</i>	
Identity and its semiosis.....	80
<i>Jumaniyozova S.B.</i>	
Philosophical Aspects of Causal Relationships in the Universe.....	96
<i>Kiyekenova B.B., Nurmukhametova K.Sh., Bolyssova K.M.</i>	
Justice in the Context of Globalization and Digital Transformation	
(a Philosophical Analysis).....	107
<i>Balmagambetova Zh.Z., Lifanova T.Yu., Kirabaev N.S.</i>	
Intonation and Meaning in the Philosophy of Language.....	120
<i>Issak N.O., Tumashbay T.E., Kudaibergenova N.Zh.</i>	
Contemporary Philosophy: Internet Philosophy and Techno-Philosophy	
in the Post-Soviet Space.....	132
<i>Biyazdykova K.A., Jekebayeva M.A.</i>	
Dynamic Changes in Cultural and Philosophical Values.....	152

PHILOSOPHY OF EDUCATION

<i>Kauanova A.B., Tarlaubay M.Sh., Abeuova Sh.K., Nassyrova M.</i>	
E-Learning as a Phenomenon of Contemporary Philosophy of Education.....	169

ANNIVERSARY DATES

<i>V.D. Kurganskaya -70!</i>	183
<i>Our Authors</i>	186

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ ЖӘНЕ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:

Бас редактор: *Сағиқызы Аяжан*, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан);

Бас редактордың орынбасары: *Нұрмұратов Серік Есентайұлы*, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан);

Жауапты редактор: *Нүсіпова Гүлнар Игенбайқызы*, PhD, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының жетекші ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан).

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫНЫҢ МҮШЕЛЕРІ

Құрманғалиева Ғалия Құрманғалиқызы, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан); *Сейтахметова Наталья Львовна*, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан); *Барлыбаева Гауһар Ғинаятқызы*, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан); *Кәріпбаев Байжол Ысқақұлы*, Бөкетов атындағы ҚарМУ, философия ғылымдарының докторы, профессор (Қарағанды, Қазақстан); *Мейрбаев Бекжан Берікбайұлы*, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің философия және саясаттану факультетінің деканы, философия ғылымдарының кандидаты, доцент (Алматы, Қазақстан); *Қадыржанов Рүстем Қазақбайұлы*, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан); *Масалимова Әлия Рымғазықызы*, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының вице-президенті, философия ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан); *Құрманғалиева Айгүл Дүрбелеңқызы*, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің дінтану және мәдениеттану кафедрасының меңгерушісі, философия ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан); *Качеев Денис Анатольевич*, А. Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университетінің қауымдастырылған профессоры, философия ғылымдарының кандидаты (Қостанай, Қазақстан); *Сығзақбаева Ақмарал Сәлімжанқызы*, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің философия және саясаттану факультетінің профессоры, философия ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан); *Досхожина Жанат Мәлсіқызы*, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының жетекші ғылыми қызметкері, PhD (Алматы, Қазақстан); *Смирнов Андрей Вадимович*, Ресей Ғылым академиясы Философия институты директорының бірінші орынбасары, РҒА академигі, философия ғылымдарының докторы (Мәскеу, Ресей); *Лазаревич Анатолий Аркадьевич*, Беларусь ҰҒА Философия институтының директоры, философия ғылымдарының кандидаты (Минск, Беларусь); *Козырев Алексей Павлович*, Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университетінің философия факультетінің деканы, философия ғылымдарының кандидаты, доцент (Мәскеу, Ресей); *Қирабаев Нұр Серікұлы*, РҒА корреспондент мүшесі, философия ғылымдарының докторы, РҰДН университетінің профессоры (Мәскеу, Ресей); *Кныш Александр*, Мичиган университетінің профессоры (Энн-Арбор, АҚШ); *Мехди Санаи*, Тегеран университеті ректорының Ресей және Еуразия бойынша кеңесшісі, саяси ғылымдарының докторы (Тегеран, Иран); *Мамедзаде Ильхам Рамиз оглу*, Әзербайжан ҰҒА Философия институтының директоры, философия ғылымдарының докторы (Баку, Әзербайжан); *Хейл Генри*, Дж. Вашингтон университетінің профессоры (Вашингтон, АҚШ); *Шынай Биолент*, Улудаг университетінің профессоры, PhD (Бурса, Түркия); Шермұхамедова Нигинахон Арслановна, Мирзо Улутбек атындағы Өзбекстан ұлттық университетінің әлеуметтік ғылымдар факультеті, «Философия және руханият негіздері» кафедрасының меңгерушісі, философия ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан); *Фэн Юицзянь*, профессор, Фудань университеті, Халықаралық зерттеулер институтының директорының орынбасары (Шанхай, Қытай); *Скарантино Лука Мария* философия докторы, профессор (Милан, Италия); *Чжан Байчунь*, Бейжің педагогикалық университетінің дінтану кафедрасының меңгерушісі, философия ғылымдарының докторы, профессор (Пекин, Қытай)

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Философия, саясаттану және дінтану институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы республикалық мемлекеттік кәсіпорын. Жарияланған мақалалар редакция алқасының көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.

Редакцияның сапалы мақалаларды таңдап алуға құқы бар, сондай-ақ, ұсынылған материалдардағы ақпараттардың дұрыс жеткізілуіне жауапкершілікке алмайды.

Дизайн және беттеу: *Г. Нусипова*

Теруте 17.05.2026 ж. берілді. Басуға 15.06.2026 ж. қол қойылды.
Таралым 130 дана. Форматы 70х100^{1/16}. Есепті баспа табағы 11,25.

Отпечатано в типографии ИП «Quick Print»
г. Алматы, Алмалинский район, ул. Толе би, 113.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Главный редактор: *Сагызы Аяжан*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан).

Заместитель главного редактора: *Нурмуратов Серик Есентаевич*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан).

Ответственный редактор: *Нусипова Гульнар Игенбаевна*, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, PhD (Алматы, Казахстан).

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Курмангалиева Галия Курмангалиевна, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан); *Сейтахметова Наталья Львовна*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН РК (Алматы, Казахстан); *Барлыбаева Гаухар Гинаядовна*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан); *Карипбаев Байжол Искакович*, КарУ им. А.Букетова, доктор философских наук, профессор (Караганды, Казахстан); *Мейрбаев Бекжан Берикбаевич*, декан Факультета философии и политологии КазНУ им. аль-Фараби кандидат философских наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан); *Кадыржанов Рустем Казахбаевич*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан); *Масалимова Алия Рымгазиевна*, вице-президент Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор (Астана, Казахстан); *Курманалиева Айнура Дурбелиновна*, заведующая кафедрой религиоведения и культурологии Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан); *Качеев Денис Анатольевич*, КРУ им. А. Байтурсынова кандидат философских наук, доцент (Костанай, Казахстан); *Сыргакбаева Акмарал Салимжановна*, профессор Факультета философии и политологии КазНУ им.аль-Фараби, доктор философских наук, (Алматы, Казахстан); *Досхожина Жаннат Мэлсовна*, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, PhD (Алматы, Казахстан); *Смирнов Андрей Вадимович*, Первый заместитель директора Института философии РАН академик РАН, доктор философских наук (Москва, Россия); *Лазаревич Анатолий Аркадьевич*, директор Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук (Минск, Беларусь); *Козырев Алексей Павлович*, декан Факультета философии МГУ им.М.В. Ломоносова.кандидат философских наук, доцент (Москва, Россия); *Кирабаев Нур Серикович*, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор РУДН (Москва, Россия); *Кныш Александр*, профессор Мичиганского университета (г. Энн-Арбор, США); Мехди Санаи, советник ректора Тегеранского университета по России и Евразии, доктор политических наук (Тегеран, Иран); *Мамедзаде Ильхам Рамиз оглу*, директор Института философии НАН Азербайджана, доктор философских наук (г. Баку, Азербайджан); Хейл Генри, профессор Университета Дж. Вашингтона (г. Вашингтон, США); *Шынай Бюлент*, профессор университета Улудаг, PhD (Бурса, Турция); Шермухамедова Нигинахон Арслоновна, заведующая кафедрой «Философии и основы духовности» факультета социальных наук Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улутбека, доктор философский наук, профессор, (Ташкент, Узбекистан); *Фэн Юйцзянь*, профессор, заместитель директора Института международных исследований, Фуданьский университет (г. Шанхай, Китай); *Скарантино Лука Мария*, доктор философии, профессор (Милан, Италия); *Чжан Байчунь*, заведующий кафедрой религиоведения Пекинского педагогического университета доктор философии, профессор (Пекин, Китай)

Учредитель:

Республиканское государственное предприятие на праве хозяйственного ведения

«Институт философии, политологии и религиоведения» Комитета науки

Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редакционной коллегии.

Редакция оставляет за собой право отбора качественных статей и не несет ответственности за достоверность информации в представленных материалах.

Дизайн и верстка: *Г. Нусипова*

Сдано в набор 17.05.2026 г. Подписано в печать 15.06.2026 г.

Тираж 130 экз. Формат 70x100¹/₁₆. Уч.изд.л. 11,25.

Отпечатано в типографии ИП «Quick Print»

г. Алматы, Алмалинский район, ул. Толе би, 113.

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL:

Chief Editor: *Sagikzy Ayazhan*, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan).

Deputy Chief Editor: *Nurmuratov Serik*, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan).

Executive Editor: *Nusipova Gulnar*, Leading Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, PhD (Almaty, Kazakhstan).

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Kurmangaliyeva Galiya, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan); *Seytakhmetova Natalia*, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member of NAS RK (Almaty, Kazakhstan); *Barlybaeva Gauhar*, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan); *Karipbaev Baizhol*, KarU named after A. Buketov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Karaganda, Kazakhstan); *Meyrbaev Bekzhan*, Dean of the Faculty of Philosophy and Political Science of the Al-Farabi Kazakh National University, PhD, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan); *Kadyrzhanov Rustem*, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan); *Masalimova Aliya*, Vice President of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Astana, Kazakhstan); *Kurmanalieva Ainura*, Head of the Department of Religious Studies and Cultural Studies at the Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan); *Kacheev Denis*, Baitursynov KRU, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Kostanay, Kazakhstan); *Syrgakbaeva Akmaral*, Professor of the Faculty of Philosophy and Political Science of the Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Philosophical Sciences, (Almaty, Kazakhstan); *Doskhozina Zhanat*, Leading Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of CS MSHE RK, PhD (Almaty, Kazakhstan); *Smirnov Andrey*, First Deputy Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences (Moscow, Russia); *Lazarevich Anatoly*, Director of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Candidate of Philosophical Sciences (Minsk, Belarus); *Kozyrev Alexey*, Dean of the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, PhD in Philosophy, Associate Professor (Moscow, Russia); *Kirabaev Nur*, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at RUDN University (Moscow, Russia); *Knysh Alexander*, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the University of Michigan (Ann Arbor, USA); *Mehdi Sanai*, Doctor of Political Sciences, Advisor to the Rector of Tehran University for Russia and Eurasia (Tegeran, Iran); *Mammadzade Ilham*, Director of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Philosophical Sciences (Baku, Azerbaijan); *Hale Henry*, Professor of George Washington University (Washington, USA); *Shynay Bulent*, Professor of Uludag University, PhD (Bursa, Turkey); *Shermukhamedova Niginahon*, Head of the Department of Philosophy and Foundations of Spirituality, Faculty of Social Sciences, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, (Tashkent, Uzbekistan); *Feng Yujun*, Professor, Deputy Director of the Institute of International Studies, Fudan University (Shanghai, China); Scarantino Luca Maria, PhD, Professor (Milan, Italy); *Zhang Baichun*, Head of the Department of Religious Studies at Beijing Normal University, Doctor of Philosophy, Professor (Beijing, China)

Founder:

Republican state enterprise on the right of economic management
«Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies»
of Committee of the Ministry of Sciences and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.
Published materials don't necessarily reflect the points of view of the editorial board.
Editorial staff reserves the right to select quality articles and is not responsible for the reliability of information in the submissions.

Design and layout: *G. Nussipova*

Submitted to the set on 17.05.2026. Signed in print on 15.06.2026.
Circulation of 130 copies. The format is 70x100¹/₁₆. Found.edit.page 11,25.

Printed in the printing house of IE "Quick Print"
Almaty, Almalinsky district, Tole bi st., 113.